

Рецензенты:

Архарова Д.И., кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и коммуникативной культуры ИРО г. Екатеринбург;

Алексеева М.А., кандидат филологических наук, заведующая кафедрой литературы СУНЦ УрГУ.

Долинина Т.А.

Д 64 Готовимся к единому государственному экзамену: русский язык: учимся аргументировать собственное мнение по проблеме: пособие для учащихся / Т.А. Долинина. — М.: ООО «Русское слово — учебник», 2010. — 144 с.

ISBN 978-5-91218-033-0

Цель данного пособия — помочь учащимся при подготовке к написанию сочинения на экзамене по русскому языку (ЕГЭ). Особое внимание уделяется формированию умения обосновать свою позицию аргументами из художественных и публицистических произведений. Книга содержит рекомендации по выполнению задания «Аргументация экзаменуемым собственного мнения» (К4), фрагменты художественных и публицистических текстов, объединённые по проблемам. В пособии приводятся тексты ученических сочинений (в полном объёме и во фрагментах).

Навыки, полученные при работе с данными материалами, могут также использоваться при подготовке к экзамену по литературе (ЕГЭ).

Пособие адресовано учащимся 10—11 классов общеобразовательных учреждений.

УДК 373.167.1:811.161.1*10/11

ББК 81.2Рус-922

© Т.А. Долинина, 2010

© ООО «Русское слово — учебник», 2010

ISBN 978-5-91218-033-0

Общая характеристика выполнения части С и задания «Аргументация экзаменуемым собственного мнения по проблеме»

Значимость третьей части работы (задание С) в структуре ЕГЭ по русскому языку велика, так как именно это задание позволяет в достаточном объёме проверить и объективно оценить речевую подготовку экзаменуемых.

Выполнение задания С выявляет уровень коммуникативной компетентности выпускника, которая выражается в умении правильно определить проблему текста, позицию автора, предложить аргументацию собственного мнения по проблеме; ясно, связно, последовательно излагать свои мысли, соблюдая нормы литературного языка. Работа над сочинением, особенно над аргументацией собственного мнения, также позволяет продемонстрировать уровень общего развития личности, уровень исторических и культуроведческих знаний.

Выполняя задание С, очень важно правильно назвать проблему, поднимаемую автором, так как правильная формулировка проблемы помогает дать верный комментарий, точно определить позицию автора и выразить своё отношение к затронутой проблеме.

Проблема — спорное утверждение нравственной направленности, определяющее цель авторского замысла. Весь текст посвящён авторскому исследованию этого вопроса (проблемы). Это находит отражение в выборе материала и выделении автором таких аспектов, которые помогают ему найти ответ на волнующий его вопрос. Чтобы определить содержание проблемы, необходимо понять, о чём автор заставляет нас задуматься.

Проблему можно сформулировать разными способами. Удобна форма риторического вопроса и/или словосочетания с использованием слова «проблема», сама проблема в таком случае формулируется с помощью существительного в форме родительного падежа, например: *проблема одиночества, проблема нравственного выбора* и др. Слова «проблема» и/или «вопрос» обязательно должны прозвучать в тексте сочинения.

При определении проблемы, поднимаемой в тексте, необходимо учитывать её социальные и нравственные аспекты; нужно формулировать проблему, основываясь на ключевых словах текста. Важно чётко определить её границы.

При работе с художественным текстом нужно помнить, что речь идёт не о проблемах героев, а о тех общечеловеческих проблемах, которые автор раскрывает через образы героев.

При комментировании текста нельзя забывать, что комментарий — это толкование, разъяснение текста в аспекте выделенной проблемы, это вторичный текст, логизированная модель исходного текста, объясняющая его смысл. В комментарии отражается правильность и глубина понимания содержания авторского текста. Здесь должно проявиться умение выделять главное, исключать второстепенное, обобщать и упрощать, а также умение видеть взаимозависимость всех микротем текста. Очень важно давать самостоятельно сформулированные пояснительные замечания, которые объясняют смысл исходного текста в аспекте выделенной проблемы.

В комментарии можно использовать следующие клише:

В последнее время данная проблема приобретает всё большую значимость.

Истоки проблемы кроются в...

Важность проблемы подчёркивается тем, что...

Свои рассуждения автор начинает с...

Чтобы мы поняли, как это важно, автор рассказывает нам о том, что...

Пытаясь разобраться в этом вопросе, он отмечает...

Автор исследует, отмечает и т. д.

Комментарий может быть приближен к сюжетной линии текста, но не должен стать пересказом событий.

Очень важно правильно сформулировать позицию автора по выделенной проблеме. Определяя позицию автора, важно понять его цель, выявить, для чего он описывает явления и события. Позиция автора — это его отношение к проблеме, возможные пути её решения. Это вывод, к которому приводит нас автор. Нельзя путать проблему и позицию автора. Проблема текста — это вопрос, волнующий автора, позиция автора — это ответ на данный вопрос.

В публицистических текстах позиция автора звучит на протяжении всего текста и часто предъявляется открыто, в тезисе и/или выводе. В художественных текстах позиция автора выражается не прямо, а через образы героев, в том, как автор их изображает.

Нельзя путать отношение автора к проблеме и его отношение к героям текста, а также позиции автора и рассказчика-героя.

Для оформления позиции автора можно использовать следующие клише:

Автор считает, что...

Автор убеждён (уверен) в том, что...

По мнению автора...

Автора печалит, радует, огорчает...

Автор откровенно иронизирует и т. д.

Автор подводит читателя к мысли (к выводу) о том, что...

Автор доказывает, что...

Автор приходит к выводу... и т. д.

Разные этапы работы над сочинением связаны между собой: проблема (К1), комментарий (К2) и позиция автора (К3) в содержательном плане должны соотноситься друг с другом. Правильно сформулированная позиция автора (К3) помогает точно подобрать аргументы к собственной позиции (К4).

Аргументация собственного мнения часто позволяет увидеть, насколько точно понято содержание прочитанного текста. Поэтому работе по развитию умения аргументировать свою позицию следует уделить особое внимание.

Собственные аргументы выпускники часто подбирают, ориентируясь на достаточно широкое толкование проблематики (по теме текста), при этом они не учитывают позицию автора первичного текста. Нечёткая формулировка позиции автора ведёт к нарушению логики при выборе собственных аргументов.

Мнение о поставленной проблеме необходимо формулировать чётко, конкретно. Недопустимы узкие, неразвёрнутые высказывания, указывающие лишь на согласие (несогласие) с автором, необходимо раскрывать свою позицию.

В тексте сочинения необходимо чётко выделять фрагмент, содержащий позицию пишущего, для этого можно использовать речевые клише.

Выражение согласия:

Автор, безусловно, прав, считая, что...

Невозможно не согласиться с точкой зрения (позицией, мнением) автора.

Действительно...

Я согласен с...

Мне понятна тревога автора...

Позиция автора мне близка.

Я разделяю мнение (точку зрения) автора.

Высказывание (позиция, точка зрения, мнение) автора показалось мне интересным (глубоким, метким, убедительным).

Можно согласиться с автором.

Вопросы, поднимаемые автором, очень актуальны, так как...

Меня особенно взволновало то, что...

Невольно задумываешься о том, что...

Начинаешь понимать, что...

Кто из нас не знает (не слышал, не читал, не размышлял)... но задумывались ли мы о...

Действительно, кто из нас с подобным не сталкивался?

Выражение несогласия:

Я не согласен с мнением автора относительно данной проблемы.

Нельзя принять утверждения...

Хочется опровергнуть...

Мнение автора вызывает (может вызывать) протест.

Позволю себе высказать свою (иную) точку зрения.

С автором можно поспорить...

Нельзя не согласиться с автором в том, что... однако...

Доводы автора достаточно убедительны, но...

Эту проблему, по моему мнению, можно решить иначе...

По данной проблеме, как мне кажется, не может быть однозначного мнения.

Прав ли автор? Однозначного ответа нет.

Выпускник может соглашаться с мнением автора, может не соглашаться, может подбирать аргументы и «за» и «против», доказывать «от противного», может рассматривать, как менялось отношение к проблеме в разные эпохи у разных

авторов. Но своё мнение он должен выражать корректно, не допускать этических ошибок. Следует избегать категоричных, поспешных, непродуманных заявлений.

Учащийся должен в поддержку своей позиции не просто упомянуть какое-либо произведение, но и раскрыть сущность своего аргумента. Аргументы — это доказательства, приводимые в поддержку тезиса: факты, примеры, утверждения и т. д.

Способы обоснования своего мнения могут быть рациональные (логические), демонстративные (иллюстративные) и эмоциональные.

Рациональное доказательство можно выстраивать как критическое размышление, используя логические доводы.

Например:

Мне показалась обоснованной тревога И. Кабыш. Она убеждена, что, не понимая смысла слов, мы теряем язык, а теряя язык, мы теряем свою народность.

Почему так важно понимание смысла слова? Да потому, что общее понимание, по моему мнению, объединяет людей и расширяет связи с окружающим миром.

Правильное понимание слова — это глубокое знание действительности, в которой это слово живёт. Знание действительности развивает интеллект человека, а значит, и интеллект нации.

Наконец, слово — это культура народа. Нельзя забывать, что именно умение пользоваться богатством языка помогало Пушкину, Толстому, Достоевскому и другим великим писателям создавать произведения, формирующие культуру Родины.

Значит, знание языка объединяет нас в народ.

В качестве иллюстративных аргументов школьники могут приводить примеры из личной жизни, реальные факты из жизни окружающих, цитаты, примеры из художественных, научных, научно-популярных или публицистических произведений, цифровой или статистический материал, документы, доказанные положения, научные факты.

Например:

1. Думаю, никто не решится спорить с автором, потому что именно цель, которую мы ставим перед собой, определяет наш жизненный путь.

Вспомните судьбу героя рассказа А. Чехова «Крыжовник». Всю жизнь он мечтал только об одном: собственной усадьбе и крыжовнике. Казалось бы, что в этом плохого? Но когда вся жизнь посвящена достижению лишь этой цели, человека остаётся только пожалеть. Не случайно его брат говорит: «Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар».

2. В результате деятельности общества с середины XX в. мир потерял почти 1/5 верхнего плодородного слоя почв на обрабатываемых землях... Уничтожена 1/5 площади влажных тропических лесов, исчезли десятки тысяч видов растений и животных. За это же время в результате использования громадных количеств топлива содержание углекислого газа в атмосфере увеличилось на 13 %, что усилило парниковый эффект и вызвало потепление климата...

3. Недавно, гуляя в парке, я услышала, как маленькая девочка спросила у мамы, показывая на кленовые листики в луже: «А эти кораблики смогут до моря доплыть?» Этот наивный вопрос заставил задуматься о том, что детское восприятие мира позволяет видеть необычное в самом привычном.

Согласитесь, что этот дар очень важно сохранить всем. Помните у С. Есенина: «Я учусь, я учусь моим сердцем / цвет черёмух в глазах беречь...»?

Цель эмоциональных аргументов — воздействовать на слушателей, привлечь их внимание. Эмоциональные аргументы — это обращение к пафосу, к сопереживанию, вере, эмоциям.

Например:

1. Никакой технический прогресс не поможет человеку в его страданиях от неразделённой любви, переживаниях из-за совершённой ошибки, не успокоит его волнения накануне важного свидания.

Так сделали ли технические достижения человека более могущественным? Сделали ли его более счастливым?

2. Родина! Главное, что есть у человека. Но часто ли мы задумываемся об этом? Часто ли спрашиваем себя, что значит в нашей жизни любовь к родине, любовь к своей земле?

Недопустимо, чтобы слово «патриотизм» стало для нас формальным.

Аргументы в текст сочинения вводятся при помощи специальных слов-связок.

В качестве связок для введения аргумента можно использовать следующие клише:

Приведём ряд аргументов в защиту данного утверждения.

Во-первых... во-вторых... наконец...

Вспомним...

Обратимся к...

Достаточно вспомнить...

Допустим...

Предположим...

В русской литературе есть тому множество примеров.

Не случайно писатели постоянно обращались к этой проблеме.

...писал (говорил, утверждал)...

В произведении... говорится...

Зачастую трудно бывает доказать самые простые, всем понятные вещи.

И вместе с тем...

Остаётся добавить, что...

В доказательство можно сказать...

В заключение хочется ещё раз обратить внимание на...

Завершая свою мысль...

Итак...

Существуют разные способы изложения собственного мнения в рассуждении.

Дедуктивный способ изложения материала строится по следующей схеме: сначала предъясняется основная мысль, затем она развивается и доказывается (от общего к частному).

Например:

Изучение литературы, её преподавание в школе необходимо.

Читая произведения литературы, обсуждая их, школьники учатся думать, выражать свои мысли, то есть литература развивает мышление и речь.

Литература всегда поднимала проблемы, волнующие человечество. Художественные произведения заставляют человека за-

думываться о жизни, искать ответы на важные вопросы, то есть формируют равнодушное отношение к миру.

Литература помогает нравственному становлению человека, учит различать прекрасное и пошлое, доброе и злое, истинное и ложное.

При индуктивном способе аргументации сначала рассматриваются примеры-доводы, а затем формулируется основная мысль (от частного к общему).

Например:

Читая произведения литературы, обсуждая их, школьники учатся думать, выражать свои мысли, то есть литература развивает мышление и речь.

Литература всегда поднимала проблемы, волнующие человечество. Художественные произведения заставляют человека задумываться о жизни, искать ответы на важные вопросы, то есть формируют равнодушное отношение к миру.

Литература помогает нравственному становлению человека, учит различать прекрасное и пошлое, доброе и злое, истинное и ложное.

Именно поэтому изучение литературы, её преподавание в школе необходимо.

Существует ещё один распространённый приём логического изложения и объяснения — аналогия. Это умозаключение о принадлежности предмету определённого признака на основе сходства в существенных признаках с другим предметом.

Например:

Лиственница. Что за диковинное дерево!

Сколько видим её — хвойная. А нет. Приступает осень, рядом уходят лиственные в опал. Тогда — по соболезнасти? Не покину вас! — осыпается и она.

Сказать, что — сердцем, сердцевиной мягка? Опять же нет: её древесная ткань — наиважнейшая в мире, и топор её не всякий возьмёт, и в воде не тонет, а крепится всё ближе к вечному камню.

Ну, а возвратится снова ласковое тепло, можно и опять зазеленеть.

Ведь и люди такие есть.

(По А. Солженицыну. Крохотки)

Если в качестве аргумента используются демонстративные (иллюстративные) доводы (примеры из художественных, научных, научно-популярных или публицистических произведений), то лучше сначала представить произведение, назвать его и автора, затем дать очень краткую характеристику, аннотацию произведения или используемого фрагмента. Важно не пересказывать текст, а кратко объяснить, как это произведение (фрагмент) подтверждает позицию пишущего сочинение. Завершить обоснование собственного мнения лучше заключением, позволяющим объединить две части экзаменационной работы, показывающим, что используемый пример подтверждает (или опровергает) позицию автора первичного текста.

Выражение аргументированного собственного мнения оценивается тремя баллами, если экзаменуемый привёл не менее 2 аргументов, один из которых взят из художественной, публицистической или научной литературы. Два балла ставится, если выпускник привёл не менее 2 аргументов, опираясь на знания, жизненный опыт, или привёл только один аргумент из художественной, публицистической или научной литературы. Один балл ученик получает, если использовал только один аргумент, опираясь на знания, жизненный опыт.

Анализ критериев оценивания показывает, что на экзамене достаточно высоко ценится умение использовать для подтверждения своей позиции аргументы из художественной, публицистической или научной литературы. Но именно эта работа оказывается особенно трудной, так как учащиеся не всегда могут использовать ранее полученные знания в новой ситуации.

Цель настоящего сборника — помочь выпускникам научиться подбирать аргументы из художественной и публицистической литературы.

В сборник включены фрагменты произведений школьной программы: А. Пушкина, Л. Толстого, Ф. Достоевского, М. Вулгакова, М. Шолохова и др. Также использовались фрагменты произведений из известного ученикам сборника текстов для проведения письменного экзамена по русскому языку за курс основной школы (авторы-составители Л. Рыбченкова, В. Скларова); фрагменты текстов из демонстрационных версий ЕГЭ прошлых лет и различных

методических пособий по подготовке к ЕГЭ. Такой принцип подбора фрагментов произведений позволяет формировать у учеников навык привлечения ранее изученного материала, помогает учащимся понять, что они смогут на экзамене, доказывая свою позицию, подобрать необходимые аргументы, так как материал им знаком.

Также в сборник помещены фрагменты произведений классической литературы и произведений современных писателей, не входящих в школьную программу. Это позволяет расширить читательскую эрудицию выпускников.

Фрагменты художественных и публицистических текстов объединены в сборнике по проблемам. Однако необходимо помнить, что такое объединение условно, т.к. в одном произведении автор может затрагивать несколько проблем, поэтому нельзя считать, что предлагаемый вниманию фрагмент строго «закреплён» только за одной проблемой и не может использоваться в качестве аргумента для подтверждения своей позиции при рассуждении по другой проблеме.

Именно поэтому произведение А. Пушкина «Капитанская дочка» можно привести для аргументации своей позиции и по проблеме милосердия, и по проблеме чести и человеческого достоинства, и по проблеме судьбы человека в годы тяжёлых испытаний. В качестве примеров для аргументации разных проблем могут быть использованы и произведения Л. Толстого «Война и мир», Ф. Достоевского «Преступление и наказание», А. Чехова «Дома», М. Булгакова «Мастер и Маргарита», В. Распутина «Прощание с Матёрой» и др.

Например, в произведении А. Чехова «Дома» затрагиваются разные проблемы: это и проблема влияния искусства на человека, и проблема воспитания, и проблема любви родителей и детей, и проблема разного восприятия мира взрослыми и детьми, и проблема соразмерности проступка и наказания. А в произведении Б. Васильева «Экспонат №» звучат проблемы формального отношения к памяти, материнской любви, жестокости войны, эгоистичности детей, непонимания разными поколениями друг друга.

Ниже предлагаются вопросы, на которые рекомендуется отвечать после прочтения каждого текста. Такая работа поможет понять общую логику работы с предлагаемыми произ-

ведениями, многопроблемность каждого текста, возможность использовать тексты одного раздела в других разделах.

Вопросы и задания для работы с текстом

1. Определите своё отношение к проблеме, поднимаемой в предлагаемом фрагменте или рекомендуемом произведении.

2. Кратко прокомментируйте, как автор эту проблему раскрывает.

3. Выразите своё мнение по сформулированной проблеме, аргументируйте его, используя предлагаемые произведения.

4. Вашему вниманию в разделе представлены разные тексты, в которых поднимается одна и та же проблема. Сопоставьте тексты, задумайтесь о том, как авторы раскрывают эту проблему. Сближаются ли их позиции? В чём своеобразие решения проблемы каждым из авторов?

5. Какие ещё проблемы затрагиваются в этом тексте? Для доказательства каких позиций, утверждений в качестве аргументации может использоваться данный текст?

Кроме фрагментов художественных и публицистических произведений вниманию учащихся предлагаются фрагменты сочинений школьников. Анализ этих работ помогает понять, как, используя тексты данного сборника, можно аргументировать собственное мнение по определённым проблемам. Работая с сочинениями, важно проанализировать успешность выполнения задания К4, при этом нельзя забывать, что это только фрагменты сочинений (сочинения даны в редакции их авторов).

Конечно, аргументируя своё отношение к названным в сборнике проблемам, можно привлекать не только предлагаемые фрагменты текстов и названные произведения. Список проблем также может оказаться шире. Данное пособие предлагает только общие ориентиры, но, так как у многих выпускников читательский опыт ограничен и не сформирован навык употребления полученных ранее знаний в новой ситуации, подобный сборник материалов оказывается весьма актуальным.

Для работы можно использовать и предлагаемый в Приложении перечень возможных проблем. Полезно подумать над тем, какие произведения можно привести для аргументации своего отношения к этим проблемам.

Тексты для работы

Проблема патриотизма как важнейшей черты национального характера.

В чём проявляется истинный патриотизм?

В противность своей прежней сдержанной молчаливости князь Андрей казался теперь взволнованным.

— Сражение выигрывает тот, кто твёрдо решил его выиграть. Отчего мы под Аустерлицем проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами, но мы сказали себе очень рано, что мы проиграли сражение, — и проиграли. А сказали мы это потому, что нам там незачем было драться: поскорее хотелось уйти с поля сражения. «Проиграли — ну так бежать!» — мы и побежали... А завтра мы этого не скажем.

Для меня на завтра вот что: стотысячное русское и стотысячное французское войска сошлись драться, и факт в том, что эти двести тысяч дерутся, и кто будет злей драться и себя меньше жалеть, тот победит. И хочешь, я тебе скажу, что, что бы там ни было, что бы ни путали там наверху, мы выиграем сражение завтра. Завтра, что бы там ни было, мы выиграем сражение!

— Вот, ваше сиятельство, правда, правда истинная, — говорил Тимохин. — Что себя жалеть теперь! Солдаты в моём батальоне, поверите ли, не стали водку пить: не такой день, говорят. — Все помолчали...

Тот вопрос, который с Можайской горы и во весь этот день тревожил Пьера, теперь представился ему совершенно ясным и вполне разрешённым. Он понял теперь весь смысл и всё значение этой войны и предстоящего сражения. Всё, что он видел в этот день, все значительные, строгие выражения лиц, которые он мельком видел, осветились для него новым светом. Он понял ту скрытую, как говорится в физике, скрытую теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел, и которая объясняла ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти.

(Л. Толстой. Война и мир)

Пьер замечал, как после каждого попавшего ядра, после каждой потери всё более и более разгоралось общее оживление.

Как из придвигающейся грозовой тучи, чаще и чаще, светлее и светлее вспыхивали на лицах всех этих людей (как бы в отпор совершающегося) молнии скрытого, разгорающегося огня.

Пьер не смотрел вперёд на поле сражения и не интересовался знать о том, что там делалось: он весь был поглощён в созерцание этого, всё более и более разгорающегося огня, который точно так же (он чувствовал) разгорался и в его душе.

(Л. Толстой. Война и мир)

Когда Алпатыч выезжал из ворот, он увидел, как в отпертой лавке Ферапонтова человек десять солдат с громким говором насыпали мешки и ранцы пшеничной мукой и подсолнухами. В то же время, возвращаясь с улицы в лавку, вошёл Ферапонтов. Увидав солдат, он хотел крикнуть что-то, но вдруг остановился и, схватившись за волосы, захохотал рыдающим хохотом.

— Тащи всё, ребята! Не доставайся дьяволам! — закричал он, сам хватая мешки и выкидывая их на улицу. Некоторые солдаты, испугавшись, выбежали, некоторые продолжали насыпать. Увидев Алпатыча, Ферапонтов обратился к нему.

— Решилась! Расея! — крикнул он. — Алпатыч! Решилась! Сам запалю. Решилась... — Ферапонтов побежал во двор.

(Л. Толстой. Война и мир)

Начиная от Смоленска, во всех городах и деревнях русской земли... происходило то же самое, что произошло в Москве. Народ с беспечностью ждал неприятеля, не бунтовал, не волновался, <...> а спокойно ждал своей судьбы, чувствуя в себе силы в самую трудную минуту найти то, что должно было сделать. И как только неприятель подходил, богатейшие элементы населения уходили, оставляя своё имущество; беднейшие оставались и зажигали и истребляли то, что оставалось.

Те, которые выезжали с тем, что они могли захватить, оставляя дома и половину имущества, действовали так вследствие того скрытого патриотизма, который выражается не фразами, не убийством детей для спасения отечества и т. п. неестественными действиями, а который выражается незаметно, просто, органически и потому производит всегда самые сильные результаты.

«Стыдно бежать от опасности; только трусы бегут из Москвы», — говорили им. Им совестно было получать наиме-

нование трусов, совестно было ехать, но они всё-таки ехали, зная, что так надо было. Зачем они ехали? Нельзя предположить, чтобы Растопчин напугал их теми ужасами, которые производил Наполеон в покорённых землях. Уезжали и первые уехали богатые, образованные люди, знавшие очень хорошо, что Вена и Берлин остались целы и что там, во время занятия их Наполеоном, жители весело проводили время с обворожительными французами, которых так любили тогда русские мужчины и в особенности дамы.

Они ехали потому, что для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть.

(Л. Толстой. Война и мир)

Люблю отчизну я, но странною любовью!

Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям;
Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

(М. Лермонтов. Родина)

И в мире нет людей бесслёзней,
Надменнее и проще нас.
1922

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем её в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хвораая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чём не замешанный прах.
Но ложимся в неё и становимся ею,
Оттого и зовём так свободно — своею.
(А. Ахматова. Родная земля)

Спит ковыль. Равнина дорогая
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольт мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живётся на Руси.

(С. Есенин)

Стоял сентябрь. Мы уже десятый день на этом сталинградском заводе. Десятый день немцы бомбят город.

Игорь часто спорит с Георгием Акимовичем:

— Не умеем мы воевать. — Георгий Акимович смеётся мелким сухим смешком.

Игорь начинает злиться.

— Мы будем воевать до последнего солдата. Русские всегда так воюют. Но шансов у нас всё-таки мало. Нас сможет спасти только чудо. Иначе нас задавят. Задавят организованностью и танками.

Чудо?..

Недавно ночью шли мимо солдаты. Я дежурил у телефона и вышел покурить. Они шли и пели, тихо, вполголоса. Я даже не видел их, я только слышал их шаги по асфальту и тихую, немного даже грустную песню. Бойцы расположились на отдых вдоль дороги, на примятой траве, под акациями.

Мигали огоньками сигарок. И чей-то молодой, негромкий голос доносился откуда-то из-под деревьев:

— Нет, Вась... Ты уж не говори. **Лучше нашей нигде не сыщешь.** Ей-богу... Как масло земля — жирная, настоящая. — Он даже причмокнул как-то по-особенному. — **А хлеб взойдёт — с головой закроет...**

А город пылал, и красные отсветы прыгали по стенам цехов, и где-то совсем недалеко трещали автоматы то чаще, то реже, и взлетали ракеты, и впереди неизвестность и почти неминуемая смерть.

Я так и не увидел того, кто это сказал. Кто-то крикнул: «Приготовиться к движению!» Все зашевелились, загремели котелками. И пошли. Пошли медленным, тяжёлым шагом.

Пошли к тому неизвестному месту, которое на карте их командира отмечено, должно быть, красным крестиком.

Я долго стоял ещё и прислушивался к удалявшимся и затихшим потом совсем шагам солдат.

И вот в песне той, в тех простых словах о земле, жирной, как масло, о хлебах, с головой закрывающих тебя, было что-то... Я даже не знаю, как это назвать. Толстой называл это «скрытой теплотой патриотизма».

Возможно, это и есть то чудо, которого так ждём мы все, чудо более сильное, чем немецкая организованность и танки с чёрными крестами...

(По В. Некрасову. В окопах Сталинграда)

Что же это за страна, где, двигаясь от победы к победе, приходишь неукоснимо — к поражению?

Между тем генерал Гудериан не мог не помнить, что на этом самом столе, за которым сидел он, лежала некогда рукопись, в которой объяснялось, что это за страна и откуда же черпает она такую силу сопротивления, когда уже всему миру и самой себе кажется поверженной и разбитой. Готовясь к вторжению, он читал эту книгу в числе материалов, относящихся к похо-

дам в Россию. ...Одно место, подводившее итог Бородинскому сражению, было у него заложено муаровой ленточкой, и он к нему возвращался и возвращался:

«Не один Наполеон испытывал то похожее на сновидение чувство, что страшный размах руки падает бессильно, но все генералы, все... солдаты французской армии... испытывали одинаковое чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв половину войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения... Не та победа, которая определяется подхваченными кусками материи на палках, называемых знамёнами, и тем пространством, на котором стояли и стоят войска, — **а победа нравственная была одержана русскими под Бородином...**»

Некоторые военные страницы Толстого он не мог читать без чувства неловкости за автора. Пренебрежение к «подхваченным кускам материи на палках» или к цене пространства, где размещены войска, ещё можно было простить непрофессионалу, нельзя было ни простить, ни понять его упрямое непризнание войны как искусства.

Но один эпизод по-настоящему трогал и многое объяснял ему — то место, где молоденькая Ростова, при эвакуации из Москвы, приказывает выбросить всё фамильное добро и отдать подводы раненым. Он оценил вполне, что она себя этим лишила приданого и, пожалуй, надежд на замужество... Вот что было любопытно: этот поступок сумасбродной «графинечки» предвидел ли старик Кутузов, когда соглашался принять сражение при Бородине? Предвидел ли безропотное оставление русскими Москвы, партизанские рейды Платонова и Давыдова, инициативу старостиhi Василицы, возглавившей отряд крепостных? Если так, то Бонапарт проиграл, ещё и не начав сражения... которое вовсе и не было генеральным, поскольку в резерве Кутузова оставались главные русские преимущества — гигантские пространства России, способность её народа безропотно — и без жалости пожертвовать всем, не считаться ни с каким количеством жизней. И что же, он, Гудериан, этого не предвидел?

Всегда, до конца своих дней, считавший мифом «непобедимость русского колосса», Гудериан признавался себе этой ночью, что по крайней мере летняя кампания проиграна — в тот, одиннадцатый, её день, когда из Кремля разнеслось набатным колоколом: «**К вам обращаюсь я, друзья мои!...**» —

а в имперской канцелярии в Берлине это было пропущено мимо ушей. Так, верно, пропустил бы и Бонапарт, если бы его лазутчики донесли ему, что, покуда он выигрывает позиции и ожидает на Поклонной горе ключей от Кремля, в это время — никем не предсказанная, не учтённая, сумасбродная «графинечка» Ростова без колебаний раздаёт свои подводы раненым. А между тем она ему объявила свою войну — и не легче войны Кутузова и Барклая!..

(По Г. В л а д и м о в у. Генерал и его армия)

Что такое патриотизм?

Для средневекового человека — это прежде всего восторг перед собственной военной силой, силой своего народа. Побеждать врага, овладевать большими территориями... И это действительно свидетельствовало в своё время, пусть в малой мере, о нравственном достоинстве народа, потому что в этом выражалась его воля, бесстрашие, быстрота сообразительности, решимость рисковать своей жизнью, жертвовать жизнью.

Сейчас чувство патриотизма должно основываться совсем на другом. Оно должно основываться на иных представлениях о нравственном достоинстве нации. Военная победа сейчас покоится на хорошо работающих заводах и на решимости полководцев жертвовать чужими жизнями — не своей.

Нравственное достоинство нации состоит прежде всего в умении общаться с другими нациями и народами. Вот как человек: если он хорошо, по-доброму общается с другими людьми, умеет социально жить, — он приобретает нравственный авторитет. Если человек склонен к милосердию, уважает других людей, помогает слабым, — он тем самым ведёт себя с достоинством, заслуживает уважения.

Так и с нацией. Поведение большой нации в отношении малых, живущих на её территории, входящих в её состав, должно быть таким же, как у сильного человека по отношению к слабому: предупредительным, уважительным, социальным в широком смысле.

Если страна ведёт себя с соседями по-добрососедски, а с малыми народами, входящими в её состав, по-доброму, то это позволяет относиться к ней как цивилизованной державе.

Нравственный авторитет нации, страны определяется и многими другими особенностями их бытия. Скажем, отноше-

нием к наукам, особенно к фундаментальным наукам. Огромное значение имеют для авторитета нации и страны гуманитарные науки.

Ворота нации — искусства: архитектура, живопись, особенно музыка, театральное искусство. Ведь если мы едем в другой город, особенно в другой стране, мы прежде всего знакомимся с памятниками искусства, находящимися в этом городе, с музеями, с городским пейзажем, с обликом города (это тоже свидетельство отношения нации, народа к искусству).

Отсюда ясно, что и отношение народа к памятникам культуры другого народа способно утвердить авторитет народа. Поэтому, когда уничтожаются собственные памятники, и особенно памятники культуры другого народа, находящиеся на «своей» территории, — это чрезвычайно сильно роняет авторитет страны.

Мне кажется, что вопрос о нравственном достоинстве нации касается сейчас всех стран, и нужно, может быть, созывать конференции международного характера для изучения вопроса о том, в чём сейчас состоит истинный патриотизм.

Может оказаться, что маленький народ, народ, слабый в военном отношении, займёт первое место.

(По Д. Л и х а ч ё в у. Заветное)

Как всякая большая любовь, патриотизм расширяет сознание. Подлинный патриот любит весь мир. Маяковский писал: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было такой земли — Москва». Любовь к Парижу не заставила его отступить от родной Москвы, но любовь к Москве помогла поэту полюбить и оценить Париж. Нельзя, открыв величие родной земли, возненавидеть Вселенную... Наш патриотизм помогает нам любить другие, далёкие народы, понимать чужую культуру.

(И. Э р е н б у р г)

Кто не принадлежит своему Отечеству, тот не принадлежит и человечеству.

(В. Б е л и н с к и й)

1. Слово о полку Игоре.

2. М. Л е р м о н т о в. Бородино.

3. А. Твардовский. Василий Тёркин.
4. Б. Васильев. А зори здесь тихие... В списках не значился.
5. С. Есенин, А. Блок, Н. Рубцов.

Фрагменты сочинений учащихся

1. Автор помогает нам понять, что «скрытая теплота патриотизма» и есть «чудо», в трудную минуту объединяющее весь русский народ. И нельзя не разделить с автором его позиции.

На Бородинском поле во время Отечественной войны 1812 года русские сражались буквально «в лаптях», как говорят историки. Однако победа нравственная была одержана, а роман Л.Н.Толстого «Война и мир», в котором описаны эти события, считается настоящей одой русскому патриотизму.

Современная жизнь тоже даёт примеры проявления патриотизма, порой даже неожиданные. Матчи наших команд по хоккею, футболу, выступления спортсменов смотрит вся страна, и вся страна радуется победам и переживает проигрыш. Именно в такие моменты становится понятно, что, хотя и кажется, что современный человек о патриотизме не размышляет, все мы едины. И все хотим славы и побед нашей родины.

Возможно, это тоже скрытый патриотизм.

(Степан А.)

2. Я согласна с авторской позицией.

Истинный патриотизм — это величайшая сила, которая рождает особое чувство благородной гордости, соединяющее тысячи сердец в одно горячее сердце народа, бьющееся за свой мир, за Родину, за себя.

Подтверждение моим мыслям я нахожу в романе Льва Николаевича Толстого «Война и мир».

Вспомним слова князя Андрея Болконского, произнесённые им накануне Бородинского сражения в разговоре с Пьером Безуховым. Он называет главную, по его мнению, причину поражения русских войск под Аустерлицем: солдатам не за что было драться, не за что было воевать до последнего вздоха, сердца не наполняла «скрытая теплота патриотизма», которая потом, в 1812 году, будет озарять души участников Бородинского сражения, придавая им уверенность и силу стоять до самого конца.

Другой яркий пример — сцена сдачи Смоленска. Узнав, что обрונה города снята и войска защитников отступают, Ферапонтов раздаёт всё своё добро отходящим солдатам и готов поджечь свою лавку, лишь бы ничего не досталось врагу.

Именно чувство патриотизма может объединить народ братской любовью, вернуть ощущение общности истории и судьбы, ту крепкую и глубокую связь, которая соединяет людей через кровь и через душу.

(Виктория С.)

3. Позиция Д. Лихачёва показалась мне очень интересной и заставила о многом задуматься.

Конечно, каждый из нас знает, что патриотизм — это гордость за свою страну, осознание её величия, но понимание, что «патриотизм расширяет сознание», как говорил И. Эренбург, приходит не сразу.

Думается, что именно о таком патриотизме писал Л. Толстой, рассказывая в своём романе «Война и мир» о том, как русские солдаты и партизаны кормили и отогревали у костров пленных французов. Не случайно французский офицер Рамбаль говорит: «Вот люди!» И в этих словах признание подлинного величия русского человека.

Поэтому слова Д. Лихачёва: «Нравственное достоинство нации состоит прежде всего в умении общаться с другими нациями и народами», — кажутся очень убедительными.

(Олеся Н.)

Проблема бесчеловечности и жестокости войны

Несколько десятков тысяч человек лежало мёртвыми в равных положениях и мундирах на полях и лугах, принадлежавших господам Давыдовым и казённым крестьянам, на тех полях и лугах, на которых сотни лет одновременно собирали урожай и пасли скот крестьяне деревень Бородина, Горок, Шевардина и Семёновского. На перевязочных пунктах на десятину места трава и земля были пропитаны кровью. Толпы раненых и нераненых разных команд людей, с испуганными лицами, с одной стороны брели назад к Можайску, с другой стороны — назад к Валуеву. Другие толпы, измученные и голодные, ведомые начальниками, шли вперёд. Третьи стояли на местах и продолжали стрелять.

Над всем полем, прежде столь весело-красивым, с блёстками штыков и дымами в утреннем солнце, стояла теперь мгла сырости и дыма и пахло странной кислотой селитры и крови. Собрались тучки, и стал накрапывать дождик на уби-

тых, на раненых, на испуганных, и на изнурённых, и на сомневающихся людей. Как будто он говорил: «Довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы делаете?»

(Л. Толстой. Война и мир)

Пьер, не помня себя от страха, вскочил и побежал назад на батарею, как на единственное убежище от всех ужасов, окружавших его. В то время как Пьер входил в окоп, он заметил, что на батарее выстрелов не слышно было, но какие-то люди что-то делали там. Пьер не успел понять того, какие это были люди. Он увидел старшего полковника, лежащего на валу, и увидел одного, замеченного им, солдата, который, порываясь вперёд от людей, державших его за руку, кричал: «Братцы!» — и видел ещё что-то странное.

Но он не успел ещё сообразить того, что полковник был убит, что кричавший «братцы!» был пленный. Едва он вбежал в окоп, как худощавый, жёлтый, с потным лицом человек в синем мундире, со шпагой в руке, набежал на него, крича что-то. Пьер, инстинктивно обороняясь от толчка, выставил руки и схватил этого человека (это был французский офицер) одной рукой за плечо, другой за горло. Офицер, выпустив шпагу, схватил Пьера за шиворот.

Несколько секунд они оба испуганными глазами смотрели на чуждые друг другу лица, и оба были в недоумении о том, что они сделали и что им делать. «Я ли взят в плен или он взят в плен мною?» — думал каждый из них. Но, очевидно, французский офицер более склонялся к мысли, что в плен взят он, потому что сильная рука Пьера, движимая невольным страхом, всё крепче и крепче сжимала его горло. Француз что-то хотел сказать, как вдруг над самой головой их низко и страшно просвистело ядро.

Не думая более о том, кто кого взял в плен, француз побежал назад на батарею, а Пьер под гору, спотыкаясь на убитых и раненых.

(Л. Толстой. Война и мир)

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

(Ю. Друнина)

Между своими и немцами не было никакой нейтральной полосы; так близко сошлись в бою, что теперь иные лежали вперемешку.

Лейтенанта Нефёдова они нашли в окопчике. Руки он прижимал к животу; под задранной гимнастёркой, измазанной в липкой земле, белели беспорядочно намотанные бинты. Глаза его были закрыты, бледные губы обкусаны, лицо осунулось.

Донской наклонился над ним.

— Жив, — сказал он уверенно. И спросил раненого: — Можешь поговорить с командующим?

Нефёдов, с видимым усилием, приподнял веки. Глаза его где-то блуждали, смотрели как бы сквозь людей. При виде генерала едва обозначилось в них удивление.

— Спасибо тебе, дорогой. Считаю, ты уже на Героя представлен, — сказал генерал.

— Вам спасибо, — ответил Нефёдов не скоро, и было не понять, улыбается он или кривится от боли. — Но мне уже не нужно ничего... Видите, схлопотал очередь... Теперь мне бы только покоя...

— Кого б ты ещё назвал, четверых? — спросил Донской, раскрывая планшетку. — Кто, по-твоему, особо отличился?

— Никто. Мы не отличались... Мы все старались... Как я могу кого-то обидеть?

— Всем ордена будут. Но кто же больше всех сделал? — говорил Донской настойчиво. — Князев, заместитель твой? ещё кто?

— Старший сержант Князев погиб самым первым. У него бутылка разбилась в руке. При замахе. Может, пуля попала... Не знаю, не видел. Видел, как он горит факелом. И нельзя было потушить никак...

— Князеву посмертно, — сказал Донской, взглянув вопрошающе на генерала. — Кого ещё назовешь?

— Никого. Никому ничего не нужно посмертно. Я это хорошо знаю. И мне тоже не нужно, когда умру. И если живу — не нужно. Я слишком многое понял... Только говорить трудно... Можно, я просто так полежу?..

Все трое стоявших над ним распрямились. И генерал не знал, что ещё сказать умирающему, чем ободрить. Вся его

власть сейчас была бессильна не то что помочь этому парню выжить, но хоть уменьшить страдания.

(Г. Владимов. Генерал и его армия)

1. Л. Толстой. Севастополь в декабре месяце.
2. И. Бабель. Конармия.
3. М. Шолохов. Тихий Дон.
4. К. Воробьёв. Убиты под Москвой.
5. Ю. Бондарев. Горячий снег.
6. А. Проханов. Знак Девы.
7. В. Богомоллов. Иван.

Фрагменты сочинений учащихся

1. Замечательный поэт-фронтовик Ю. Друнина писала:

Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

И в этих словах жестокая истина. Война — не только подвиги. Война — это кровь, страдания и смерть. О такой правде войны говорит Л. Толстой и в «Севастопольских рассказах», и в романе «Война и мир». Об этой же стороне войны рассказывает нам и Г. Владимов в романе «Генерал и его армия». Герой произведения, юный лейтенант Нефёдов, знает, что никакие награды не нужны тем, кто понял страшную правду войны. И генерал, которому дана великая власть над судьбами людей, ничем не может помочь умирающему лейтенанту. Его сила бессильна перед властью войны и смерти.

Как хотелось бы, чтобы те, от кого в современном мире зависит принятие важнейших стратегических решений, тоже понимали эту истину.

(Наташа С.)

2. Как это ни печально, но воевать нашей стране приходилось много. И каждая война вписывала страшные кровавые строки в историю России. Ещё в «Слове о полку Игореве» прозвучала мысль о том, что война — это не только героические победы. Война — это и горечь поражения, и смерть воинов, и плач матерей и жён.

В романе Л. Толстого «Война и мир» есть поразительная сцена. Пьер во время Бородинского сражения возвращается на батарею, уже занятую врагом, и там сталкивается с французским офицером. Оба настолько напуганы всем происходящим, что даже не понимают, кто кого взял в плен. Этой их растерянностью и беспомощностью Толстой как

бы подчёркивает мысль, что человек не стремится ни к убийству, ни к тому, чтобы воспринимать другого как врага. И только война заставляет людей уничтожать друг друга.

В другом эпизоде этого же романа сама природа как бы говорит: «Довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы делаете?»

Как жаль, что этот призыв люди никак не хотят услышать.

(Настя Г.)

Проблема милосердия и сострадания. Проблема добра и зла

Легко можно себе представить, что чувствовал я в эту минуту. Через несколько часов должен я был увидеться с той, которую почитал уже для меня потерянной... Я думал также и о том человеке, в чьих руках находилась моя судьба и который по странному стечению обстоятельств таинственно был со мною связан. Я вспоминал об опрометчивой жестокости, о кровожадных привычках того, кто вызывался быть избавителем моей любезной!..

Вдруг Пугачёв прервал мои размышления, обратясь ко мне с вопросом:

«О чём, ваше благородие, изволил задуматься?»

— Как не задуматься, — отвечал я ему. — Я офицер и дворянин; вчера ещё дрался противу тебя, а сегодня еду с тобой в одной кибитке, и счастье всей моей жизни зависит от тебя.

«Что ж? — спросил Пугачев. — Страшно тебе?»

Я отвечал, что, быв однажды уж им помилован, я надеялся не только на его пощаду, но даже и на помощь.

«И ты прав, ей-богу, прав! — сказал самозванец. — Ты видел, что мои ребята смотрели на тебя косо; а старик и сегодня настаивал на том, что ты шпион и что надобно тебя пытать и повесить; но я не согласился, — прибавил он, понизив голос, чтоб Савельич и татарин не могли его услышать, — помня твой стакан вина и заячий тулуп. Ты видишь, что я не такой кровоопийца, как говорит обо мне ваша братья».

Я вспомнил взятие Белогорской крепости; но не почёл нужным его оспаривать и не отвечал ни слова.

(А. Пушкин. Капитанская дочка)

Марья Ивановна увидела даму, сидевшую противу памятника. Марья Ивановна села на другом конце скамейки...

Дама первая прервала молчание.

— Вы, верно, не здешние? — сказала она.

— Точно так-с: я вчера только приехала из провинции.

— Вы приехали с вашими родными?

— Никак нет-с. Я приехала одна. У меня нет ни отца, ни матери.

— Вы здесь, конечно, по каким-нибудь делам?

— Точно так-с. Я приехала подать просьбу государыне.

— Вы сирота: вероятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?

— Никак нет-с. Я приехала просить милости, а не правосудия.

...Императрица сидела за своим туалетом. Несколько придворных окружали её и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково к ней обратилась, и Марья Ивановна узнала в ней ту даму, с которой так откровенно изъяснялась она несколько минут тому назад. Государыня подозвала её и сказала с улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вам своё слово и исполнить вашу просьбу. Дело ваше кончено. Я убеждена в невинности вашего жениха.

(А. Пушкин. Капитанская дочка)

Петя стал вспоминать, не сделал ли он каких-нибудь глупостей, воспоминание о французе-барабанщике представилось ему. «Нам-то отлично, а ему каково? Куда его дели? Не обидели ли?» — подумал он.

«Спросить бы можно, — думал он, — да скажут: сам мальчик и мальчика пожалел. Стыдно будет, если я спрошу? — думал Петя. — Ну, да всё равно!» — и тотчас же, покраснев и испуганно глядя на офицеров, не будет ли в их лицах насмешки, он сказал:

— А можно позвать этого мальчика, что взяли в плен? Дать ему чего-нибудь поесть... может...

— Да, жалкий мальчишка, — сказал Денисов, видимо не найдя ничего стыдного в этом напоминании. — Позвать его сюда. Vincent Bosse его зовут. Позвать.

— Я позову, — сказал Петя.

— Bosse! Vincent! — прокричал Петя, остановясь у двери.

— Вам кого, сударь, надо? — сказал голос из темноты. Петя отвечал, что того мальчика-француза, которого взяли нынче.

— А! Весеннего? — сказал казак.

Имя его уже переделали: казаки в Весеннего, а мужики и солдаты — в Висеню. В обеих переделках это напоминание о весне сходилась с представлением о молоденьком мальчике.

— Он там у костра грелся. Эй, Висеня! Висеня! Весенний! — слышались в темноте передающиеся голоса и смех.

— А мальчонок шустрый, — сказал гусар, стоявший подле Пети. — Мы его покормили давеча. Страсть голодный был!

В темноте слышались шаги и, шлёпая босыми ногами по гризи, барабанщик подошёл к двери.

— Хотите есть? — сказал Петя. — Не бойтесь, вам ничего не сделают. Войдите, войдите.

Пете многое хотелось сказать барабанщику, но он не смел. Он, переминаясь, стоял подле него в сенях. Потом в темноте взял его за руку и пожал её.

(Л. Толстой. Война и мир)

От барабанщика, которому по приказанию Денисова дали баранины и которого Денисов велел одеть в русский кафтан, в том, чтобы, не отсылая с пленными, оставить его при партии, внимание Пети было отвлечено приездом Долохова. Петя в армии слышал много рассказов про необычайные храбрость и жестокость Долохова с французами, и потому с тех пор, как Долохов вошёл в избу, Петя, не спуская глаз, смотрел на него.

...Он (Долохов) снял в углу мокрую бурку и, подойдя к Денисову, не здороваясь ни с кем, тотчас же стал расспрашивать о деле... Денисов рассказал всё, что он знал про положение французского отряда.

— Это так, но надо знать, какие и сколько войск, — сказал Долохов, — надо будет съездить. У меня мундиры с собой.

— Я, я... я поеду с вами! — вскрикнул Петя.

— ...Вы возьмёте меня? — обратился он к Долохову.

— Отчего ж... — рассеянно отвечал Долохов, вглядываясь в лицо французского барабанщика.

— Давно у тебя молодчик этот? — спросил он у Денисова.
— Нынче взяли, да ничего не знает. Я оставил его при себе.
— Ну, а остальных ты куда деваешь? — сказал Долохов.
— Как куда? Отсылаю под расписки! — вдруг покраснев, вскрикнул Денисов. — И смело скажу, что на моей совести нет ни одного человека. Разве тебе трудно отослать тридцать ли, триста ли человек под конвоем в город, чем марать, я прямо скажу, честь солдата.

— Вот молоденькому графчику в шестнадцать лет говорить эти любезности прилично, — с холодной усмешкой сказал Долохов, — а тебе-то уж это оставить пора.

— Что ж, я ничего не говорю, я только говорю, что я непременно поеду с вами, — робко сказал Петя.

— А нам с тобой пора, брат, бросить эти любезности, — продолжал Долохов, как будто он находил особенное удовольствие говорить об этом предмете, раздражавшем Денисова. — Ну этого ты зачем взял к себе? — сказал он, покачивая головой. — Затем, что тебе его жалко? Ведь мы знаем эти твои расписки. Ты пошлешь их сто человек, а придут тридцать. Помрут с голоду или побьют. Так не всё ли равно их не брать?

— Это всё равно, тут рассуждать нечего. Я на свою душу взять не хочу. Ты говоришь — помрут. Ну, хорошо. Только бы не от меня.

Долохов засмеялся.

— Кто же им не велел меня двадцать раз поймать? А ведь поймают — меня и тебя с твоим рыцарством, всё равно на осинку.

В то время как Долохов заспорил с Денисовым о том, что надо делать с пленными, Петя почувствовал неловкость; но опять не сумел понять хорошенько того, о чём они говорили. «Ежели так думают большие, известные, стало быть, так надо, стало быть, это хорошо», — думал он.

(Л. Толстой. Война и мир)

Пятая рота стояла подле самого леса. Огромный костёр ярко горел посреди снега, освещая отягчённые инеем ветви деревьев.

В середине ночи солдаты пятой роты услышали в лесу шаги по снегу и хряск сучьев.

— Ребята, ведмедь, — сказал один солдат. Все подняли головы и прислушались, из леса, в яркий свет костра, выступили две, держащиеся друг за друга, человеческие странно одетые фигуры.

Это были два прятавшиеся в лесу француза. Хрипло говоря что-то на непонятном солдатам языке, они подошли к костру. Один был повыше ростом, в офицерской шляпе, и казался совсем ослабевшим. Подойдя к костру, он хотел сесть, но упал на землю. Другой, маленький, коренастый, обвязанный платком по щекам солдат, был сильнее. Он поднял своего товарища и, указывая на свой рот, говорил что-то. Солдаты окружили французов, подстелили больному шинель и обоим принесли каши и водки.

Ослабевший французский офицер был Рамбаль; повязанный платком был его денщик Морель.

Когда Морель выпил водки и доел котелок каши, он вдруг бодренно развеселился и начал не переставая говорить что-то не понимавшим его солдатам. Рамбаль отказывался от еды и молча лежал у костра, бессмысленными красными глазами глядя на русских солдат. Изредка он издавал протяжный стон и опять замолкал. Морель, показывая на плечи, внушал солдатам, что это был офицер и что его надо согреть. Офицер русский, подошедший к костру, послал спросить у полковника, не возьмёт ли он и себе согреть французского офицера; и когда вернулись и сказали, что полковник велел привести офицера, Рамбалью передали, чтобы он шёл. Он встал и хотел идти, но пошатнулся и упал бы, если бы подле стоящий солдат не поддержал его.

— Что? Не будешь? — насмешливо подмигнув, сказал один солдат, обращаясь к Рамбалью.

— Э, дурак! Что врешь нескладно! То-то мужик, право, мужик, — слышались с разных сторон упрёки пошутившему солдату. Рамбаль окружили, подняли двое на руки, перекватившись ими, и понесли в избу. Рамбаль обнял шеи солдат и, когда его понесли, жалобно заговорил:

— О, мои добрые друзья! Вот люди!

(Л. Толстой. Война и мир)

В маленьком садике при скверном ресторанчике маленького и скверного Туапсе завтракали мы в тугие, голодные времена — предбеженские.

Тощий ресторанный пёс бродил между столиками, стучал хвостом по голым рёбрам и «ни от какой работы не отказывался» — ел даже огрызки от солёных огурцов. Совсем, видно, пропадать приходится.

И вдруг в другом углу садика появился другой пёс. Видно, только что прошмыгнул в калитку.

Остановился у столика, за которым старик пилил ножом какую-то жареную кожу, остановился и присел. **И по всей позе видно было, что он сам сознаёт, как дело его незаконно.**

Старик взглянул на него и бросил ему через голову кость. Не успел пёс лязгнуть зубами, как в один прыжок **тот другой, ресторанный и законный**, был уже на нём. Пыль, визг, вихрь, шерсть, хвосты, зубы. Через секунду уже на другой стороне улицы тихое повизгивание, и уныло поджатый хвост медленно скрывается в воротах. **Победитель вернулся, полизал себе бок, разыскал незаконную кость, погрыз, задумался, опять погрыз, вяло, без жизни, без темперамента.** А ведь это всё-таки была ко-о-о-сть. Ведь не огуречный огрызок, а ко-о-о-сть. Да ещё, поди, с мясцом.

Задумался чего-то пёс. Морду отвернул, заскулил. **Неужто жалеет того, что прогнал?** Отряхнулся, подошёл к столу, минутку постоял да и отошёл. И работа, значит, на ум не идёт. Лёг у стены. Печальный, совсем расстроился. Вдруг фыркнул носом, вскочил и деловито, трусцой побежал через улицу.

Через минуту пёс, уже спокойный, совсем другой походкой вернулся в ресторан. **Морда у него была слегка смущённая, но очень добрая и даже весёлая.**

На почтительном расстоянии следовал за ним тот — нарушитель прав, злодей и преступник. Злодей уже не боялся, но явно старался держать себя скромно. Разыскал историческую кость, забился с нею скромно под забор, явно подчёркивая, что к клиентам соваться не будет.

Победитель рыскал без толку между столиками и так вилял хвостом, с такою силою, что даже весь набок поворачивался. Получил раза два здорового тумака, но даже не визгнул, так **был счастлив.**

(По Н. Тэффи. Два)

Под окном тормознул состав.

Я хлопотал по дому и ухом, привычным к железнодорожным звукам, отмечал, что состав идёт нетяжёлый, что он не

просто затормозил, но вроде бы и остановился. Не переставая мыть картоху, выглянул в окно.

Из вагонов начали спускаться люди, к ним подошли два солдата с винтовками и сержант с наганом. Сбившись в кучу, вагонные люди о чём-то поговорили с охранниками и, прицепив котелки к поясам, рассыпались в разные стороны.

Что за народ? Заключённые, что ли?..

«Пленные! — догадался я. — Домой возвращаются. Ну что ж, — ауввидерзейн, фрицы! Вот вы и побывали в России, изучили загадочную русскую землю. Не скоро вам небось снова захочется сюда на экскурсию».

В дверь раздался стук, заглушённый обивкой.

«Битте!» — крикнул я. Дверь дёрнулась раз, другой, не хотя отворилась. Внутрь метнулся клуб морозного пара. На пороге, сутулясь, остановился крупный мужик, одетый в многослойное тряпье, заношенное, грязное, украшенное заплатками.

Немец, увидев меня в гимнастёрке, замер на пороге. Сзади на него надвигалась дверь, наша тяжёлая и каверзная дверь. Внутренне ликуя, я ждал, как она сейчас шибанёт фрица, он окажется прямо передо мной и увидит, что на мне не просто гимнастёрка, заношенная и грязная, но на гимнастёрке ещё и дырки от наград. Во будет потеха!

Ему и поддало. И он оказался передо мной и всё, что надо и не надо, увидел. Глаза его, в багровых отёках с красными прожилками, выпучились ещё больше, рот, обмётанный толстой медной щетиной, открылся. И так вот мы постояли друг против друга какое-то время, и, однако ж, **я попробовал по-настоящему насладиться торжеством победителя. Но чего уж тут и чем наслаждаться-то — передо мной был в полном смысле поверженный враг.**

— Что ты хочешь? Чего тебе надо? — по-русски спросил я гостя. И он, быстро отцепив от пояса котелок, протянул его мне:

— Вассер! Вассер! Вода! Вода! — а сам косился на разбушевавшуюся плитку, на которой, полная картошки, кипела, выплескиваясь, шипела, пузырилась, брызгалась наша кастрюля.

Я подцепил ногой табуретку, пододвинул её к дверце плиты и жестом пригласил гостя садиться. Он без церемоний подсел к печке, на корточки — так ему было привычней, и протянул руки к дверце.

— Ну, как тебя там? — оглядев накрытый стол, спросил я. — Фриц? Курт? Ганс? — Больше я никаких немецких имён не помнил.

...Мы ели картошку молча.

Я набрал в щепотку соли и почти сердито сыпанул её перед гостем.

— Ешь. Так ешь. Стол чистый.

— По-русско ешь! — сказал гость, макнул картошку в соль, возвёл лицо к потолку, затряс головой и весь затрясся, всем туловищем. Большой, неуклюжий, в тряпье, неуклюже, по мужицки и плакал он, роняя в серую соль прозрачные слёзы.

— Что... что мы наделали? Я, я ест фашист, слюга Гитлер, слюга фатерлянд...

— Бог отвернулся от людей, отвернулся, — утираясь тряпкой, вынутой из недр лоскутья, потупился Иоганн и, поднявшись с табуретки, начал мне кланяться.

Я взял у него котелок и высыпал в него из кастрюли остатки варёных картошек.

— Не надо, не надо! — слабо протестовал Иоганн. — Фрау, киндер... я понимаю, последний кусок.

Я накинул шинель и пошёл за дочкой в детский сад.

Состав ещё стоял против окон. В раскрытых дверях, свесив ноги, тесно сидели пленные и что-то ели из котелков. Не один я такой жалостливый жил в здешней местности.

Мне показалось, что из вагона, стоящего против нашей избушки, кто-то мне помахал, и я, разом на что-то озлясь, сквозь стиснутые зубы выдавил:

— Да поезжайте вы, поезжайте вы все отсюда поскорее.

Когда я тащил завернутую в старую шаль дочку домой, состава на путях уже не было. Уехали немцы. Домой уехали. Горя на земле убыло...

(По В. Астафьеву. Весёлый солдат)

Из всех Щегловых в живых после блокады остались восьмилетняя Катя и брат Саша.

Их эвакуировали в Ташкент. И здесь Сашу и Катю взяла к себе узбечка Хадича.

...Хадича, маленькая проворная женщина, подвязав с утра косынкой седые жидкие косицы, целый день бесшумной юлой крутилась по утопанному, чисто выметенному дворику.

А Катя умирала...

Истончённый блокадным голодом желудок отторгал пищу. Девочка лежала на цветастых курпачах, расстеленных на балхане, и молча глядела в тёплое узорное небо, сквозившее радужными снопиками сквозь листья чинар. Виноградные лозы оплетали деревянные столбы балханы. Настырный ветерок трепал на плоских крышах алые лепестки маков...

Саша сидел рядом и тихо плакал: он понимал, что Катя умирает и он остаётся совсем один в этом бойком южном городе, среди чужих людей. Он никого к Кате не подпускал и всё разговаривал с ней, отворачиваясь и отирая слёзы рукавом рубашки.

— А потом, Катенька, мы поедem на острова, на лодке кататься. Помнишь, как Первого мая, до войны?.. Я буду грести, а ты вот так сядешь на корме и руку опустишь в воду, а вода ласковая, тёплая... Это обязательно будет, Катенька...

Хадича несколько раз поднималась на балхану, смотрела на девочку, качала головой и бормотала что-то по-узбекски. Под вечер, завернув в головной платок сапоги старшего сына, ушла и вернулась через час без сапог, осторожно держа обеими руками пол-литровую банку кислого молока.

Осторожно подложив ладонь под лёгкую Катину голову, приподняла её и поднесла к губам девочки пиалу. Катя потрогала губами прохладную кисловатую массу, похожую на жидкий студень из клея, а ещё на довоенный кефир... послушно отклебнула и потянулась ещё.

Хадича отняла пиалу, покачав головой: нельзя сразу. Весь вечер она просидела возле девочки, разрешая время от времени делать два-три глотка...

На другой день размочила в оставшемся молоке несколько кусочков лепёшки и позволила Кате съесть тюрю.

Саша уже не плакал. Он бегал к колонке за водой, раздувал самовар, подметал двор, и бог знает что ещё готов был сделать для этой женщины, для её четверых, тоже хронически голодных ребятишек. Двое старших сыновей Хадичи постигали правила русского языка в окопах Второго Украинского фронта, муж давно умер.

Для Катюшки Катя уже сидела во дворе на большой квадратной супе, свесив слабые тонкие ноги, опираясь спиной о подоткнутые Хадичой подушки, и глядела с тихим удивле-

нием на крикливые игры её черноглазых детей. Говор ей был непонятен, а игры — понятны все...

(Д. Рубина. На солнечной стороне улицы)

Помню, я даже растерялся, когда впервые увидел её, — такая вдруг стопудовая туша выперла из-за угла, да ещё в этом своём мужикоподобном, длиннющем, до колена, пиджаке из какого-то дешёвого тёмно-синего сукна...

На ум пришла кличка — Слон Голубоглазый. Всякий раз, встречаясь со мной, она улыбалась мне своими голубыми, прямо-таки ангельскими глазами (это при её-то габаритах) и спрашивала:

— Как вы поживаете? Как ваше здоровье?

Я, конечно, отшучивался, говорил какие-то банальности, пустяки. А что было делать? Не принимать же всерьёз все эти расхожие, изо дня в день повторяющиеся благоглупости? Но, странное дело, с некоторых пор я стал замечать: после встречи с Марией Тихоновной мне весь день было как-то легко и хорошо и даже лучше работалось.

Однажды жена сказала, что Мария Тихоновна приглашает нас на свой юбилей, шестидесятилетие.

— Ну знаешь... Только мне теперь по юбилеям ходить...

Конец июня, конец учебного года, что за жизнь в это время у преподавателя университета?

И тут жена вдруг расплакалась:

— А ты забыл, забыл, что сделала для меня Мария Тихоновна?

Были, были чёрные дни в нашей жизни. Написала жена диссертацию — на кафедре расхвалили до небес, а потом отменили защиту, потому что на партийном собрании выступил какой-то молодчик из породы так называемых бдителей. Потрясая с трибуны авторефератом диссертации, он заявил, что вот, мол, кому доверили разработку боевых проблем партийности в литературе! Человеку, который в годину всенародного подвига отсиживался у немцев.

И напрасно, напрасно жена стучалась во все двери, искала справедливости: нет вины за ней, не по своей воле она, дочка, два года заживо умирала в городке, внезапно занят врагом. Закаменели. Оглохли и ослепли.

В это самое время ей и попалась на пути Мария Тихоновна

Не знаю, до сих пор не знаю, чем так помогла жене Мария Тихоновна. Да и могла ли она вообще помочь, если говорить начистоту? Не то делопроизводитель, не то какая-то секретарша заочного отделения, а в общем, как говорится, из малых мира сего, — да что она могла сделать?

Я, однако, никогда не старался прояснить все подробности и детали этой истории. Меня в те дни тоже захватил какой-то всеобщий страх и малодушие.

Сознание до сих пор не выветрившейся полностью вины оделало своё дело, я махнул рукой: быть по-твоему! Пойдём на юбилей.

Много, много было гостей! Профессора, доценты, ассистенты, аспиранты. С геологического, с географического, с филологического...

Тут было и немало таких, кто жил и работал на Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале.

И что же, они специально приехали на этот вечер?

Главные речи и тосты были уже произнесены, и теперь в права вступали чувства, которые то и дело то тут, то там вырывались через край.

— Я Марии Тихоновне обязан жизнью... В тридцать третьем меня исключили из комсомола, а значит, и из университета, как сына кулака... И если бы не Мария Тихоновна...

— В общем, так: первую свою дочь я назвал Марией, и мой сын свою первую дочь тоже назвал Марией. И я хочу, чтобы обе мои Марии хоть немного, хоть капельку походили на вас, Мария Тихоновна...

— Наши дела, дела людей науки, измеряются статьями, книгами, открытиями, а чем, какой мерой измерить дела души, дела сердца?

И вдруг я понял, что значила Мария Тихоновна в жизни этих людей.

Дети железного века, века, когда исчезли, позабылись такие слова, как «сострадание», «милосердие», «жалость». Но она-то, Мария Тихоновна, знала, ведала силу этих слов. И сколько человеческих сердец отогрелось, оттаяло возле неё!

Мария Тихоновна сидела напротив меня, задумавшись и подперев щеку рукой. Широкое, скуластое лицо её окутывал полумрак, и я залюбовался её прекрасными голубыми глазами...

Где, где я раньше видел эти глаза — такие бездонные, кроткие и печальные? На старинных почерневших портретах? Нет, нет. На иконе Богоматери, которую больше всего любили и почитали на Руси.

Марии Тихоновны давно уже нет в живых. Но в те дни, когда мне бывает особенно тягостно и безысходно, я вспоминаю её юбилей.

(По Ф. Абрамову. Слон голубоглазый)

Она держала цыплёнка в ладонях, отогревая, прижавшая:

— Маленький... А его бьют... А он и так едва плачет... Чего ж с тобой делать, мой хороший? В коробку тебя да грелку. Может, оклемаешься.

Сосед сказал, как отрезал:

— Сдохнет. Кохай его, не кохай.

Добросердечная Валентина это понимала не хуже соседа, но всё равно жалко. И тут взгляд её остановился на кошке, которая в своём укромном углу, возле печки, кормила котят. Котятки лишь вывелись, ещё слепые, все трое в мамку: белыми, жёлтыми и чёрными пятнами — трёхцветные, говорят, к счастью. Потому и оставили. Люди разберут.

Каким-то безотчётным движением, цыплёнку ли сострадая, котяткам завидуя, Валентина подошла к дружному семейству, присела возле него и выпустила из рук цыплёнка.

Птенец шагнул раз и другой, пискнул и потянулся ближе к теплу кошачьему. Мурка погядела на него прищуренно и, что-то поняв или ничего не поняв, просто услышав жалобный писк, мягко пригребла птенца лапой поближе к себе. Птенец приник к её горячему брюху и даже под лапу залез: там теплей. Пискнув ещё раз, уже потише, он замер, угреваясь.

Сосед, уже собравшийся уходить, остановился, сказал, усмехнувшись:

— Сейчас она позавтракает.

— Наша Мурка хорошая... — возразила ему хозяйка. — Она маленького не тронет. У неё свои маленькие. Она их жалует. Она и чужого приголубит. Для всех — мамушка... — негромко объясняла ли, внушала Валентина, не поднимаясь с корточек и глаз не отводя от счастливого семейства.

Котят кормились, порою теряя сосок и тогда попискивая; цыплёнок дремал в тепле. Кошка смежила глаза, наслаждаясь своим счастливым материнством.

Сосед уже от порога вернулся, поглядел и сказал:

— Приголубит. Это она наелась и спит. А как проснётся — хрум-хрум... Одни пёрушки останутся...

Наутро цыплёнок никуда не делся, мирно проспав возле новой мамы. И пошло-поехало: греется, спит возле кошки, забираясь под лапу для тепла. Отоспится, пищит, бегаёт, клюёт, как положено, яйцо, творог, пшено, рубленую зелень, пьёт воду. Набегается, снова — под тёплый бочок.

Сосед Володя стал приходить на дню три раза. И с порога, не здороваясь, шёл прямо к печке.

— Не сожрала?

— Целый...

— Должна сожрать. Обязана, — твердил он. — Потому что — аверь...

Хозяйка пела своё:

— Мурочка... Она у нас умная. Она маленьких не обижает. Мама — она мама и есть.

У хозяина своё объяснение:

— Лёгкая у Валентины рука... Вот она ей сказала, под бок подпихнула, и Мурка послушалась...

Сосед в конце концов не выдержал и решил проверить, как говорится, на собственном опыте. Как раз у него клушка высидела цыплят. Он взял одного, отчаянно запищавшего, и сунул под нос своей кошке. Она у него обходилась без имени. Кошка да кошка... А нынче была с кошенёнком, с одним. Остальных потопил. Цыплёнка ей сунул под бок, приказал:

— Не жрать. Поняла? Не жрать его, а воспитывать. А если сожрёшь, я с тебя шкуру спущу. Ты меня знаешь. Засеку до смерти. Или повешу. Поняла?

Кошка смотрела на хозяина и вроде всё понимала, зная тяжёлую руку его.

Володя сунул цыплёнка кошке под бок. Поглядел. Всё вроде шло хорошо. Цыплёнок пищал. Кошка лежала, жмурилась.

Но сторожить не будешь. Дела ждут. Он ушёл. Скоро вернулся. Открыл дверь, кошка, шмыгнув под ногами, умчалась прочь. Цыплёнок, конечно, не было. Сожрала. И, между про-

чим, правильно сделала. Потому что — зверь. Но вот за то, что хозяина не послушалась, за это, конечно, — смерть. А кошка улизнула. Конечно, до поры. У Володи на это дело рука лёгкая.

(Б. Екимов. Лёгкая рука)

1. Ф. Достоевский. Преступление и наказание.
2. М. Булгаков. Мастер и Маргарита.
3. А. Солженицын. Матрёнин двор.
4. Б. Екимов. Ночь исцеления. Фетисыч.
5. А. Геласимов. Чужая бабушка.

Фрагменты сочинений учащихся

1. Я согласна с авторской позицией и считаю, что милосердие и сострадание не должны исчезнуть из нашей жизни.

Доброта — это такое состояние души, когда человек способен прийти на помощь другим, дать совет, а иногда просто пожалеть. Умея понять ближнего как самого себя, человек учится любви, открывает горизонты истинного счастья. Так, например, Петя Ростов, герой произведения Л. Толстого «Война и мир», сочувствует взятому в плен мальчику. Несмотря на то, что пленный был врагом, Петя предложил ему еды, поддержал его рукопожатием. Этот маленький поступок во многом характеризует Ростова, раскрывая его душевную доброту, способность к любви и пониманию ближнего.

Милосердие и сострадание — это те главные нравственные ориентиры, соотнося с которыми свою жизненную философию, человек может не только сохранить себя как личность, но и принести в мир добро и справедливость. Если каждый пожалеет ближнего, то и весь мир преобразится, обретёт новую нравственную красоту. Так, например, В. Астафьев в повести «Весёлый солдат» рассказывает, как русский солдат, прошедший через все тяготы войны, пожалел пленного немца, накормил его. Главный герой сердится на себя за свою доброту, но замечает, что от милосердия к врагам мир словно становился добрее, горя и печали убывает.

Да, жизнь действительно сурова, но важно сохранить в себе два святых чувства, которые творят добро в душе каждого и на всей земле, которые учат людей любви и жертвенности, создают в человеке духовную красоту и восстанавливают справедливость — это чувства милосердия и сострадания.

(Юлия В.)

2. Да, с автором трудно не согласиться: в самых трудных жизненных обстоятельствах человеческие отношения и сама по себе человечность

должны сохраняться. Даже по отношению к врагам нужно проявлять сострадание и милосердие. Подобное отношение проявляется у героя повести Виктора Астафьева «Весёлый солдат». Он сумел побороть высокомерие победителя и поделиться с пленным немцем-фашистом едой — картофелем, причём едой последней, и, по словам Астафьева, «горя на земле убыло».

Особенно милосердными бывают дети. Так, Петя Ростов, герой романа-эпопеи Льва Толстого «Война и мир», несмотря на страх насмешек, беспокоится о пленном французском мальчике-барабанщике. Он не может изменить его судьбу, судьбу пленного, но, переполненный эмоциями и по-настоящему детским смущением, горячо пожимает ему руку. В огне войны нашлось место для проявления светлых человеческих чувств.

Таким образом, место милосердию есть даже в самых бесчеловечных обстоятельствах. И именно это делает человека Человеком.

(Сергей К.)

3. Конечно же, я согласен с точкой зрения автора, утверждающего, что хотя в мире и много зла, но доброте и милосердию всегда есть место.

Возможно, впервые проблема добра прозвучала в Библии и с тех пор не перестаёт волновать человечество. Об этой проблеме говорили и А. Пушкин, и Ф. Достоевский, и Л. Толстой, и М. Булгаков. Каждый из писателей, обращаясь к этой теме, утверждал, что зло не бесконечно, что добро оказывается сильнее.

Мне запомнился рассказ Н. Тэффи «Два». Она повествует о тяжёлом для России времени. Времени, когда человеку невыносимо трудно жить. Однако главными героями её произведения являются не люди, а собаки. Удивительная же сила рассказа в том, что даже животные понимают: счастье не в том, чтобы отнять, а в том, чтобы пожалеть и поделиться. Именно поэтому повествование, начинавшееся с подчёркнутого повторения слова «скверный», заканчивается словами «так был счастлив».

Я тоже думаю, что добро всегда сильнее зла, потому что, если бы было иначе, мир бы просто перестал существовать.

(Андрей С.)

Проблема противостояния жизни и смерти

Как только солнце село, немцы усилили конвой и погнали нас ускоренным маршем. Сильно раненные наши не могли по-

спевать за остальными, и их пристреливали прямо на дороге. В полночь пришли мы в какое-то полусожжённое село. Ночевать нас согнали в церковь с разбитым куполом. На каменном полу — ни клочка соломы, а мы все без шинелей, в одних гимнастёрках и штанах, так что и постелить нечего.

Ночью полил такой сильный дождь, что все мы промокли насквозь. Сухого места даже в алтаре не найдёшь. Так всю ночь и прослонялись мы в этой церкви, как овцы в тёмном ка-тухе. Среди ночи слышу, кто-то трогает меня за руку и спрашивает: «Товарищ, ты не ранен?» Отвечаю ему: «А тебе что надо, браток?» Он и говорит: «Я — военврач, может, могу тебе чем-нибудь помочь?» Я пожаловался ему, что у меня левое плечо скрипит и пухнет и ужасно как болит. Он твёрдо так говорит: «Сымай гимнастёрку». И начал он руку в плече прощупывать своими тонкими пальцами, да так, что я света не взвидел. Скриплю зубами. А он как дёрнет мою руку, аж красные искры у меня из глаз посыпались.

Опомнился я и спрашиваю: «Ты что же делаешь, фашист несчастный? У меня рука вдребезги разбитая, а ты её так рванул». Слышу, он засмеялся потихоньку и говорит: «Думал, что ты меня ударишь с правой, но ты, оказывается, смирный парень. А рука у тебя не разбита, а выбита была, вот я её тебе на место и поставил. Ну, как теперь, полегче, тебе?» И в самом деле, чувствую по себе, что боль куда-то уходит. Поблагодарил я его душевно, и он дальше пошёл в темноте, потихоньку спрашивает: «Раненые есть?» Вот что значит настоящий доктор! Он и в плену и в потёмках своё великое дело делал.

(М. Шолохов. Судьба человека)

Лейтенант попросил разрешения, пока батарея будет менять позицию, отлучиться в город ему и молоденькому телефонисту Федосееву: парень никогда не видел Москвы...

— В самом деле, негоже защитнику Москвы не увидеть Москвы!

...Выбрались заулками и переулками на Дмитровское шоссе, потом на трамвае добрались до станции метро «Сокол», вошли в почти невидимую дверь, окутанную морозным паром... Неожиданно быстро доехали до площади Революции...

Фасад Большого театра, знакомый Федосееву по фотографиям и киножурналам, неузнаваем. Вся верхушка завешена

двумя декорациями: слева двухэтажный дом, правее роща. Лейтенант объяснил, что это камуфляж.

Вышли на Красную площадь. Лейтенант обещал показать Минина и Пожарского, народных ополченцев старой Руси, но памятник заложили мешками с песком.

А вот Пушкин, до которого они вскоре дошли, оказался ничем не укрыт: стоит с непокрытой головой, бронзовые плечи присыпаны снегом. Лейтенанта это тревожило. Правда, в пепельном небе маячит аэростат воздушного заграждения, но всё же...

...Вторично спустились в метро. В огромном бомбоубежище, каким стало московское метро, складывался свой быт. На станции «Арбатская» на служебной двери — табличка «Для рожениц». На станции «Курская» работал филиал публичной Исторической библиотеки: он открывался, когда прекращалось движение поездов. Федосеев проникся уважением к подземным читателям: занимаются в часы воздушной тревоги!

Телефонистом владела радость узнавания большого города. А ещё в сердце Федосеева всё больше росла гордость: не всякому довелось защищать столицу.

(По Е. Воробьеву)

И всё-таки —

Вновь убеждаюсь в этом —

Даже тогда,

в грязи и в золе,

Невский

был самым красивым проспектом

Из всех проспектов

На всей земле.

Даже тогда,

В блокадную зиму,

Расстрелянный поквартально,

Он был красив

невообразимо —

Светло

и многострадально.

...Почти оглохший в сплошных раскатах,
 От едкого смрада
                                 почти слепой,
 Он был красив
 Красотою солдата,
 Который держит
                                 неравный бой.
 Без стога,
                                 без крика,
                                 снося увечье,
 Которое каждый снаряд несёт,
 Он был красив
 Красотой человечьей,
 Самой высокой
                                 из всех красот...
 В будущих битвах
                                 всегда и всюду,
 Привычной рукой
                                 отводя беду,
 Я вспоминать
                                 непрерывно буду
 Невский
 В сорок втором году.
                                 (А. Межиров. Невский)

Тогда, в 43-м году, в четвёртом классе, я был хил, ходил в телогрейке, огромных сапогах и тёмно-синих штанах, которые мне выделили по ордеру из американских подарков. Штаны были жёсткие, из чёртовой кожи, но к тому времени я их уже износил, и на зад у меня красовались две круглые, как очки, заплатки из другой материи. Всё же я продолжал гордиться своими штанами — тогда не стыдились заплат. Кроме того, я гордился трофеем авторучкой, которую мне прислала из действующей армии сестра.

Мы ходили в кино — пролезали через угольную яму и устраивались возле аппаратной. Боже ты мой, Джордж из Динки-джаза, и Антоша Рыбкин. И жалкий, попадающий впросак Гитлер. Но настоящий Гитлер был не такой, мы это знали и, сидя в темноте возле аппаратной, придумывали казнь настоящему.

Я приходил домой и ждал младшую сестрёнку. Потом мы вместе ждали тётю. Тётя возвращалась с базара и приносила буханку хлеба и картошку. Иногда она ничего не приносила. Тётя дралась за нашу жизнь, за нас с сестрёнкой с покорной, вошедшей уже в привычку яростью.

Всю ночь тётя стирала. Вода струилась, плескала, булькала. Темнели омуты, струились водопады. Гитлер захлёбывался в мыльной пене, тётя давила его своими узловатыми руками.

(По В. Аксёнову. Завтраки 43-го года)

Безусловно, в войне с гражданским населением немцы достигли многого, на этом фронте они знали одни победы — естественно, перед ними был безоружный противник... Миллионы убитых... Не все они были мужественны, но среди них были и герои, имён их мы не знаем или почти не знаем... Но если говорить о гетто, то первый памятник — детям гетто: они были самые бесстрашные. Они доставляли в гетто продовольствие, проявляя при этом невиданное мужество и отвагу, многие заплатили жизнью за кусок хлеба, горстку муки, и всё равно это их не останавливало. Первое сражение было с голодом, первыми это сражение начали дети — и выиграли его. Они знали лазейки на соседние улицы, пролезали в любую щель, рылись на свалках, тащили с немецких автомашин, обменивали на хлеб вещи, покупали, если имели деньги, — и всё, до единой крошки приносили в гетто... Знаете... Когда голодный человек достаёт кусочек хлеба, первое побуждение — съесть его. Что же сказать о голодном ребёнке? Но повторяю, они всё, до единой крошки, приносили в гетто. Эти дети в семь лет становились людьми, в восемь умирали, как люди.

(А. Рыбаков. Тяжёлый песок)

Человек на Дальнем Севере ищет выхода своей чувствительности — не разрушенной, не отравленной десятилетиями жизни на Колыме. Человек посылает авиапочтой посылку: не книги, не фотографии, не стихи, а ветку лиственницы, мёртвую ветку живой природы.

Этот странный подарок, иссушенную, продутую ветрами самолётов, мятую, светло-коричневую, жёсткую, костистую северную ветку северного дерева ставят в воду.

Ставят в консервную банку, налитую злой хлорированной обеззараженной московской водопроводной водой, водой, которая сама может засушить всё живое.

Лиственницы серьезнее цветов. В этой комнате много цветов, ярких цветов. Здесь ставят букеты черёмухи, букеты сирени в горячую воду, расщепляя ветки и окуная их в кипяток.

Лиственница стоит в холодной воде, чуть согретой. Лиственница жила ближе к Чёрной речке, чем все эти ветки — черёмухи, сирени.

Лиственница — дерево Колымы, дерево концлагерей.

Это понимает хозяйка. Понимает это и лиственница.

Повинуясь страстной человеческой воле, ветка собирает все силы — физические и духовные, ибо нельзя ветке воскреснуть только от физических сил: московского тепла, хлорированной воды, равнодушной стеклянной банки. В ветке разбужены иные, тайные силы.

Проходит три дня и три ночи, и хозяйка просыпается от странного, смутного скипидарного запаха, слабого, тонкого, нового запаха. В жёсткой деревянной коже открылись и выступили явственно на свет новые, молодые, живые ярко-зелёные иглы свежей хвои.

Лиственница жива, лиственница бессмертна, это чудо воскрешения не может не быть — ведь лиственница поставлена в банку с водой в годовщину смерти на Колыме мужа хозяйки, поэта.

Для воскрешения нужна сила и вера.

Лиственница в московской квартире дышала, чтобы напоминать людям их человеческий долг, чтобы люди не забывали погибших на Колыме.

Помочь другим запомнить, снять со своей души этот тяжёлый груз. Человек и его жена удочерили девочку — заключённую девочку умершей в больнице матери — хоть в своём личном смысле взять на себя какую-то обязанность, выполнить личный долг.

Помочь товарищам — тем, кто остался в живых после концлагерей Дальнего Севера...

Посылая ветку, человек не знал, не думал, что ветку в Москве оживят, что она, воскресшая, запахнет Колымой, зацветёт на московской улице, что лиственница докажет свою силу, своё бессмертие; что люди Москвы будут трогать руками

эту шершавую, неприхотливую жёсткую ветку, будут глядеть на её ослепительно зелёную хвою, её возрождение, воскрешение, будут вдыхать её запах — не как память о прошлом, но как живую жизнь.

(По В. Шаламову. Воскрешение лиственницы)

Фрагменты сочинений учащихся

1. Е. Воробьёв убеждён, что людьми, которые способны противостоять хаосу и разрушению военных лет, можно гордиться, что именно мужество этих людей, их незаметный ежедневный подвиг, их любовь к родине и были той силой, что помогла одержать победу.

С автором трудно не согласиться. Думаю, что патриотизм может проявляться по-разному. Кто-то идёт в атаку, грудью закрывает амбразуру, а кто-то просто продолжает жить, сохраняя своё человеческое достоинство, как это делает героиня рассказа В. Аксёнова «Завтраки 43-го года». Тётя мальчика, как говорит рассказчик, дралась за жизнь его и его маленькой сестрёнки каждый день. Сцена, когда тётя стирает всю ночь, а мальчик видит, как Гитлер захлёбывается в мыльной пене и тётя давит его своими узловатыми руками, очень символична. Она помогает нам понять, что вот такой ежедневный терпеливый подвиг обычных людей, живущих далеко от фронта, тоже помог одержать победу над врагом. Именно о таком подвиге осаждённого Ленинграда писал поэт А. Межиров:

Он был красив

Красотою солдата,

Который держит

неравный бой.

И именно этот подвиг, каждодневный, будничный, сделал возможной нашу победу.

(Борис М.)

В. Кто из нас не читал произведений о войне, о героизме и подвигах солдат, но задумывались ли мы о том, что во многом победа зависела от мужества простых обычных людей, сумевших в нечеловеческих условиях продолжать жить, заботиться друг о друге, любить свой город, охранять памятники культуры от разрушения. Именно об этом заставляет нас размышлять прочитанный текст.

«Скрытая теплота патриотизма», о которой писал Л. Толстой, проявляется порой незаметно, но это не умаляет её величия. М. Шолохов в произведении «Судьба человека» почти не описывает больших сражений, не говорит о подвигах и победах, он рассказывает именно о

судьбе человека, о стойкости и мужестве. Один из героев, молодой врач, и в плену продолжает своё дело делать. Его поведение вызывает уважение, помогает понять, почему поражение фашистов было неизбежно.

Об этом же писал и А. Рыбаков в своём романе «Тяжёлый песок». Он в одном из эпизодов рассказывает о подвиге детей, обречённых на смерть, о том, как они боролись за жизнь, и не только свою. Мужество детей вызывает уважение. Не случайно автор говорит, что они в семь лет становились людьми.

Именно мужество обычных людей, их умение сохранять человеческое достоинство и выполнять свой долг помогает противостоять смерти.

(Оля Н.)

3. Думаю, что проблема противостояния жизни и смерти — это одна из самых жестоких проблем. Конечно, я согласна с мнением автора, что в этом страшном противостоянии даже перед лицом смерти очень важно сохранить в себе человеческое. Но об этом легко говорить и очень трудно осуществить в реальной жизни. Возможно, именно поэтому меня так поразила рассказ В. Шаламова «Воскрешение лиственницы».

В. Шаламов сам прошёл через все ужасы концлагерей на Колыме. Он знает, каким слабым может быть человек, понимает, что и на бессмысленную жестокость человек тоже способен. Но, рассказывая о том, как ожила ветка лиственницы, присланная в Москву с Колымы, Шаламов говорит, что эта ветка напоминает не о жестокостях и смертях, а о необходимости человечности. Он пишет, что люди воспринимают чудо её воскрешения «не как память о прошлом, но как живую жизнь». И эта вера в жизнь человека, прошедшего через самое страшное, особенно убедительна.

(Андрей П.)

Проблема памяти. Проблема бережного отношения к наследию прошлого

Память — одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого...

Лист бумаги. Сожмите его и расправьте. На нём останутся складки, и если вы сожмёте его вторично — часть складок ляжет по прежним складкам: бумага «обладает памятью»...

Памятью обладают отдельные растения, камень, на котором остаются следы его происхождения...

Сложнейшими формами родовой памяти обладают птицы, позволяющими новым поколениям птиц совершать перелёты в нужном направлении к нужному месту.

А что говорить о «генетической памяти» — памяти, заложенной в веках, памяти, переходящей от одного поколения живых существ к следующим.

Память противостоит уничтожающей силе времени.

Это свойство памяти чрезвычайно важно.

Принято примитивно делить время на прошедшее, настоящее и будущее. Но благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединённым с прошедшим.

Память — преодоление времени, преодоление смерти.

В этом величайшее нравственное значение памяти. «Беспамятный» — это прежде всего человек неблагодарный, безответственный, а следовательно, и неспособный на добрые, бескорыстные поступки.

Безответственность рождается отсутствием сознания того, что ничто не проходит бесследно. Человек, совершающий не добрый поступок, думает, что поступок этот не сохранится в памяти его личной и в памяти окружающих. Он сам, очевидно, не привык беречь память о прошлом, испытывать чувство благодарности к предкам, к их труду, их заботам и поэтому думает, что и о нём всё будет позабыто.

Совесть — это в основном память, к которой присоединяется моральная оценка совершённого. Но если совершённое не сохраняется в памяти, то не может быть и оценки. Без памяти нет совести.

Вот почему так важно воспитываться в моральном климате памяти: памяти семейной, памяти народной, памяти культурной.

(Д. Лихачёв. Письма о добром и прекрасном)

Показатель культуры — отношение к памятникам. Вспомните строки Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!

Земля была б без них мертва...

Поэзия Пушкина мудра. Ни одно слово в ней не лишено смысла. Почему же любовь к «отеческим гробам» «животворящая»? Да потому, что она ценностна, творчески активна, потому что она — одно из слагаемых культуры.

Культура личности формируется в результате деятельной памяти одного человека, культура семьи — результат семейной памяти, культура народа — народной памяти. Подобно тому как культура семьи не уничтожает, а совершенствует культуру личностную, так и культура всего человечества совершенствует, обогащает культуру каждого отдельного народа.

(Д. Лихачёв. Письма о добром и прекрасном)

Это чувство я испытываю постоянно уже многие годы, но с особой силой — 9 мая и 15 сентября.

Впрочем, не только в эти дни оно подчас всецело овладевает мною.

Как-то вечером вскоре после войны в шумном, ярко освещённом «Гастрономе» я встретился с матерью Лёньки Зайцева. Она присмотрелась и, узнав меня, выронила от неожиданности сумку и вдруг разрыдалась.

Я стоял, не в силах двинуться или вымолвить хоть слово... Она в ответ на расспросы лишь истерически выкрикивала: «Уйдите!!! Оставьте меня в покое!..»

В тот вечер я ходил словно пришибленный. И хотя Лёнька, как я слышал, погиб в первом же бою, возможно не успев убить и одного немца, а я пробыл на передовой около трёх лет и участвовал во многих боях, я ощущал себя чем-то виноватым и бесконечно должным и этой старой женщине, и всем, кто погиб — знакомым и незнакомым, — и их матерям, отцам, детям и вдовам...

А 15 сентября — день рождения Петьки Юдина; каждый год в этот вечер его родители собирают уцелевших друзей его детства.

Приходят взрослые сорокалетние люди, но пьют не вино, а чай с конфетами, песочным тортом и яблочным пирогом — с тем, что более всего любил Петька.

Всё делается так, как было и до войны, когда в этой комнате шумел, смеялся и командовал лобастый жизнерадостный

мальчишка, убитый где-то под Ростовом и даже не похороненный в сумятице панического отступления. Во главе стола ставится Петькин стул, его чашка с душистым чаем и тарелка, куда мать старательно накладывает орехи в сахаре, самый большой кусок торта с цукатом и горбушку яблочного пирога. Будто Петька может отведать хоть кусочек и закричать, как бывало, во всё горло: «Вкуснота-то какая, братцы! Навались!..»

И перед Петькиными стариками я чувствую себя в долгу; ощущение какой-то неловкости и виноватости, что вот я вернулся, а Петька погиб, весь вечер не оставляет меня. В задумчивости я не слышу, о чём говорят; я уже далеко-далеко... До боли клешнит сердце: я вижу мысленно всю Россию, где в каждой второй или третьей семье кто-нибудь не вернулся...

(По В. Богомолу. Сердца моего боль)

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире,
Который год подряд,
Одни в пустой квартире
Их матери не спят.

Свет лампы воспалённой
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идёт кино;
Девчонки — их подруги —
Все замужем давно.

Но помнит мир спасённый,
Мир вечный, мир живой,
Серёжку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой.

(Е. Винокуров. Москвичи)

Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они — кто старше, кто моложе —
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, —
Речь не о том, но всё же, всё же, всё же...

(А. Твардовский)

Летом, когда я окончил девятый класс, дядя предложил мне охранять пасеку на берегу тощей, но рыбной речушки Сисявы.

Однажды после обеда послышался гул машины. Возле пасеки остановилась белая «Волга». Высокий мужчина лет сорока, обойдя машину, открыл заднюю дверь и помог выйти маленькому старичку. Тот, шатаясь на слабых ногах, тяжело осел на траву и стал с жадной пронзительностью смотреть кругом, словно чуял в летнем зное какой-то неотчётливый запах и пытался понять, откуда он исходит. Вдруг ни с того ни с сего старичок заплакал. Его лицо не морщилось, губы не дрожали, просто из глаз часто-часто потекли слёзы и стали падать на траву. Мужчина, который привёз старика, пояснил:

— Это мой дед! Раньше он жил здесь. На этом самом месте стояла деревня. А потом все разъехались, ничего не осталось.

Старик кивнул, а слёзы, не переставая, текли по его серым впалым щекам.

Когда они уехали, я оглянулся по сторонам. Тени пересекали берег. В стороне горел костёр, ветерок шевелил футбольку, которая сушилась на верёвке... Вдруг я ощутил всю тяжёлую силу времени, которое вот так раз — и слизнуло целую вселенную прошлого. Неужели от нас останутся только эти смутные тени, которые бесследно растают в минувшем? Я, как ни силился, не мог представить, что здесь когда-то стояли дома, бегали шумные дети, росли яблони, женщины сушили бельё... Никакого знака былой жизни! Ничего! Только печальный ковыль скорбно качал стеблями и умирающая речушка едва шевелилась среди камышей...

Мне вдруг стало страшно, как будто подо мной обломилась земля и я оказался на краю бездонной пропасти. Не может быть! Неужели человеку нечего противопоставить этой глухой, равнодушной вечности?

Вечером я варил уху. Рядом робко шевелились тени, и мне казалось, что сюда из прошлого несмело пришли некогда жившие здесь люди, чтобы погреться у огня и рассказать о своей жизни. Порою, когда пробежал ветер, мне даже слышны были эти тихие голоса...

Тогда я подумал: память. Чуткая человеческая память. Вот что человек может противопоставить глухой, холодной вечности.
(По Р. Савинову)

Игорёк уходил ранним утром 2 октября 1941 года... Сказал, что все они тогда говорили:

— Я вернусь, мама.

Не вернулся.

И письмо Анна Федотовна получила всего одно-единственное. Коротенькое письмо, написанное второпях химическим карандашом на листочке из ученической тетради в линейку...

Скоро пришло второе письмо: «Уважаемая Анна Федотовна! Ваш сын был...»

Был.

Был Игорь, Игорёк, Игорёчек. Был сыном, ребёнком, школьником, мальчишкой, солдатом. Хотел переписываться с соседской девочкой Риммой, хотел вернуться к маме. И ещё хотел жить.

Время шло. Анна Федотовна по-прежнему утром уходила на работу, а вечером читала письма. Сначала это было мучительной болезненной потребностью, а затем — ежевечерним и чрезвычайно важным разговором с сыном. С Игорьком, так и оставшимся мальчишкой навсегда.

Она знала письма наизусть, а всё равно перед каждым сном неторопливо перечитывала их, всматриваясь в каждую букву. Два письма и похоронка, которую она тоже знала наизусть, но которая тем не менее всегда оставалась безмолвной. В ней не звучало ни единого слова, потому что похоронка всю жизнь воспринималась Анной Федотовной копией могильной плиты её сына.

А время шло себе и шло. Старела, темнела, таяла на глазах Анна Федотовна. Менялись жильцы в когда-то плотно населённой коммунальной квартире, и только две семьи — Владимир и Римма да одинокой Анны Федотовны — не трогались с места. Жили в бывшей коммунальной квартире единой семьёй: старшие работали, младшие учились. Анна Федо-

товна, как могла, помогала им работать и учиться, взяв на себя домашние хлопоты.

...Очки, которые прописал окулист, помогали ходить, но читать Анна Федотовна уже не могла. Но всё равно каждый вечер перед сном она брала письма и неторопливо вглядывалась в них, слушая голоса.

Скоро Анна Федотовна ослепла окончательно. Письма ей теперь по вечерам читала Танечка (внучка Риммы).

А затем пришёл 1985 год. Год сорокалетия Великой Победы...

— Бабуля, это к тебе, — объявила Танечка, входя в комнату в сопровождении двух очень серьёзных девочек и одного ещё более серьёзного мальчика. — Ты покажи им всё, ладно? А я побежала. — И умчалась.

А слепая Анна Федотовна осталась, не видя, но точно зная, что трое ребятишек жмутся у порога.

— Раздевайтесь, — сказала. — И проходите. Садитесь, кому где удобнее.

Кажется, дети так и не сели, но долго шушукались, подталкивая друг друга. Наконец мальчика, видать, вытолкнули в ораторы.

— Ваша внучка Таня со своей музыкальной школой выступала на вечере. А у нас в школе почин: «Нет неизвестных героев». А она сказала, что у вас фашисты убили сына Игоря и что он вам писал письма.

Мальчик выпалил всё единым духом и замолчал. Анна Федотовна обождала, но девочки молчали тоже, и тогда она уточнила:

— Игорь успел написать всего одно письмо. А второе написал после его смерти его товарищ.

Протянула руку, открыла шкатулку, бережно достала бесценные листочки.

— Можете посмотреть. Здесь письма и... И похоронка.

Дети долго разглядывали документы, шептались.

— Вы должны передать эти документы нам. Пожалуйста.

— То есть как это? — удивилась она. — Эти письма касаются моего сына, почему же я должна передать их вам?

— Потому что у нас в школе организуется музей.

— Я с удовольствием отдам вашему музею копии писем.

— А зачем нам ваши копии? — с вызывающей агрессией крикнулась вдруг старшая девочка, и Анна Федотовна удивилась, каким официально-нечеловеческим может стать голос десятилетней девочки. — Ведь копия — это же просто бумажка.

Анне Федотовне очень не понравился этот вызывающий, полный непонятной для неё претензии тон, и она сказала:

— Пожалуйста, верните мне документы.

Дети снова возбуждённо зашептались.

— Бабушка, — впервые заговорила самая маленькая, и голосок у неё оказался совсем ещё детским. — Вы ведь очень старенькая, правда? А вдруг вам станет нехорошо, и тогда все ваши патриотические примеры могут для нас пропасть.

— Вот когда помру, тогда и забирайте, — угрюмо сказала Анна Федотовна...

Анна Федотовна аккуратно сложила письма в шкатулку. Дети о чем-то шептались.

— Всё равно нельзя, — горячо и непонятно зашептал мальчик.

— Молчи лучше! — громко оборвала девочка.

Делегация удалилась.

Она скоро позабыла о визите детей, но чем ближе к вечеру клонился этот день, тем всё более явно ощущала она некую безадресную тревогу.

— Переутомление, — определила Римма, когда по возвращении услышала смутную жалобу Анны Федотовны. — Ложись в постель.

Анна Федотовна легла, но вдруг привстала на кровати.

— Римма, загляни в шкатулку. Загляни в шкатулку...

Не очень ещё понимая, Римма встала, открыла шкатулку. Старуха ждала, подавшись вперёд в судорожном напряжении.

— Нету? Ну? Что ты молчишь?

— Нету, — тихо сказала Римма. — Похоронка на месте, фотографии, значки, а писем нет.

— Только одна похоронка... — прохрипела Анна Федотовна.

«Я вернусь, мама». Нет, не слышала она больше этих слов. Она ясно помнила, где, как и когда произнёс их Игорь, но голос его более не звучал в её душе. Он угас, умер, погиб исторично, и теперь уже погиб навсегда.

(По Б. Васильеву. Экспонат №)

Помните!
Через века,
                    через года, —
помните!
О тех,
кто уже не придёт
                    никогда, —
помните!

Не плачьте!
В горле сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
                    павших
                    будьте достойны!

Вечно
достойны!
Хлебом и песней,
мечтой и стихами,
жизнью просторной,
                    каждой секундой,
каждым
                    дыханьем
будьте достойны!

Люди!
Покуда сердца
                    стучатся, —
помните!
Какой ценой
завоёвано счастье, —
пожалуйста,
                    помните!

(Р. Рождественский. Реквием)

Густой утренний туман пал на озеро Кубенское. Не видать берегов, не видать бела света...

И вдруг над этим движущимся, белым в отдалении и серым вблизи льдом я увидел парящий в воздухе храм. Он, как лёгкая, сделанная из папье-маше игрушка, колыбался

подпрыгивал в солнечном мареве, а туманы покачивали его на волнах своих.

Храм этот плыл навстречу мне, лёгкий, белый, сказочно прекрасный. Я отложил удочку, замороженный...

Наконец храм опустился на лёд, утвердился. Я молча указывал на него, думая, что мне пригрезилось.

— Спас-камень, — коротко молвил товарищ мой.

Не отрывая глаз от удочки, товарищ пробубнил мне историю этого дива. В честь русского воина-князя, боровшегося за объединение северных земель, был воздвигнут этот памятник-монастырь. Предание гласит, что князь, спасавшийся от врагов, начал тонуть в тяжёлых латах, как вдруг почувствовал под ногами камень, который и спас его. И вот в честь этого чудесного спасения на подводную гряду были навалены камни и земля с берега. На лодках и по перекидному мосту, который каждую весну сворачивало ломающимся на озере льдом, монахи натаскали целый остров и поставили на нём монастырь. Расписывал его знаменитый Дионисий.

Однако уже в наше время, в начале тридцатых годов, в войсках развернулось строительство, потребовался кирпич. Но монахи были отличными строителями и из кирпича сотворили монолит. Пришлось взорвать монастырь... Осталась от монастыря одна колоколенка и жилое помещение, в котором нынче хранятся сети...

И смотрел на залитый солнцем храм. Озеро уже расчленилось совсем, туманы поднялись высоко. Среди огромного, бесконечно переливающегося блеском озера стоял на льду храм — белый, словно бы хрустальный.

Дух захватывает, как подумаешь, каким был этот храм, пока не заложили под него взрывчатку!.. Чудо, созданное руками и умом человеческим.

(В. Астафьев. Видение)

Пройдя просёлками Средней России, начинаешь понимать, в чём ключ умиротворяющего русского пейзажа.

Он — в церквях. Взбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, царевнами белыми и красными вышедшие к широким рекам... они издалека-издалека кивают друг другу, невидимые, вместе поднимаются к единому небу.

Но тыходишь в село и узнаёшь, что не живые — убиты приветствовали тебя издали. Кресты давно сшиблены или искривлены; растёт бурьян на крышах и в расщелинах стен; редко ещё сохранилось кладбище вокруг церкви, а то свалены и его кресты, выворочены могилы; заалтарные образы смыты дождями десятилетий, исписаны похабными надписями. На паперти — бочки с соляжкой... В той церкви подрагивают станки. Эта — просто на замке, безмолвная. И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминает, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли — вечности. Этот звон... поднимал людей от того, что опуститься на четыре ноги.

В эти камни, в колоколенки эти наши предки вложили во своё самое лучшее, всё своё понимание жизни.

(А. Солженицын. Крохотки)

Родина подобна огромному дереву, на котором не сосчитать листьев. И всё, что мы делаем доброго, прибавляет ему силы.

Но всякое дерево имеет корни. Без корней его повалил бы даже несильный ветер. Корни питают дерево, связывают его с землёй.

Корни — это то, чем мы жили вчера, год назад, сто, тысячу лет назад. Это наша история. Это наши деды и прадеды. Это и дела, молчаливо живущие рядом с нами в резных наличниках в деревянных игрушках и диковинных храмах, в удивительных песнях и сказках.

(В. Песков)

Фрагменты сочинений учащихся

1. Д. Лихачёв, безусловно, прав, считая, что «память — преодоление времени, преодоление смерти».

Именно память не позволяет нам забыть о том великом подвиге, который совершил наш народ в годы Великой Отечественной войны. Конечно, годы идут, и всё меньше остаётся людей, прошедших эту войну, но наша память не даст исчезнуть в небытии их подвигу.

Важно только, чтобы наша память не стала формальной данью традициям, чтобы сохранилась в нашем сердце искренняя благодарность людям, защитившим свободу нашей страны. Школь-

ники, герои произведения Б. Васильева «Экспонат №», казалось бы, делают полезное: создают музей памяти неизвестных героев. Но главным для них становится сбор материалов. Судьбы живых людей их не интересуют. Их поступок (они украли письма фронтовика) просто убивает память о сыне Анны Федотовны. И доброе дело становится бесконечно жестоким.

Думается, именно поэтому и нужно говорить о нравственном значении памяти и о том, что память — это совесть.

(Антон М.)

2. Я тоже убеждена, что памятники культуры хранят не только души людей их создавших, но и душу самого народа.

Как жаль, что не всегда мы это понимаем. В одном из своих произведений В. Астафьев с грустью рассказывает о разрушенном прекрасном храме, о том, с какой любовью люди создавали этот храм и как просто и быстро его уничтожили. Но даже полуразрушенный он продолжает жить и хранить память о прошедшем. И о добрых делах, и о жестоких.

Как хорошо, что в наше время люди начинают восстанавливать храмы. Возможно, они вспомнили о нравственном значении памяти, о необходимости сохранения и возрождения традиций, о душе народной, в памятниках культуры воплощённой.

(Ирина М.)

Проблема влияния впечатлений детства на жизнь человека

В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.

Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Всё, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.

К детским снам клонясь неутомимо
(Без тебя лишь месяц в них глядел!),
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни, помыслов и дел.

С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчленен
И плывет по воле всех ветров!

Всё бледней лазурный остров-детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно, грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!

(М. Цветаева. Маме)

Чистые пруды... Для иных это просто улица, бульвар, пруд, а для меня — средоточие самого прекрасного, чем было исполнено моё детство, самого радостного и самого печального, ибо печаль детства тоже прекрасна.

Чистые пруды были для нас школой природы. Как волновала желтизна первого одуванчика на зелёном окоёме пруда! Нежности и бережности учили нас их пуховые непрочные шарики, верности — двухцветное сродство ива да-марьи. Мы ловили тут рыбу, и бывало, на крючок извивалась не просто чёрная пиявка, а настоящая серебряная плотичка. И это было чудом — поймать рыбу в центре города. А плаванье на старой, разошедшейся плоскодонке, а смелые броски со свай в холодную майскую воду, а теплота весенней земли под босой ногой, а потаённая жизнь всяких жуков, плавунцов, стрекоз, рачков, открывавшаяся на воде, — это было несметным богатством для городских мальчишек.

(По Ю. Нагибину. Чистые пруды)

Она немного опоздала, во дворе все лавки были уже заняты публикой. Её, однако, ждало место на огороженной скамеечке, где сидели несколько известных театральных личностей. Она перездоровалась со знакомыми, села и огляделась. Всё продумано — спектакль из советских пятидесятых — шестидесятых, играется на задах театра, в естественных декорациях московского двора, ничего и мастерить не надо. Здесь всё осталось таким, каким было в те годы. Разве что на одну из стен дома нарочито вывесили старый гобелен.

Она достала из сумки очки, всмотрелась... Точно такой тканый гобелен с бахромой висел над её топчаном в родитель-

ской квартире на протяжении многих, многих лет. Точно такой гобелен — семья оленей, спустившихся к водопою, мельница на ручье, далёкие зовущие горы...

Минут через десять стало смеркаться, зажглись два фонаря под ржавыми колпаками на покосившихся столбах, вышли актёры, началось действие.

Она никак не могла сосредоточиться. Вид гобелена, спутника её детства и юности, мешал ей следить за актёрами.

Вдруг вспомнился целый веер давно позабытых картинок. Бабушка кормит её кашей прямо в постели. Новенький гобелен на стенке, вернее, вышитые на нём персонажи присутствуют здесь весьма активно — и как декорации, и как участники действия... «Рот у Саши открыва-а-а-ется... ложка в ротик направляя-а-а-ется... А ну-ка, а ну-ка, не дадим папе-олению, не дадим маме-оленихе, не дадим сыночку-олёнёнку!..»

Нет, вот этого перенести было невозможно — с полным ртом она вопила: «Дай!!! Дай лёнёнку!!!» Бабушкина перчатая рука с ложкой послушно упиралась в гобеленовый нос, из которого торчала голова с ушками, затем мирно следовала в соседний, братски распыленный рот.

А потом, в школьные годы, — как сладко было болеть под её гобеленом! Вся эта тёплая пастораль уже с утра была противопоставлена школе, её казённому духу.

Спектакль шёл уже минут пятнадцать, а она всё никак не могла остыть от горячей волны неожиданных воспоминаний, не могла вникнуть в действие, вслушаться в текст пьесы.

Однажды, в девятом классе, она попала в дом к соученице, дочери известного в городе адвоката. Выросшая в семье весьма небольшого достатка, никогда прежде она не видела такого богатства — всех этих серебряных приборов с вензелями во время будничного семейного обеда, этой старинной тяжёлой мебели, этих огромных, нежного витиеватого рисунка ковров.

— Тот персидский, — сказала дочь адвоката, кивая на стенку столовой, — а в папином кабинете висит настоящий персидский, дедушкин. Ему почти сто лет...

Кой чёрт дёрнул её за язык сказать:

— У нас тоже есть ковёр, не такой большой...

Её подруга смешно сморщила нос и проговорила мягко:

— У нас не ковёр, а гобелен с уточками... Вся эта мещанская наивность была в моде лет десять назад.

Она прибежала домой и в припадке возмущённого стыда принялась срывать с гвоздиков свой гобелен.

— Ты что? — спросила мать за её спиной. — Что с тобой?

— Потому что это — пошлость, пошлость! — запальчиво выкрикнула она.

— А! — сказала мать. — Ты это где сегодня подхватила?

И, выслушав всё, что, задыхаясь от обиды, выпалила дочь, проговорила спокойно:

— Вот это и есть — пошлость. Всё это семейство. Повесил гобелен на место, вымой руки и иди есть.

И она, бессильно всхлипывая, повесила гобелен, села под его раскидистой кроной и заплакала, сквозь злые слёзы рассматривая до миллиметра знакомые пеньки, траву, островерхие горы вдаль...

...Прошло ещё несколько лет, гобелен прохудился в районе мельницы, мама сделала из него красивую наволочку и подушку. На наволочке уместился папа-олень с двумя утками.

Подушка последовала в их квартиру, где они с дочерью благополучно прожили вдвоём десять лет.

— Ну, как спектакль? — спросила дочь поздно вечером вернувшись с какой-то своей тусовки.

Она в ответ бормотнула что-то неопределённое, обнаруживая, что, кроме нескольких случайных фраз и сто лет знакомых песен, не помнит из спектакля ничего, буквально — ничего.

— Там, знаешь, вывесили гобелен... — тихо улыбаясь, сказала она.

— Что за гобелен?

— Ну, точно такой, как наш... Помнишь?

— Нет, не помню...

— погоди! Как это — «не помню»?! У бабушки висел на стене много лет, я спала под ним чуть ли не всю жизнь... Мы с тобой... потом подушку твою любимую... С оленем...

— О Господи-и! — Дочь вздохнула, закатила глаза, пошла ставить чайник.

— Что ты пристала к ней со своим гобеленом? — вполголоса спросил муж. Сдержанный умный человек — в последнее время он всегда их мирил. — Это твоё детство и юность, вот люби их на здоровье, при чём тут девочка?

Они легли с мужем поздно, долго читали молча — каждый свою книгу. Он помолчал и сказал вдруг:

— У тётки был такой гобелен...

...Когда, промучившись часа полтора, она наконец уснула, из узорчатых теней от листвы заоконного тополя выкатился залитый осенним солнцем гобеленовый рай её детства, как трава, давно ушедшего детства: по уютнейшей в мире поляне бежал неширокий, но резвый ручей. Под яркой черепичной крышей стояла мельница, в сторону которой, словно повернув на шум голову с ветвистыми рогами, смотрел папа-олень. Его олениха паслась неподалёку. Невысокие тёмно-зелёные ели укрывали оленёнка, украдкой выглядывающего из-за веток.

(По Д. Рубиной. Гобелен)

Детство я провела в поездках. Эти забытые, незабываемые нити дороги. Я говорю «наши», потому что ездила с отцом всегда и всюду, куда бы он ни отправлялся работать.

Вид утоптанного снегом платформ, заиндевеливших вагонов, тёплый запах угля рождали во мне ликование. «Мы едем, снова едем», — думала я, замирая от восторга, и представляла дорогу.

Помню, как яркие были времена года, летние тягучие вечера, или зимою — искристый под солнцем снег, им заваленные леса, тёмно-фиолетовые тени, ели в белых мехах. И конечно, предметы внимания моего отца: брошенные церкви, звонницы с ржавыми перекладами, погнившими лестницами, и монастыри.

— Это в войну разрушили? — спрашивала я у отца, указывая рукой на церкви.

Он хмурился и отвечал нехотя.

— Да, в войну, — говорил он, помолчав, и я понимала, что это неправда.

Стоит только зажмурить глаза, и всё до подробностей встаёт в памяти. Тёмно-бордовый старинный кирпич, известка, как белый мох, пахнет пылью и чуть-чуть плесенью. Я прибежала к отцу, туда, где он работал, и робко ступала под старинные своды, задирая голову, читая со стен по выцветшим глазам фресок. Отец высоко на лесах. О чём-то они говорят с товарищем.

И под их руками проступают вдруг иные краски, они и бледней и глубже, и проще и сложнее, и линии уже другие.

Что-то они хотели сказать мне, эти чёрные лики. Что таили своей глубине? Какие знали тайны? Сколько слёз впитали эти стены, сколько страхов, надежд, упований. Как многого я не знала!

Мы возвращались из наших путешествий в Москву, в нашу маленькую квартиру. Окна её смотрели на пруд, по берегу которого стояли тополи, старые, корявые, с широко разбросанными ветками. Рядом с домом ходил троллейбус, похожий на грустное насекомое.

Стены обеих наших комнат сплошь закрывали отцовские доски — большие, небольшие, длинные и узкие, всякие отмытые и ещё чёрные, с едва различимым рисунком, неуловимым перепадом тонов, а кисти стояли в банках, как цветы...

Отца давно нет. Краски его засохли. Нет и нашей маленькой квартиры с окнами на пруд. Там теперь живут чужие люди и тоже, наверное, глядят на его воду по вечерам задумчивости или рассеянно, вскользь.

А я теперь живу на юге другой страны. Дом, в котором живу, окружают виноградники. Воздух здесь благоухает ароматами роз и фиалок, и океан в двадцати минутах езды.

И всё у меня хорошо. Вот только почему-то мне снится мглистая осень: серая, чёрная, уставшая насмерть земля, следы моей смешной обуви на ней, на этой далёкой земле.

(А. Уткин. Городуха)

Сегодня утром из Иркутска прилетела мама. После самолёта она прилегла отдохнуть, а я, всё ещё немного взволнованный, вышел на балкон и снова вспомнил тот город, где я родился и прожил первые четырнадцать лет.

Для туристов и иностранцев он замечателен своей близостью к Байкалу, а для меня на протяжении всех тех четырнадцати лет он был прекрасен тем, что других городов просто-напросто ещё не знал.

Когда мне исполнились те самые 14 лет, в моей жизни произошла первая катастрофа. Родители упаковали все наши вещи в контейнер, сгребли нас с сестрой в охапку и оставили город. Они повезли нас на север.

На новом месте, название которого не хочется даже упоминать, я долго и безрадостно смотрел в окно на хмурые горы

потом прикупил себе толстую тетрадку в кожаном переплёте и начал методично записывать в неё цитаты из прочитанных мною книг, в которых хотя бы мельком упоминалось об Иркутске. Это доставляло мне несказанное удовольствие.

Что поделывать? Я любил только один город.

Короче, в свои 14 несчастных лет я сидел в глухом подвале у угла и исправно выписывал из книжек всякие красивые фразы. Пока вдруг не ощутил какой-то подвох.

На всеми этими упоминаниями города, которого мне тогда не хватало, за всеми этими громоздкими цитатами не появлялся мой город.

В них не было мокрой кепки, которую в жаркий летний день ты зачерпываешь воду из Ангары. В них не было босых мальчишеских ног, скользящих в ручье по зелёным камням, и под камнями в них не было притаившихся рыб. Не было там и острова «Юность», и зелёной — вся в тополях — улицы Карла Маркса, и дощатого сарая за домом моего друга, и заноса пыли, когда падаешь с велосипеда.

Там не было ничего, кроме ненужных чужих предложений. В общем, эта тетрадка тоже разочаровала меня, и в конце концов я оставил её в покое. Иногда мне и сейчас ещё снится Иркутск, но, боюсь, моего города уже не существует.

(По А. Геласимову. Неделя)

Фрагменты сочинений учащихся

1. Я тоже убеждена, что детство и юность — это лучшая пора в жизни человека. Именно в детстве окружающий мир таинственный и загадочный ещё очень добр к нам. Возможно, поэтому с такой теплотой вспоминает детство каждый человек.

В крестоматии русской прозы XX века я недавно прочитала рассказ А. Уткина «Городуха». Среди достаточно жёстких произведений современных писателей он выделяется какой-то трогательной нежностью. Очень поэтично героиня описывает каждую деталь своих детских впечатлений. С девочкой со стен полуразрушенных храмов разговаривают лики святых, троллейбус для неё похож на грустное насекомое.

Всё это настолько прекрасно, что ты понимаешь, почему детские воспоминания так дороги для неё. В конце повествования героиня очень убедительно говорит о том, как всё хорошо и успешно в её взрослой жизни. Но фраза о том, что почему-то ей «снился мглистый

осень: серая, чёрная, уставшая насмерть земля, и следы» её на этой земле, звучит очень грустно и помогает нам понять, что детство навсегда остаётся с человеком.

(Ирина Д.)

2. У любого человека есть своя память о детстве. Скверик, где можно спрятаться от автомобильного шума, скрипучие качели во дворе. Каждый человек вырастает из детства, но нет на земле того кому удалось бы забыть его непередаваемое очарование. Эта мысль произведения А. Геласимова, конечно же, очень близка мне.

Рассказ Д. Рубиной «Гобелен» как нельзя лучше подтверждает актуальность размышлений А. Геласимова. Небольшая деталь из детства героини — гобелен — заставляет вспомнить многое. И то, как уютно спалось под этим гобеленом маленькой девочке, и то, как чудно не совершила она первое предательство своего мира, и то, как постепенно происходило взросление.

Произведение Д. Рубиной с рассказом А. Геласимова сближает ещё одна мысль: у каждого своё детство и свои о нём воспоминания. Возможно, в этом и заключается их главное очарование: они только твои.

(Ася Т.)

Проблема нравственного долга и подвига.

Проблема самопожертвования.

Проблема ложного героизма

Я уже смутно помню этого сутулого худощавого человека всю жизнь представлявшегося мне стариком. Опираясь на большой зонт, он неумоимо от зари до зари шагал по обширнейшему участку. Это был район бедноты, сюда не ездили извозчики, да у доктора Янсена на них и денег-то не было. А были неумоимые ноги, великое терпение и долг. Неоплатный долг интеллигента перед своим народом. И доктор бродил по доброй четверти губернского города Смоленска без выходных и без праздников, потому что болезни тоже не знали ни праздников, ни выходных, а доктор Янсен сражался за людские жизни. Зимой и летом, в сырую и вьюгу, днём и ночью.

Врачебный и человеческий авторитет доктора Янсена был выше, чем можно себе вообразить в наше время. Он обладал

редчайшим даром жить не для себя, думать не о себе, заботиться не о себе, никогда никого не обманывать и всегда говорить правду, как бы горька она не была. Такие люди перестают быть только специалистами: людская благодарная молва приписывает им мудрость, граничащую со святостью. И доктор Янсен не избежал этого. Человек, при жизни возведённый в ранг святого, уже не волен в своей смерти, если, конечно, этот ореол святости не создан искусственным освещением. Доктор Янсен был святым города Смоленска, а потому и обречённым на особую, мученическую смерть. Нет, не он искал героическую гибель, а героическая гибель искала его.

Доктор Янсен задохнулся в канализационном колодце, спасая детей.

В те времена центр города уже имел канализацию, которая постоянно рвалась, и тогда рылись глубокие колодцы. Над колодцами устанавливался ворот с бадьёй, которой откачивали просочившиеся сточные воды. Процедура была длительной, рабочие в одну смену не управлялись, всё замирало до утра, и тогда бадьёй и воротом завладевали мы. Нет, не в одном катании — стремительном падении, стоя на бадье, и медленном подъёме из тьмы — таилась притягательная сила этого развлечения.

Провал в преисподнюю, где нельзя дышать, где воздух перенасыщен метаном, напрямую был связан с прошлым наших отцов, с их риском, их разговорами, их воспоминаниями. Наши отцы прошли не только Гражданскую, но и мировую, германскую войну, где применялись реальные отравляющие вещества.

И мы, сдерживая дыхание, с замирающим сердцем летели в темноту, как в газовую атаку.

Обычно в бадью становился один, а двое вертели ворот. Но однажды решили прокатиться вдвоём, и верёвка оборвалась. Доктор Янсен появился, когда возле колодца металась пара паранов. Отправив их за помощью, доктор тут же спустился в колодец, нашёл уже потерявших сознание мальчишек, сумел вытащить одного и, не отдохнув, полез за вторым. Спустился, понял, что ещё раз ему уже не подняться, привязал мальчика к обрывку верёвки и потерял сознание. Мальчики пришли в себя быстро, но доктора Янсена спасти не удалось.

Так погиб последний святой города Смоленска, ценою своей жизни оплатив жизнь двух мальчиков, и меня потрясла не только его смерть, но и его похороны. Весь Смоленск от мал до велика хоронил своего Доктора.

(Б. Васильев. Летят мои кони.)

Однажды зимой с телевизионных экранов Омска прозвучало обращение врачей к зрителям: пострадавшему человеку срочно требовалась донорская кровь.

Любой человек мог потом сказать: я не смотрел телевизор, я обращения не слышал. Но контролёр всё же у большинства был. Высший нравственный контролёр — совесть. Но ведь только! Да, и только. Но это «только», эта единственная избирательность и оказывалась главной в последующие минуты, когда человек начинал действовать. За 30 минут в больницу приехало 320 человек. Пострадавший был спасён.

Я захотел встретиться хотя бы с некоторыми из этих людей. Я заходил в их дома, разговаривал, выясняя мотивы поступка, мучительно подыскивал слова и ощущал, как не хватает этих слов не только мне, но и самим донорам... Я до сих пор чувствую неловкость тех бесед, выяснений. Главное ведь было иным. Главное заключалось и заключается в том, что люди эти действовали, исходя из своих привычных представлений о нравственном долге. У них не было других мотивов. Нравственный долг — их главный, их основной мотив. Поступок этих людей — не яркая вспышка, а норма поведения, и выявлять мотив действия, направленного на помощь человеку попавшему в беду, было воистину нелепо.

Эти люди хорошо знали, что подвиг — одно, а выполнение нравственного долга — другое. Но одно берёт начало в другом. Большое — в малом, великое — в большом.

(По Г. Бочарову)

О, эти старания, жажда секундной славы!

...Химиус подошёл к гранитному барьеру набережной и встал на него, помогая себе руками. Мы видели, что он трусит, у него не было сил разогнуться, и всё же он первый встал ногами на барьер и потом повалился мешком на тротуар. И вот Антон Овчинников, смертельно бледный, с закушенными губами, подошёл твёрдыми шагами к барьеру и тоже встал

на него, встал, выпрямился, расставил руки, как канатоходец...

Мы знали, что у Антона плоскостопие, что он близорук, но никто не остановил его... Следом за Антоном полез грузный полстяк Жорик и тоже прошёлся по граниту, не отрывая подошвы и сторбившись, как обезьяна, но, когда спрыгнул на асфальт, ноги его подломились и он упал на колени. Потом полез и, потом Ярик.

Это было не так уж трудно. Главное, ни о чём не думать и не смотреть под ноги, на каменную тропу барьера. Ужасный сон Никфедя вырвал нас из страшного сна. Вероятно, этим сном был спасён Ярик, самый неловкий и незащитный из нас, не умеющий ни бегать, ни бороться. Он напоминал птицу, не умеющую летать. Его били ребята из других классов, которым не терпелось кого-нибудь побить. Всё дело в том, что Ярик просто-напросто не мог никого ударить, пальцы его не сжимались в кулак, поэтому он не сопротивлялся, когда на него наваливали даже малыши. А мы всегда защищали Ярика, из-за него разыгрывались сражения, ведь он был принадлежностью нашего класса, и те, кто поднимал на него руку, оскорбляли всех нас. Но вот тогда, на набережной, когда он приблизился к барьеру и с отчаянным видом закинул на него свою длинную руку, согнутую в колене, мы смотрели на него с радостным интересом, ожидая забавное зрелище. Между тем он наверняка бы свалился в воду и утонул.

(Ю. Трифонов. Дом на набережной)

Фрагмент сочинения учащегося

Ю. Трифонов убеждён, что истинный героизм и жажда секундной славы — это разные вещи и недопустимо рисковать жизнью только ради того, чтобы выглядеть героем.

Конечно же, каждый подросток мечтает быть сильным, стремится к тому, чтобы друзья его уважали. Но какой ценой порой такое уважение достигается?

Подобно героям Ю. Трифонова, в испытание воли играют и герои произведения Б. Васильева «Летят мои кони». Они спускаются в колодезь в глубокий колодезь. Один из таких спусков закончился трагически: верёвка, к которой крепилась бадья, оборвалась. Старый доктор, случайно проходивший мимо, ценой своей жизни спас

мальчишек. Этот человек не думал ни о каких подвигах, но, когда пришло время, просто сделал практически невозможное. Он-то и является истинным героем.

Игры на испытание воли, на проявление «героизма» порой увлекают не только подростков. Л. Толстой в романе «Война и мир» рассказывает о том, как полковник Богданч для того, чтобы получить награду, посылает поджечь мост большее количество людей, чем того требует ситуация. О бессмысленных потерях он говорит «пустячок», для него главное не жизнь людей, а награда, которую он ожидает.

Думается, Ю. Трифонов прав: очень важно понять, где настоящее мужество, героизм, а где только игра в него. Самое же главное, в такой игре вовремя остановиться, потому что она бывает очень опасной.

(Сергей С

Проблема нравственного выбора, ответственности за свои поступки.

Проблема сохранения чувства собственного достоинства, чести

...В светлой и легкой теперь голове прокуратора сложилась формула. Она была такова: игемон разобрал дело бродячего философа Иешуа, по кличке Га-Ноцри, и состава преступления в нём не нашёл... Вследствие этого смертный приговор Га-Ноцри, вынесенный Малым Синедрионом, прокуратор не утверждает. Но ввиду того, что безумные утопические речи Га-Ноцри могут быть причиной волнений в Ершалаиме, прокуратор удаляет Иешуа из Ершалаима.

Оставалось это продиктовать секретарю...

— Всё о нём? — спросил Пилат у секретаря.

— Нет, к сожалению, — неожиданно ответил секретарь, — подал Пилату кусок пергамента.

— Что ещё там? — спросил Пилат и нахмурился.

Прочитав поданное, он ещё более изменился в лице. Тёмные ли кровь прилила к шее и лицу, или случилось что-либо другое, но только кожа его утратила желтизну, побурела, глаза как будто провалились... Пилату показалось, что исчезли розовые колонны балкона и кровли Ершалаима. И

духом совершилось что-то странное — как будто вдали проиграли негромко и грозно трубы и очень явственно слышался носовой голос, надменно тянущий слова: «Закон об оскорблении величества...»

Мысли понеслись короткие, бессвязные и необыкновенные: «Погиб!..», потом: «Погибли!..» И какая-то совсем нелепая среди них о каком-то бессмертии, причем бессмертие почему-то вызвало нестерпимую тоску.

Пилат напрягся, изгнал видение, вернулся взором на балкон, и опять перед ним оказались глаза арестанта.

— Слушай, Га-Ноцри, — заговорил прокуратор, глядя на Иешуа как-то странно: лицо прокуратора было грозно, но глаза тревожны, — ты когда-нибудь говорил что-нибудь о великом кесаре? Отвечай! Говорил?.. Или... не говорил? — Пилат протянул слово «не» несколько больше, чем это полагается на суде, и послал Иешуа в своём взгляде какую-то мысль, которую как бы хотел внушить арестанту.

— Правду говорить легко и приятно, — заметил арестант.

— Мне не нужно знать, — придушенным злым голосом отвечал Пилат, — приятно или неприятно тебе говорить правду. Но, говоря, взвешивай каждое слово, если не хочешь не только неизбежной, но и мучительной смерти.

Никто не знает, что случилось с прокуратором Иудеи, но он позволил себе поднять руку, как бы заслоняясь от солнечного луча, и за этой рукой, как за щитом, послать арестанту какой-то намекающий взор.

Итак, — говорил он, — отвечай, отвечай, знаешь ли ты некоего Иуду из Кириафа и что именно ты говорил ему, если говорил о кесаре?

— Дело было так, — охотно начал рассказывать арестант, — позавчера вечером я познакомился возле храма с одним молодым человеком, который назвал себя Иудой из Кириафа. Он пригласил меня в дом...

— И что же ты сказал? — спросил Пилат. — Или ты ответил, что забыл, что ты говорил? — но в тоне Пилата была уже безнадежность.

В числе прочего я говорил, — рассказывал арестант, — что всякая власть является насилием над людьми и что наступит время, когда не будет власти ни кесарей, ни какой-либо другой власти. Человек перейдёт в царство истины и

справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть...

Секретарь, стараясь не пропустить ни слова, быстро чертил на пергаменте слова.

— На свете не было, нет и не будет никогда более великой и прекрасной для людей власти, чем власть императора Тиверия! — сорванный и больной голос Пилата разорвался.

Прокуратор с ненавистью почему-то глядел на секретаря конвой.

— И не тебе, безумный преступник, рассуждать о ней! Тут Пилат вскричал: — Вывести конвой с балкона! И, повернувшись к секретарю, добавил: — Оставьте меня преступником наедине...

А затем, понизив голос, он спросил:

— Иешуа Га-Ноцри, веришь ли ты в каких-нибудь богов?

— Бог один, — ответил Иешуа, — в него я верю.

— Так помолись ему! Покрепче помолись! Впрочем... — тут голос Пилата сел, — это не поможет.

— Ненавистный город... — вдруг почему-то пробормотал прокуратор и передёрнул плечами, как будто озяб...

— А ты бы меня отпустил, игемон, — неожиданно попросил арестант, и голос его стал тревожен...

Лицо Пилата исказилось судорогой, он обратился к Иешуе, вспалённые в красных жилках белки глаз и сказал:

— Ты полагаешь, несчастный, что римский прокуратор отпустит человека, говорившего то, что говорил ты? О боги! Или ты думаешь, что я готов занять твоё место? Я твои взгляды не разделяю! И слушай меня: если с этой минуты ты произнесёшь хотя бы слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня! Повторяю тебе: берегись!

— Игемон...

— Молчать! — вскричал Пилат... — Ко мне! — крикнул Пилат.

И когда секретарь и конвой вернулись на свои места, Пилат объявил, что утверждает смертный приговор...

— А теперь прошу сообщить мне о казни, — сказал прокуратор.

— Что именно интересует прокуратора?

— Не было ли со стороны толпы попыток выражения недовольства? Это главное, конечно.

— Никаких, — ответил гость.

— Очень хорошо. Вы сами установили, что смерть пришла?

— Прокуратор может быть уверен в этом.

— А скажите... напиток им давали перед повешением на кресты?

— Да. Но он, — тут гость закрыл глаза, — отказался его выпить.

— Кто именно? — спросил Пилат.

— Простите, игемон! — воскликнул гость. — Я не назвал?

— Га-Ноцри.

— Безумец! — сказал Пилат, почему-то гримасничая. Под левым глазом у него задёргалась жилка. — Умирать от жажды солнца! Зачем же отказываться от того, что предлагается по закону? В каких выражениях он отказался?

— Он сказал, — опять закрывая глаза, ответил гость, — что благодарит и не винит за то, что у него отняли жизнь.

— Кого? — глухо спросил Пилат.

— Этого он, игемон, не сказал.

— Не пытался ли он проповедовать что-либо в присутствии толпы?

— Нет, игемон, он не был многословен на этот раз. Единственное, что он сказал, это, что в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость...

(М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Молчалин

В мои лета не должно сметь

Своё суждение иметь.

Чацкий

Помилуйте, мы с вами не ребята,

Зачем же мнения чужие только святы?

Молчалин

Ведь надобно зависеть от других.

Чацкий

Зачем же надобно?

Молчалин

В чинах мы меньших.

(А. Грибоедов. Горе от ума)

Фамусов

Вот то-то, все вы гордецы!
Спросили бы, как делали отцы?
Учились бы, на старших глядя:
Мы, например, или покойник дядя,
Максим Петрович: он не то на серебре —
На золоте едал, сто человек к услугам,
Весь в орденах...
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался вперегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб;
Старик заохал, голос хрипкой;
Был высочайше пожалован улыбкой;
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь — уж нарочно,
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? по-нашему — смышлён...
(А. Грибоедов. Горе от ума)

Чацкий

Служить бы рад, прислуживаться тошно.
(А. Грибоедов. Горе от ума)

«Который комендант?» — спросил самозванец. Начальник урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачёв грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смеешь противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твёрдым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышишь ты!» Пугачёв мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице... И через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича вздёргнутого на воздух. Тогда привели к Пугачёву Ивана Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачёв, — государю Петру Фёдоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьевич, повторяя слова своего капитана. — Ты дядюшка, вор и самозванец!» Пугачёв махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачёва, готовясь повторить ответ моих товарищей. Тогда, к моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошёл к Пугачёву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачёв, не взглянув на меня. Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву... Меня притащили под виселицу... Вдруг услышал я крик: «Постойте, окаянные!..» Палачи остановились. Савельич лежит в ногах у Пугачёва. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня, старика!» Пугачёв дал знак, и меня тотчас развязали и отпустили... Меня снова привели к самозванцу и поставили перед ним на колени. Пугачёв протянул мне жилистую свою руку. «Целуй руку, целуй руку!» — говорили около меня. Но я предпочёл бы самую тяжёлую казнь такому подлому унижению. «Батюшка Пётр Андреевич! — шептал Савельич, стоя за мною и толкая меня, — Не упрямясь! Что тебе стоит? Плюнь да поцелуй у него ручку». Я не шевелился...

(А. Пушкин. Капитанская дочка)

Использовавшись паузой, Маргарита обратилась к Воланду и робко сказала:

— Пожалуй, мне пора... Поздно.

— Куда же вы спешите? — спросил Воланд вежливо, но сухо. Остальные промолчали, делая вид, что увлечены старыми дымными кольцами.

— Да, пора, — совсем смутившись от этого, повторила Маргарита. Она поднялась из-за стола... и вопросительно взглядела на Воланда. Тот в ответ улыбнулся ей вежливо и равнодушно. Чёрная тоска как-то сразу подкатила к сердцу Маргариты. Она чувствовала себя обманутой. Никакой награды за все её услуги на балу никто, по-видимому, ей не собирался предлагать, как никто её и не удерживал. А между тем ей совершенно ясно было, что идти ей отсюда больше нигде. Мимолётная мысль о том, что придётся вернуться в Париж, вызвала в ней взрыв внутреннего отчаяния. Непросить, что ли, самой, как искушающе советовал

Азazelло в Александровском саду? «Нет, ни за что!» сказала она себе.

— Всего хорошего, мессир, — произнесла она вслух, а сама подумала: «Только бы выбраться отсюда, а там уж я дойду реки и утоплюсь».

— Сядьте-ка, — вдруг повелительно сказал Воланд Маргарита изменилась в лице и села. — Может быть, что-нибудь хотите сказать на прощанье?

— Нет, ничего, мессир, — с гордостью ответила Маргарита, — кроме того, что если я ещё нужна вам, то я готова охотно исполнить всё, что вам будет угодно. Я ничуть не устала очень веселилась на балу. Так что, если бы он и продолжался ещё, я охотно бы представила моё колено для того, чтобы ему прикладывались тысячи висельников и убийц, Маргарита глядела на Воланда, как сквозь пелену, глаза наполнялись слезами.

— Верно! Вы совершенно правы! — гулко и страшно прокричал Воланд. — Так и надо!

— Так и надо! — как эхо, повторила свита Воланда.

— Мы вас испытывали, — сказал Воланд, — никогда ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у того, кто сильнее вас. Сами предложат и сами всё дадут. Садитесь, гордая женщина...

(М. Булгаков. Мастер и Маргарита)

Худой старик с колючей щетиной на лице сидел в углу стационарного буфета в Майори. Над Рижским заливом висящими полосами проносились зимние шквалы.

Старик зашёл в буфет, очевидно, погреться. Он ничего не заказывал и понуро сидел на деревянном диване, засунув руки в рукава неумело заплатанной рыбацкой куртки.

Вместе со стариком пришла белая мохнатая собачка. Она сидела, прижавшись к его ноге, и дрожала.

Рядом за столиком шумно пили пиво молодые люди.

Когда один из молодых людей взял бутерброд и откусил сразу половину, собачка не выдержала. Она подошла к столику, стала на задние лапы и, заискивая, начала смотреть в рот молодому человеку.

— Пети! — тихо позвал старик. — Как же тебе не стыдно! Зачем ты беспокоишь людей, Пети?

Но Пети продолжала стоять, и только передние лапы у неё в это время дрожали и опускались от усталости.

Но молодые люди не замечали её.

— Пети! — снова позвал старик. — А, Пети! Ступай сюда! Собачка несколько раз быстро мотнула хвостом, как бы говоря, что она его слышит и извиняется, но ничего с собой поделать не может.

— Ох, Пети! Пети! — шёпотом сказал старик, и голос его чуть дрогнул от огорчения.

Пети снова вильнула хвостом и вскользь, умоляюще посмотрела на старика. Она как бы просила его больше не звать её, не стыдить, потому что у неё самой нехорошо на душе и она, если бы не крайность, никогда бы, конечно, не стала просить помощи у чужих людей.

Наконец один из молодых людей, скуластый, в зелёной куртке, заметил собаку.

— Просишь? — спросил он. — А где твой хозяин?

Пети радостно вильнула хвостом, взглянула на старика и даже чуть взвизгнула.

— Что же это вы, гражданин! — сказал молодой человек. — Раз собаку держите, так должны кормить. А то некультурно получается. Собака у вас милостыню выпрашивает. Нищенство у нас запрещено законом.

Молодые люди захохотали.

— Ну и отмочил, Валька! — крикнул один из них и бросил собачке кусок колбасы.

— Пети, не смей! — крикнул старик. Обветренное его лицо и тонкая, жилистая шея покраснели.

Собачка сжалась и, опустив хвост, подошла к старiku, даже не взглянув на колбасу.

— Не смей брать у них ни крошки! — сказал старик.

Он начал судорожно рыться в карманах, достал немного серебряной и медной мелочи и пересчитывал её на ладони, выкидывая мусор, прилипший к монетам. Пальцы у него дрожали.

— Ещё обижается! — сказал скуластый молодой человек. — Какой независимый, скажи пожалуйста.

Старик не проронил ни слова. Он подошёл к стойке и положил несколько монет на мокрый прилавок.

— Один бутерброд! — сказал он хрипло.

Собачка стояла рядом с ним, поджав хвост. Он взял бутылку и вышел на платформу. Собачка судорожно ела, а старик, глядя на неё, говорил:

— Ах, Пети, Пети! Глупая собачка!

Но собачка не слушала его. Она только ела. Старик смотрел на неё и вытирал рукавом глаза — верно, они слезились у него от ветра.

(К. Паустовский. Старик в станционном буфете)

Среди хронологической пыли каким-то чудом уцелела история об одном русском солдате, стоявшем однажды на посту в Петергофе. Мимо него проходила русская царица со своим фаворитом лейб-медиком Лестоком, который жаловался на то, что в России всё продажное, всех можно купить, что в этой бессовестной стране днём с огнём не сыскать человека, готового служить не за страх, а за совесть. Взгляд любимчика царицы упал на продрогшего солдатику: «Да вот взять хотя бы его!» Лесток бросил к ногам часового монету и вкрадчиво, мурлыкающим голосом попросил забрать её. Солдат неподвижно стоял на месте. Тогда вельможа, не желая остаться в дураках перед своей покровительницей, повторил свою просьбу более категоричным тоном и даже топнул ногой. Но часовой и бровью не повёл. Тут царедворец от злости потерял голову и, торгая проклятия и угрозы, стал надвигаться на караульного. Тот решительно направил на Лестока штык и приказал остановиться. Избалованный рабским покорством окружающими вельможа испуганно попятился назад. Царица торжествующе рассмеялась и не замедлила уколоть своего фаворита:

— Видишь, милейший, не всё на Руси продажное!

(По Н. Агафонову)

Совесть, благородство и достоинство — вот оно, святое наше воинство.

Протяни ему свою ладонь, за него не страшно и в огонь.

Лик его высок и удивителен.

Посвяти ему свой краткий век.

Может, и не станешь победителем, но зато умрёшь как человек

(Б. Окуджава)

1. Ю. Бондарев. Горячий снег.

2. Г. Владимов. Генерал и его армия.

3. В. Распутин. Прощание с Матёрой. Уроки французского.

4. В. Аксёнов. Завтраки 43-го года.

5. В. Екимов. Фетисыч.

Фрагменты сочинений учащихся

1. Каждый человек когда-то оказывается в ситуации выбора. Сделав свой выбор, человек порой бывает очень трудно. Особенно, когда этот выбор может повлиять на твою собственную судьбу.

На каждому дано поступить так, как поступает герой произведения «Мастер и Маргарита» Иешуа. Когда Понтий Пилат спрашивает его, что он говорил о кесаре, и намекает ему, чтобы он ответил как верноподданный империи, Иешуа не лжёт даже для спасения своей жизни.

Понтий Пилат тоже делает свой выбор, этот выбор не противоречит общепринятым нормам, но противоречит нормам нравственности. За свою трусость он будет расплачиваться всю жизнь муками совести.

Я согласен с автором, что наш выбор определяет нашу жизнь, поэтому он должен отвечать нормам нравственности. В любой ситуации очень важно сохранить чувство собственного достоинства.

(Александр Н.)

2. Конечно, я согласна с автором в том, что человек должен уметь сохранять чувство собственного достоинства.

Жизнь, порой ставит нас в такие ситуации, когда мелкое, казалось бы, незначительное событие позволяет проверить, чего мы на самом деле стоим. К. Паустовский в произведении «Золотая роза» рассказывает случай, который происходит в станционном буфете. Сытые и уверенные в себе молодые люди смеются над нищим стариком и его собакой. Казалось бы, сила на их стороне. Но старик с достоинством выходит из ситуации. Более того, он и свою собачку учит быть гордой и не унижаться. Его поведение заставляет задуматься о многом. Наверное истинная человеческая сущность проявляется не в твоей успешности, а в том, насколько ты умеешь уважать себя и тех, кто рядом с тобой.

Хотелось бы думать, что и каждый из нас в трудные минуты жизни сумеет остаться человеком, сохранит своё достоинство.

(Наташа С.)

3. Проблема, поднятая автором, актуальна во все времена. В. А. Грибоедов, создавая образы Молчалина, Фамусова и Чацкого, противопоставлял их жизненные позиции, их отношение к понятию «честь», «человеческое достоинство». Герои произведения Пушкина «Капитанская дочка», капитан Миронов и Пётр Гринёв, предпочитают смерть бесчестию.

Очень интересная ситуация описана в произведении М. Булгакова «Мастер и Маргарита». Когда Маргарита выполняет просьбу Воланда, она не проявляет желания, сдержать данное Маргарите обещание. И казалось бы, ничего сложного, нужно просто напомнить, попросить, всё от этого зависит её жизнь. Но Маргарита не хочет унижаться. И это приводит Воланда в полный восторг. Он говорит: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас». И в этих словах глубокий смысл.

Думается, не случайно русская литература уделяла проблеме человеческого достоинства такое большое внимание: именно умение сохранить своё достоинство и делает человека человеком.

(Светлана

Проблема истинных ценностей

Когда человек сознательно или интуитивно выбирает себе в жизни какую-то цель, жизненную задачу, он вместе с тем и вольно даёт себе оценку. По тому, ради чего человек живёт, можно судить и о его самооценке — низкой или высокой. Если человек рассчитывает приобрести все элементарные блага, и оценивает себя на уровне этих материальных благ: как владельца машины последней марки, как хозяина роскошной дачи, как часть своего мебельного гарнитура...

Если человек живёт, чтобы приносить людям добро, облегчать их страдания при болезнях, давать людям радость, то он оценивает себя на уровне этой своей человечности.

Он ставит себе цель, достойную человека.

Только жизненно необходимая цель позволяет человеку прожить свою жизнь с достоинством и получить настоящую радость.

(Д. Лихачёв)

Иван Иванович приступил к рассказу, и казалось, что его слушали не одни только Буркин и Алёхин, но также старые и

молодые дамы и военные, спокойно и строго глядевшие из золотых рам.

У нас два брата, — начал он, — я, Иван Иванович, и друг мой — Николай Иванович, года на два помоложе. Я пошёл по военной части, стал ветеринаром, а Николай уже с девятнадцати лет сидел в казённой палате. Наш отец Чимша-Гима-... был из кантонистов, но, выслужив офицерский чин, оставил нам потомственное дворянство и именье. После смерти именья у нас оттягали за долги, но, как бы ни было, детство мы провели в деревне на воле. Мы, всё равно как крестьянские дети, дни и ночи проводили в поле, в лесу, степи, ловили лошадей, драли лыко, ловили рыбу и прочее тому подоб-...

Мой брат тосковал в казённой палате. Годы проходили. А он всё сидел на одном месте, писал всё те же бумаги и думал всё об одном и том же, как бы в деревню. И эта тоска у него мало-помалу вылилась в определённое желание, в мечту купить себе маленькую усадьбу где-нибудь на берегу реки или озера.

Он был добрый, кроткий человек, я любил его, но этому желанию запретить себя на всю жизнь в собственную усадьбу я никогда не сочувствовал. Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли. Но ведь три аршина нужны человеку, а не человеку. И говорят также теперь, что если наша цивилизация имеет тяготение к земле и стремится в неё, то это хорошо. Но ведь эти усадьбы те же три аршина земли. Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это агония, лень, это своего рода монашество, но монашество без подвигов. Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего родного края.

Брат мой Николай, сидя у себя в канцелярии, мечтал о том, как он будет есть свои собственные щи, от которых идёт такой аппетитный запах по всему двору, есть на зелёной травке, спать на полянке, сидеть по целым часам за воротами на лавочке и гулять на поле и лес. Сельскохозяйственные книжки и всякие эти советы в календарях составляли его радость, любимую пищу; он любил читать и газеты, но читал в них

одни только объявления о том, что продаются столько-то сажин пашни и луга с усадьбой, садом, мельницей, с проточными прудами. И рисовались у него в голове дорожки в садах, цветы, фрукты, скворечни, караси в прудах и, знаете, всякая эта штука. Эти воображаемые картины были различны, смотря по объявлениям, которые попадались ему, но почему-то в каждой из них непременно был крыжовник. Ни одна усадьба, ни одного поэтического угла он не мог себе представить без того, чтобы там не было крыжовника.

— Деревенская жизнь имеет свои удобства, — говорил он бывало. — Сидишь на балконе, пьёшь чай, а на пруде твои уточки плавают, пахнет так хорошо, и... и крыжовник растёт.

(А. Чехов. Крыжовник)

Прошло четыре года. В городе у Старцева была уже большая практика. Каждое утро он спешно принимал больных, ездил в Дялиже, потом уезжал к городским больным, уезжал уже не на паре, а на тройке с бубенчиками и возвращался домой поздно ночью.

Старцев бывал в разных домах и встречал много людей, но ни с кем не сходилась близко. Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его. Опыт научил его мало-помалу, что пока с обывателем играешь в карты или закусываешь с ним, то это мирный, благодушный и даже неглупый человек, но стоит только заговорить с ним о чём-нибудь несъедобном, например о политике или науке, как он становится в тупик... А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрёк и начинал сердиться и назойливо спорить. При всём этом обыватели не делали ничего, решительно ничего, и никто не интересовался ничем, и никак нельзя было придумать, о чём говорить с ними. И Старцев избегал разговоров, а только закусывал и играл в винт.

От таких развлечений, как театр и концерты, он уклонялся, но зато в винт играл каждый вечер. Было у него ещё одно развлечение, в которое он втянулся незаметно, мало-помалу. Это — по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой, и, случалось, бумажек — жёлтых и зелёных, из которых пахло духами, и уксусом, и ладаном, — было пона-

много во все карманы рублей на семьдесят; и когда собиралось несколько сот, он отвозил в Общество взаимного кредита и вносил там на текущий счёт...

Прошло ещё несколько лет. Старцев ещё больше пополнился, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову. Когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками и Пантелеймон, тоже пухлый и красный, с мясистым затылком, сидит на козлах, протянув вперёд прямые, точно деревянные, руки, и кричит встречным: «Привет, держи!», то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а языческий бог. У него в городе громадная практика, некогда вздохнуть, и уже есть имение и два дома в городе, и он облюбовывает ещё третий, повыгоднее, и когда ему в Обществе взаимного кредита говорят про какой-нибудь дом, назначенный к торгам, то он без церемоний идёт в этот дом и, проходя через все комнаты, не обращая внимания на неодетых женщин и детей, которые глядят на него с изумлением и страхом, тычет во все двери палкой и говорит:

— Это кабинет? Это спальня? А тут что?

И при этом тяжело дышит и вытирает со лба пот.

У него много хлопот, но всё же он не бросает земского места; земная должность одолела, хочется поспеть и здесь и там.

Он одинок. Живётся ему скучно, ничто его не интересует.

(А. Чехов. Ионыч)

Славик притащил ёжика в шапке, подбежал к дивану, на котором лежал папа с раскрытой газетой, и, задыхаясь от счастья, закричал:

— Пап, смотри!

Папа отложил газету и осмотрел ёжика.

— Хороший ёж! — сказал папа. — Симпатяга! Где достал?

— Мне мальчик во дворе дал, — сказал Славик.

— Подарил, значит? — уточнил папа.

— Нет, мы обменялись, — сказал Славик. — Он мне дал ёжика, а я ему билетик.

— Какой ещё билетик?

— Лотерейный, — сказал Славик и выпустил ёжика на пол.

— Откуда у тебя лотерейный билет?

— Я его купил, — сказал Славик.

— Как же ты отдал мальчику свой лотерейный билет? А вдруг этот билет что-нибудь выиграл?

— Он выиграл, — сказал Славик, не переставая наблюдать за ёжиком.

— То есть как это — выиграл? — тихо спросил папа, и его нос покрылся капельками пота. — Что выиграл?

— Холодильник! — сказал Славик и улыбнулся.

— Что такое?! — Папа как-то странно задрожал. — Холодильник?!.. Что ты мелешь?!.. Откуда ты это знаешь?!

— Как — откуда? — обиделся Славик. — Я его проверил в газете... Там первые три цифирки совпали... и остальные. И серия та же!.. Я уже умею проверять, папа! Я же взрослый!

— Взрослый?! — Папа так зашипел, что ёжик, который вылез из-под дивана, от страха свернулся в клубок. — Взрослый?!.. Меняешь холодильник на ёжика?

— Но я подумал, — испуганно сказал Славик, — я подумал, что холодильник у нас уже есть, а ёжика нет...

— Замолчи! — закричал папа и вскочил с дивана. — Кто? Кто этот мальчик?! Где он?!

...Сеня стоял посреди двора и со страхом глядел на грозного папу, который в одной руке нёс Славику, а в другой — ежа.

— Где? — спросил папа, надвигаясь на Сеню. — Где билет Уголовник, возьми свою колючку и отдай билет!

— У меня нет билета! Я из него голубя сделал, — прошептал Сеня и захныкал.

— Не плачь! — сказал папа, стараясь быть спокойным. Не плачь, мальчик... А где этот голубок?..

— Он на карнизе засел... — сказал Сеня.

— На каком карнизе?

— Вон на том! — И Сеня показал на карниз второго этажа. Папа снял пальто и полез по водосточной трубе.

Спустившись на землю и тяжело дыша, папа развернул билетик и увидел, что он выпущен два года тому назад.

— Ты его когда купил? — спросил папа у Славику.

— Ещё во втором классе, — сказал Славик.

Папа молча отошёл в сторонку и сел на лавочку.

— Папа, — тихо сказал Славик, подходя к отцу. — Ты не расстраивайся! Сенька говорит, что он всё равно отдаёт папе ёжика...

— Спасибо! — сказал папа. — Спасибо, Сеня...

Он встал и пошёл к дому.

Ёму вдруг стало очень грустно. Он понял, что никогда уже не вернуть того счастливого времени, когда с лёгким сердцем меняют холодильник на ежа.

(По Г. Горину)

В новогоднюю ночь старый Волк особенно остро почувствовал своё одиночество. Увязая в снегу, продираясь сквозь цепкие ёлки, он брёл по лесу и размышлял о жизни.

Да, ему никогда не везло. Самые лучшие куски у него выхватывали из-под носа другие. Волчица и та оставила его, потому что он мало приносил зайцев.

Оти зайцы, сколько из-за них неприятностей! У кого их много — перед теми все на задних лапах стоят, а у кого мало...

Ёлки, ёлки... «Ёлки-палки, — думал Волк, — когда же всё это кончится? Никуда не денешься от этих ёлок, хоть из лесу выйдешь!»

И вдруг... Волк присел на хвост, протёр глаза: неужели правда? Под ёлкой сидит самый настоящий, самый живой заяц. Он сидит, задрав голову, и смотрит куда-то вверх, и глаза его горят так, словно ему там невеста что показывают.

«Интересно, что он там увидел? — подумал Волк. — Дай-ка и я погляжу». И он поднял глаза на ёлку. Сколько ёлок видел он на своём веку, но такой ему видеть не приходилось. Она вся искрилась снежинками, переливаясь лунным светом, и казалось, что её специально убрали к празднику, хотя на ней не было ни одной ёлочной игрушки.

Ёлки-палки! — сказал Волк и замер с открытым ртом. Вызывает же на свете такое чудо! Посмотришь на него — и чувствуешь, как у тебя внутри что-то переворачивается — не в желудке, нет, а повыше. И уже ничего не хочется — только видеть и смотреть. Так и сидели они рядышком — Заяц и Волк под новогодней ёлкой и смотрели на неё, и внутри у них что-то переворачивалось. И Заяц впервые подумал, что есть на свете кое-что посильнее волков, а Волк подумал, что, ёлки-палки, честно говоря, ведь не в зайцах счастье.

(Ф. Кривин. Волк на ёлке)

1. Л. Толстой. Война и мир.

2. И. Вукин. Господин из Сан-Франциско.

3. М. Вулгаков. Мастер и Маргарита.

Проблема истинной и ложной красоты

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан её не стан богини,
И грудь волною не встаёт,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признаёт.
Однако все её движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты...

(М. Лермонтов)

Пьер был неуклюж. Толстый, выше обыкновенного роста, широкий, с огромными красными руками, он, как говорится, не умел войти в салон и ещё менее умел из него выйти, то есть переставив ноги. Это было особенно неприятно. Кроме того, он был рассеян. Вставая, он вместо своей шляпы захватил треугольную шляпу с генеральским плюмажем и держал её, дергая султан, до тех пор, пока генерал не попросил возвратить её. Но вся его рассеянность и неумение войти в салон и говорить в нём выкупались выражением добродушия, простоты и скромности.

(Л. Толстой. Война и мир)

Прочтя письмо до этого места, княжна Марья вздохнула и оглянулась в трюмо, которое стояло направо от неё. Зеркало отразило некрасивое, слабое тело и худое лицо. Глаза её, всегда грустные, теперь особенно безнадежно смотрели на себя в зеркало. «Она мне льстит», — подумала княжна, отвернувшись и продолжала читать. Жюли, однако, не льстила своему другу: действительно, глаза княжны, большие, глубокие и лучистые (как будто лучи тёплого света иногда снопами выходили из них), были так хороши, что очень часто, несмотря на некрасивость всего лица, глаза эти делались привлекательнее красоты. Но княжна никогда не видела хорошего выражения своих глаз, того выражения, которое они принимали в те минуты, когда она думала не о себе.

(Л. Толстой. Война и мир)

Наташа танцевала превосходно. Ножки её в белых атласных башмачках быстро, легко и независимо от неё делали своё дело, а лицо сияло восторгом счастья. Её оголённые шея и руки были худы и некрасивы в сравнении с плечами Элен. Её плечи были худы, грудь неопределённая, руки тонки; но на Элен был уже как будто лак от всех тысяч взглядов, скользивших по её телу, а Наташа казалась девочкой, которую в первый раз оголили и которой бы очень стыдно это было, ежели бы её не уверили, что это так необходимо.

Князь Андрей, как все люди, выросшие в свете, любил встречать в свете то, что не имело на себе общего светского отпечатка. И такова была Наташа, с её удивлением, радостью, и робостью, и даже ошибками во французском языке. Он особенно нежно и бережно общался и говорил с нею. Сидя подле неё, разговаривая с нею о самых простых и ничтожных предметах, князь Андрей любовался на радостный блеск её глаз и улыбки, относившейся не к говорённым речам, а к её внутреннему счастью.

(Л. Толстой. Война и мир)

Есть лица, подобные пышным порталам,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг.
Иные холодные, мёртвые лица
Закрыты решётками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живёт и не смотрит в окно.
Но малую хижину знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошка её на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобия ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.
(Н. Заболоцкий. О красоте человеческих лиц)

...И пусть черты её нехороши
И нечем ей прельстить воображенье —

Младенческая грация души
Уже скользит в любом её движении.
А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?
(Н. Заболоцкий. Некрасивая девочка)

В уставшем от зимней тяжести лесу, когда ещё не распустились проснувшиеся почки, когда горестные пни зимней порубки ещё не дали поросль, но уже плачут, когда мёртвые бурные листья лежат пластом, когда голые ветви ещё не шелестят, а лишь потихоньку трогают друг друга, неожиданно доносится запах подснежника!

Еле-еле заметный, но это запах пробуждающейся жизни, потому он трепетно-радостный, хотя почти не ощущается. Смотрю вокруг — оказалось, он рядом. Стоит на земле цветочек крохотная капля голубого неба, такой простой и откровенный, первозданный радости и счастья, кому оно положено и доступно. Но для каждого, и счастливого, и несчастного, он сейчас — украшение жизни.

Вот так и среди нас, людей, есть скромные люди с чистым сердцем, «незаметные» и «маленькие», но с огромной душой; они-то и украшают жизнь, вмещая в себя всё лучшее, что есть в человечестве: доброту, простоту, доверие. Так и подснежник кажется капелькой неба на земле.

(По Г. Троепольскому)

Проблема человеческого счастья. Проблема необходимости стремления к счастью

Человеку всегда чего-то будет не хватать для полного счастья. Особенно сложно живётся в современном мире, когда со страниц газет и с экранов телевизора на нас обрушивается поток негативной информации о катастрофах, войнах, убийствах... Послушав такую информацию, любой может впасть в депрессивное состояние и начать воспринимать жизнь в чёрном цвете. И тогда одна за другой начинают при-

ходить беды. И кажется, что жизнь — это беспросветная полнота проблем и забот.

Как исправить эту ситуацию, как впустить счастье в свой дом? Как ни абсурдно всё это прозвучит, сделать это под силу каждому. Авторы бесчисленных книг по психологии постоянно акцентируют наше внимание на простом факте: «Человек сам хозяин своей судьбы». Своими чёрными мыслями мы создаём негативный сценарий жизни, программируя себя на неудачи.

Раз мы сами создаём свою жизнь, может, вместо негатива нам стоит подумать о чём-нибудь хорошем? Старайтесь ценить незатейливые моменты жизни, ведь это так просто. Посмотрите в окно, и вы увидите, какая красота окружает нас. Чистая синева небес и изумрудная листва деревьев, весенняя капель и весело шумящие ручейки, осенний золотой листопад или белоснежные сугробы зимы — всё это великое дарение является бесплатным лекарством от депрессии и пережитого стресса. Воспользоваться им можно в любой момент и без причин почувствовать себя счастливым человеком.

(По Е. Лебедевой)

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

В бездонном небе лёгким белым краем
Встаёт, сияет облако. Давно
Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
На подоконник птичка. И от книг
Усталый взгляд я отвожу на миг.

День вечереет, небо опустело.
Гул молотилки слышен на гумне...
И вижу, слышу, счастлив. Всё во мне.
(И. Бунин. Вечер)

Это был один из тех осенних дней, когда изнуряющая тоска давит сердце, когда промозглая сырость проникает в душу там, как в погребе, становится темно и холодно. Порывистый ветер, и неподвижно-тяжёлая вода в лужах начала покрываться чёрными пупырышками. Провисшее небо цементного цвета, озябшие осины, обмотанные грязно-серыми бинтами утренней изморози, выбеленные ночным холодом скамьи зданий... В такие дни кажется, что никогда больше не появится солнце, что навсегда померк свет, что наша жизнь будет безрадостно тлеть...

Люди на остановке, будто связанные по рукам и ногам пленники, застыли на месте и апатично смотрели в ту сторону, откуда должен был появиться опаздывающий автобус. Ни раздражительного слова, ни весёлой шутки, ни смеха... Мы все стали неотъемлемой частью тоскливого ненастья.

Вдруг откуда-то из переулочка вышел высокий, полный мужчина, который вёл за руки двух круглолицых девочек. Они кружили подле отца, хлопали одна другую по плечам и самолюбиво смеялись. Отец смеялся вместе с ними, поправляя девочкам капюшоны, то и дело сползающие на глаза. Эта веселая гомонящая троица подошла к остановке. Дети смеялись так, что порой останавливались и, согнувшись, хватались за отца, чтобы не упасть. Тот, большой и толстый, с широким мясистым лицом, торопливо, почти взахлёб, говорил им что-то смешное, и они, всплёскивая руками, начинали хохотать ещё сильнее.

Пожилая женщина, пряча лицо от ветра, искоса глядела на это ликующее семейство и укоризненно качала головой:

— Ну разве так можно?!

А я смотрел на них и завидовал. Так завидуешь людям, живущим в уютной и тёплой деревушке, мимо огоньков которой ты мчишься на поезде в морозную зимнюю ночь...

Подошёл автобус, одна из девочек, прочитав табличку на ветровом стекле, радостно махнула рукой вопросительно кивнувшему отцу:

— Не наш! Играем!

Мы угрюмо сели в автобус и поехали, а они остались, с блаженным визгом гоняясь друг за другом по опустевшей остановке.

(По И. Новикову)

Мать родилась в сибирской деревне. Долгая тоскливая зима в переполненной народом, телятами и поросятами душной избе с детства заронила у неё любовь к весне. Породила жажду первой заметить, почувствовать хотя бы отдалённые её признаки, изошряла её слух и глаз слышать и видеть то, что не видят, не слышат другие. С детства большой радостью стали для неё родные леса, поля и всё живое в них...

А сколько нужды и горя выпало на долю матери, потерявшей семерых взрослых детей!

И всё же глаза её оставались незамутнёнными до глубокой старости, свидетельствующими о душевной ясности, лицо свежим, свободным от морщин. Способность радоваться, чутко улавливать красоту родной земли дарована далеко не всем людям. «Дурак и радость обратит в горе, разумный и в горе утешится», — говорила она.

Лицо матери, как подсолнечник к солнцу, всегда было обращено к радости, к деянию добра. Я был убеждён, что мать обладала особым талантом доброты и обострённым ощущением природы, которое она всё время бессознательно пыталась привить нам, детям. И сам я также жадно начинал смотреть на дерущихся воробьёв, слушать писк синиц, с волнением ждать первой капли с крыш. Каждый «воробьиный шажок» весны торжествовался как победа. Слова матери глубоко западали в памяти, трогали какие-то незримые струны души, оберегали нас от тысячи тысяч пагубных соображений, бились в наших сердцах неиссякаемым подспудным родником.

(Е. Пермитин. Мать)

Былинка полюбила солнце... Конечно, на взаимность ей трудно было рассчитывать: у Солнца столько всего на земле, как ему заметить маленькую, неказистую Былинку! Да и хороша пара: Былинка — и Солнце!

Но Былинка думала, что пара была бы хороша, и тянулась к Солнцу изо всех сил. Она так упорно к нему тянулась, что вытянулась в высокую, стройную Акацию.

Красивая Акация, чудесная Акация — кто узнает в ней теперь прежнюю Былинку? Вот что делает с нами Любовь, даже неразделённая.

(Ф. Кривин. Любовь)

1. Л. Толстой. Война и мир (образы Наташи и Сони, их отношение к жизни).

2. Ф. Достоевский. Преступление и наказание (образы Раскольникова и Сони, их восприятие жизни).

3. А. Солженицын. Матрёнин двор. Один день Иван Денисовича.

Проблема ответственности родителей перед детьми и детей перед родителями. Проблема связи поколений

Общаться со стариками нелегко. Это ясно. Но общаться нужно, и нужно делать это общение лёгким и простым.

Старость делает людей ворчливее, болтливее. Нелегко для молодых переносить глухоту старых. Старые люди недослышат, невпопад ответят, переспрашивают. Надо, разговаривая с ними, повышать голос, чтобы старики расслышали. А повышая голос, невольно начинаешь раздражаться.

Старый человек часто обижается (повышенная обидчивость — свойство старых людей). Одним словом — трудно не только быть старым. Но и трудно быть со старыми.

И тем не менее молодые должны понимать: все мы будем старыми. И ещё должны помнить: опыт старых ох как может пригодиться.

Вспомним пушкинскую Арину Родионовну. Молодой может сказать: «Но моя бабушка совсем не Арина Родионовна!» А я убеждён в обратном: всякая бабушка, если её внуки захотят, может быть Ариной Родионовной. Не для всякого Арина Родионовна стала бы такой, какой её сделал для себя Пушкин.

У Арины Родионовны были признаки старости: например, она засыпала во время работы. Вспомните:

И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.

Что значит слово «медлят»? Она не всегда медлила, а «поминутно», время от времени, то есть так, как это бывает

время от времени засыпающими стариками. И Пушкин умел находить в старческих слабостях Арины Родионовны милые черты: прелесть и поэтичность.

Обратите внимание, с какой любовью и заботой Пушкин пишет о старческих чертах своей няни:

Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь,
То чудится тебе...

Стихи остались неоконченными.

Арина Родионовна стала для всех нас близкой именно потому, что рядом с ней был Пушкин. Не было бы Пушкина — осталась бы она в короткой памяти окружавших её болтливой, поминутно задрёмывающей и озабоченной старухой. Но Пушкин нашёл в ней лучшие черты, преобразил её. Муза Пушкина была доброй. Люди, общаясь, создают друг друга. Одни люди умеют разбудить в окружающих лучшие их черты. Другие этого не умеют и сами становятся неприятны, ленивы, раздражительны, тоскливо скучны.

Старики не только ворчливы, но и добры, не только болтливы, но и отличные рассказчики, не только глуховаты, но обладают хорошим слухом на старые песни.

В каждом почти человеке совмещаются разные черты. Конечно, одни черты преобладают, другие — скрыты, подавлены. Надо уметь разбудить в людях их лучшие качества и не замечать мелкие недостатки. Спешите установить с людьми добрые отношения.

(По Д. Лихачёву. Заветное)

Графиня, по обычаю, сидела с Беловой за гранпасьяном, когда Пьер и Наташа вошли в гостиную.

Она была совсем седа и носила чепчик, обхватывающий всё лицо рюшем. Лицо её было сморщено, верхняя губа ушла, и глаза были тусклы.

После так быстро последовавших одна за другой смертей мужа и сына она чувствовала себя нечаянно забытым на этом свете существом, не имеющим никакой цели и смысла. Она ела, пила, спала, бодрствовала, но она не жила. Жизнь не давала ей никаких впечатлений. Ей ничего не нужно было от жизни, кроме спокойствия, и спокойствие это она могла найти

только в смерти. Но пока смерть не приходила, ей надо было жить, то есть употреблять своё время, свои силы жизни. В ней в высшей степени было заметно то, что заметно в очень маленьких детях и очень старых людях. В её жизни не видно было никакой внешней цели. Ей надо было покушать, поспать, подумать, поговорить, поплакать, поработать, посердиться и т.д. только потому, что у неё был желудок, был мозг, были мускулы, нервы и печень.

Так поутру, в особенности ежели накануне она покушала чего-нибудь жирного, у ней являлась потребность посердиться, и тогда она выбирала ближайший предлог — глухоту Беловой.

Она с другого конца комнаты начинала говорить ей что-нибудь тихо.

— Нынче, кажется, теплее, моя милая, — говорила она шёпотом. И когда Белова ей отвечала: «Как же, приехали», она сердито ворчала: — Боже мой, как глуха и глупа!

...Когда нужно было поплакать, тогда предлогом был покойный граф. Когда нужно было тревожиться, предлогом был Николай и его здоровье; когда нужно было язвительно поговорить, тогда предлогом была графиня Марья. Когда нужно было дать упражнение органу голоса, тогда предлогом были рассказы всё одних и тех же историй и всё одним и тем же слушателям.

Это состояние старушки понималось всеми домашними, хотя никто никогда не говорил об этом и всеми употреблялись всевозможные усилия для удовлетворения этих её потребностей. Только в редком взгляде и грустной полуулыбке, обращённой друг к другу между Николаем, Пьером, Наташей и Марьей, бывало выражаемо это взаимное понимание её положения.

Но взгляды эти, кроме того, говорили ещё другое: они говорили о том, что она сделала уже своё дело в жизни, о том, что она не вся в том, что теперь видно в ней, о том, что все мы будем такие же и что радостно покоряться ей, сдерживать себя для этого когда-то дорогого, когда-то такого же полного, как все мы, жизни, теперь жалкого существа. Помни о смерти, — говорили эти взгляды.

Только самые дурные и глупые люди да маленькие дети из всех домашних не понимали этого и чуждались её.

(Л. Толстой. Война и мир)

Уходят наши матери от нас,
уходят потихонечку,
на цыпочках,
а мы спокойно спим,
едой насытившись,
не замечая этот страшный час.

Уходят матери от нас не сразу,
нет, —
Они уходят медленно и странно,
шагами маленькими
по ступеням лет.

Вдруг спохватившись нервно в кой-то год,
им отмечаем шумно день рожденья,
но это запоздалое раденье
ни их,
ни наши души не спасёт.

Всё удаляются они,
всё удаляются.

К ним тянемся,
очнувшись ото сна,
но руки вдруг о воздух ударяются —
в нём выросла стеклянная стена!

Мы опоздали.
Пробил страшный час.
Глядим мы со слезами потаёнными,
как тихими, суровыми колоннами
уходят наши матери от нас.
(Е. Евтушенко)

Всё больше, больше моей маме лет.
Всё реже поднимается чуть свет
На шорох свежевывмытых газет,
В которых утешений нет и нет.

Всё горше каждый воздуха глоток,
Всё скользче пол, опасный, как ледок,

Всё тяжелей, нечаянно жесток,
Обнявший плечи лёгонький платок...

В нелёгкие такие времена
Всё легче, легче делалась она,
И страшно мне, что может кто-нибудь,
Как пёрышко, её с России сдуть.

Как мне испить живой воды тогда
Из маминого слабого следа?
Любимая, прошу тебя, — сумей
Стать хоть немного матерью моей.

(Е. Евтушенко)

Особенно плохо человек ведёт себя со своими близкими не только потому, что он их не боится, но и потому, что по отношению к ним он питает безумную уверенность, что исправить зло никогда не поздно. «Я как бальзам, которым любое мгновение могу утишить боль, которую я сам причинил». Осязаемая близость близкого человека вводит в заблуждение. Вот он сидит — можно распоясаться; он здесь и я здесь, следовательно, возможность исправления зла обеспечена... а вдруг что-нибудь случится? И тогда это зло, эта жестокость окажутся последними...

(Л. Гинзбург. Заблуждение воли)

Я поселился поздней осенью в деревне под Рязанью, в усадьбе известного в своё время гравёра Пожалостина. Там одиноко доживала свой век дряхлая ласковая старушка — Катерина Ивановна. Единственная её дочь, Настя, жила в Ленинграде и совсем позабыла о матери — она только раз в два месяца присылала Катерине Ивановне деньги.

Катерина Ивановна никогда ни на что не жаловалась, кроме как на старческую слабость. Но я знал от соседей и от бестолкового доброго старика Ивана Дмитриевича, что у Катерины Ивановны не жизнь, а одно горе горькое. Настя вот уже четвертый год как не приезжает, — забыла, значит, мать, а дни у Катерины Ивановны считанные. Не ровён час, так и умрёт она, не повидав дочери, не приласкав её, не погладив её русые волосы «очаровательной красоты» (как говорила о них Катерина Ивановна).

Настя присылала Катерине Ивановне деньги, но и то, бывало, с перерывами. Как Катерина Ивановна жила во время этих перерывов — никому не известно.

Однажды Катерина Ивановна попросила меня проводить её в сад, — в нём она не была с ранней весны, всё не пускала слабость.

Она одевалась очень долго. Надела старый тёплый сапожник, тёплый платок и, крепко держась за мою руку, медленно спустилась с крылечка.

Уже вечерело. Сад облетел. Палые листья мешали идти. Они громко трещали и шевелились под ногами. На зеленеющей заре зажглась звезда. Далеко над лесом висел серп месяца.

Катерина Ивановна остановилась около обветренной липы, оперлась о неё рукой и заплакала.

И крепко держал её, чтобы она не упала. Плакала она, как очень старые люди, не стыдясь слёз.

— Не дай вам Бог, родной мой, — сказала она мне, — дожить до такой одинокой старости! Не дай вам Бог!

А ещё через несколько дней Катерина Ивановна слегла и уже больше не вставала. У неё ничего не болело. Жаловалась она только на усталость.

Я послал телеграмму Насте в Ленинград.

Настя опоздала на три дня и приехала уже после похорон.

(К. Паустовский. Зарубки на сердце)

Оператор телевидения, прожившая несколько месяцев в Антарктике, рассказывала. Когда морозы и ветры становятся особенно большими, пингвины становятся в круг. Посередине самые маленькие, дальше побольше, затем взрослые, а вне — по кругу, на самом юру — старики, вожаки. И они погибают, чтобы сохранить род.

(Д. Лихачёв. Заветное)

По утрам теперь звонил телефон-мобильник. Чёрная коробочка оживала: загорался в ней свет, пела весёлая музыка и объявлялся голос дочери, словно рядом она:

— Мама, здравствуй! Ты в порядке? Молодец! Вопросы и пожелания? Замечательно! Тогда целую. Будь-буди!

Коробочка тухла, смолкала.

В первые дни старая Катерина лишь дивилась такому чуду. Прежде на хуторе был телефон в колхозной конторе. Теперь появился «мобильный». И то слава Богу.

— Мама! Слышишь меня?! Живая-здоровая? Молодец, Целую.

Не успеешь и рта раскрыть, а коробочка уж потухла.

— Это что за страсть такая... — ворчала старая женщина. Не телефон, свиристелка. Прокукарекал: будь-будь... Вот тебе и будь. А тут...

А тут, то есть в жизни хуторской, старицкой, было много всего, о чём рассказать хотелось. Её и впрямь упреждали, когда телефон привезли, что он дорогой и нужно говорить коротко, о самом главном. Но что оно в жизни главное? Особенно у старых людей...

Прошёл ещё один день. А утром слегка подморозило.

Как всегда поутру, засветил и запел телефон мобильный.

— Здравствуй, моя доча, здравствуй. Одно лишь звание, что — живая. Я ныне так вдарилась, — пожаловалась она. Не то нога подыграла, а может, склизь. Где, где... — подошла довала она. — Во дворе. Воротца пошла отворять, с ночи. А тама, возле ворот, там грушина-черномыска. Ты её любишь. Она сладимая. Я из неё вам компот варю. Иначе бы её давно ликвидировала. Возле этой грушины...

— Мама, говори, пожалуйста, конкретней. Не забывай, что это — мобильник, тариф. Что болит? Ничего не сломала?

— Вроде бы не сломала, — всё поняла старая женщина. Прикладаю капустный лист.

На том и закончился с дочерью разговор. Остальное самой себе пришлось досказывать: «Чего болит, не болит... Всё болит, каждая косточка. Такая жизнь позади...»

И, отгоняя горькие мысли, старая женщина занялась привычными делами во дворе и в доме. Но старалась больше толкаться под крышей, чтобы ещё не упасть. А потом возле прялки уселась. И мысли, словно нить, тянутся и тянутся. А за окном — день осенний, словно бы сумерки. И вроде зябко.

И тут совсем неожиданно, в обеденный неурочный час, заиграла музыка и засветил, проснувшись, мобильный телефон. Старая женщина испугалась:

— Доча, доча... Чего случилось? Не заболел кто? А я вспомню: не к сроку звонишь. Ты на меня, доча, не держи обиду. Я знаю, что дорогой телефон, деньги большие. Но я ведь наизавтра чуток не убила. Тама, возле этой дулины... — Она опомнилась: — Господи, опять я про эту дулину, прости, моя доча...

Идалека, через многие километры, донёсся голос дочери:

— Говори, мама, говори...

— Вот я и гутарю. Нынче такая склизь. А тут ещё эта дулинка... Да корень этот под ноги лезет, от грушины. Нам, старым, нынче ведь всё мешает. Я бы эту грушину навовсе ликвидировала, но ты её любишь. Опять я не то плету... Прости, моя доча. Ты слышишь меня?..

И далёком городе дочь её слышала и даже видела, прикрыв глаза, старую мать свою: маленькую, согбенную, в белом платочке.

— Говори, мама... — просила она и боялась лишь одного: вдруг оборвётся, и, может быть, навсегда, этот голос и эта званность. — Говори, мама, говори...

(По Б. Екимову. Говори, мама, говори...)

Здравствуй, племя

Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастёшь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Весёлых и приятных мыслей полон,
Пройдёт он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.

(А. Пушкин. Вновь я посетил...)

1. Библия. Притча о блудном сыне.
2. А. Пушкин. Станционный смотритель.
3. И. Тургенев. Отцы и дети.
4. А. Чехов. Дома.
5. К. Паустовский. Телеграмма. Золотая роза. Зарубки на сердце.
6. В. Распутин. Женский разговор.

Проблема воспитания и образования.
Проблема формирования духовной культуры
Проблема познания как миссии человека

Молчалин

Мне завещал отец:

Во-первых, угождать всем людям без изъятия —
Хозяину, где доведётся жить,
Начальнику, с кем буду я служить,
Слуге его, который чистит платья,
Швейцару, дворнику для избежания зла,
Собаке дворника, чтоб ласкова была.

(А. Грибоедов. Горь от ума)

При расставании слёз не было пролито из родительских глаз; дана была полтина меди на расход и лакомства и, что гораздо важнее, умное наставление: «Смотри же, Павлуша, учись, не дури, не повесничай, а больше угождай учителям и начальникам. Коли будешь угождать начальнику, то, хотя и в науке не успеешь и таланту Бог не дал, всё пойдёшь в ход и всех опередишь. С товарищами не водись, они тебя добру не научат; а если уж пошло на то, так водись с теми, которые побогаче, чтобы при случае могли быть тебе полезными. А больше всего береги и копи копейку: эта вещь надёжнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст; а копейка не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Всё сделаешь и всё прошибёшь на свете копейкой».

(Н. Гоголь. Мёртвые души)

...Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил
И в Летний сад гулять водил...

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава Богу,
У нас немудрено блеснуть.

(А. Пушкин. Евгений Онегин)

Времена Простаковых и Скотининых миновались давно. Писемцова ученье свет, а неучёных тьма бродила уже по полям и деревням вместе с книгами, развозимыми букинистами.

Старики понимали выгоду просвещения, но только внешнюю его выгоду. Они видели, что уж все начали выходить из людей, то есть приобретать чины, кресты и деньги не иначе, как только путём ученья; что старым подьячим, заторелым на службе дельцам, состарившимся в давнишних привычках, привычках и крючках, приходилось плохо.

Стали носиться злоеющие слухи о необходимости не только знания грамоты, но и других, до тех пор неслыханных в том быту наук. Между титулярным советником и коллежским ассессором разверзалась бездна, мостом через которую служил какой-то диплом.

Старые служаки, чада привычки и питомцы взяток, стали исчезать. Многих, которые не успели умереть, выгнали за неблагонадёжность, других отдали под суд; самые счастливые были те, которые, махнув рукой на новый порядок вещей, убралась подобру да поздорову в благоприобретённые уделы.

Обломовы смекали это и понимали выгоду образования, но только эту очевидную выгоду. О внутренней потребности ученья они имели ещё смутное и отдалённое понятие, и оттого им хотелось уловить для своего Илюши пока некоторые блестящие преимущества.

Они мечтали и о шитом мундире для него, воображали его советником в палате, а мать даже и губернатором; но всего этого хотелось бы им достигнуть как-нибудь подешевле, с разными хитростями, обойти тайком разбросанные по пути просвещения камни и преграды, не трудясь перескакивать через них, то есть, например, учиться слегка, не до изнурения души и тела, не до утраты благословенной, в детстве приобретённой полноты, а так, чтоб только соблюсти предписанную форму и добыть как-нибудь аттестат, в котором бы сказано было, что Илюша прошёл все науки и искусства.

(И. Гончаров. Обломов)

— Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороха, да будет солдат, а не шаматон.

(А. Пушкин. Капитанская дочка)

Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай, Пётр. Служи верно, кому присягнёшь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду».

(А. Пушкин. Капитанская дочка)

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещения дух
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...

(А. Пушкин)

Е.Ф. Саричевой

Вы обращались с нами строго,
Порою так, что не дыши,
Но ведь за строгостью так много
Большой и преданной души.
Вы научили нас, молчащих,
Хотя бы сносно говорить,
Но слов не хватит настоящих,
Чтоб Вас за всё благодарить.

(В. Висоцкий. Педагогу)

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони её от дома к дому,
Тащи с этапа на этап.
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в чёрном теле
И не снимай с неё узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвёт.

А ты хватай её за плечи,
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь,
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

(Н. Заболоцкий)

Андрей, подталкиваемый какими-то своими мыслями, вспомнил разговор, который состоялся в день его приезда:

— Бабушка, ты сказала тогда, что тебе жалко человека. Всех жалко. Помнишь, ты говорила?

— Помню. Как не помнить.

— Почему тебе его жалко?.. Ты говорила: маленький он, человек. Слабый, значит, бессильный или что?

— А чё, не маленький, чё ли?.. Не прибыл, поди-ка. Какой был, такой и есть. Был о двух ногах-руках, боле не приросло. А жисть раскипятил... страшно поглядеть... Он думает, он ковалин над ей, а он давно уж не хозяин. Давно её из рук упустил. Она над им верх взяла, она с его требует чего хочет, погоню его погоняет... Ему бы попридержать её, оглядеться вокруг себя, чё ишо осталось, а чё уж ветром унесло... Нет, он тошней того — ну понужать! Дак ить он этак надсадится, надолго его не хватит...

— Как это он надсадится, когда есть машины? Все на машинах. Знала бы ты, бабушка, каких машин понастроили.

Теперь уж не осталось такого производства, чтоб самому упираться. Где ему надсадиться-то? Не то ты, бабушка, говоришь.

— Я знаю, про чё говорю. Я про тебя, про вас толкую тебе. Пуп вы щас не надрываете — чё говорить! Его-то вы бережете. А что душу потратили — вам и дела нету. Ты хоть слышал, что у человека-то душа есть?.. Более того — человека в тебе держит. Чтоб человеком ты родился и человеком остался. А кто душу вытравил, тот не человек, нет! На чё угодно такой человек пойдёт, не оглянется. Ну дак без её легче. Налегком устремились. Чё хочу, то и ворочу. Никто в тебе не занает, не заболит. Не спросит никто...

(В. Распутин. Прощание с Матёрой)

Природа как будто бы поступила с человеком честно. Она надёжно упрятала свои тайны в гуще лесных дебрей, в океанской бездне, в недостижимой небесной выси, в забытых шифрах древних рукописей. Многовековая мудрость повесила пудовые замки запретов на дверях, которые ведут в непознанное. Сюжеты многих сказок так или иначе связаны с мотивом нарушенного запрета. Слушайся старших, не нарушай правил — и всё будет хорошо... Но герои упрямо не слушаются кряхтящей мудрости, и беда не заставляет себя ждать.

Тогда возникает вопрос: почему же человек так глух к внутреннему призыву самосохранения? Почему он ломится в двери, на которых висит табличка «Посторонним вход воспрещён»? Что это? Глупость как врождённое качество человека? А может, неистребимая потребность познания? <...> Оглянитесь на историю человечества: она вся в этом неуступчивом и неуклонном движении за черту дозволенного.

«Не смей!» — говорит природа. Но почему-то именно этот окрик лишь усиливает нашу тягу к познанию. Следовательно, мы такими созданы, природа рассчитывает на то, что мы не послушаемся её запретов. Действительно, идти вперёд смертельно опасно, но и стоять на месте нельзя — тогда верная смерть. Если человек перестанет двигаться вперёд, кто же раскроет тайны, кто же обнаружит захваты

вающую дух беспредельность, глубину и сложность гармонии?

Вот почему мы осуждены двигаться вперёд, осуждены стирать, потому что, двигаясь вперёд, мы не только не противоречим гласу природы, а, напротив, служим делу жизни.

(По Е. Новикову)

Во всём мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.

До сущности протёкших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

Всё время схватывая нить
Судеб, событий,
Жить, думать, чувствовать, любить,
Свершать открытья.

(Б. Пастернак)

Всё сказано на свете:
Несказанного нет,
Но вечно людям светит
Несказанного свет.

(Н. Матвеева)

1. Д. Фонвизин. Недоросль.
2. Л. Толстой. Война и мир (воспитание в семьях Ростовых, Болконских, Курагиных; воспитание детей графиней Марьей).
3. М. Салтыков-Щедрин. Премудрый пискарь (наказ отца).
4. И. Гончаров. Обломов (сон Обломова).
5. А. Чехов. Дома.
6. Б. Екимов. Ночь исцеления. Фетисыч.

Проблема влияния искусства на человека

Сегодня утром я шёл по улицам Старого Дрездена. На душе было неприятно и неловко: шёл я смотреть её, прославленную Сикстинскую Мадонну.

Ею все восхищаются, ею стыдно не восхищаться. Между тем бесчисленные снимки с картины, которые мне приходилось видеть, оставляли меня в полном недоумении, чем тут можно восхищаться. Мне нравились только два ангелочка внизу. И вот, — я знал, — я буду почтительно стоять перед картиною, и всматриваться без конца, и стараться натащить на себя соответственное настроение.

Я вошёл в Цвингер. Большие залы, сверху донизу увешанные картинами. Глаза разбегаются, не знаешь, на что смотреть... Вот небольшая дверь в угловую, северную комнату. Перед глазами мелькнули знакомые контуры, яркие краски одежд... Она! С неприятным, почти враждебным чувством я вошёл в комнату.

Одиноко, в большой, идущей от пола золотой раме, похожей на иконостас, высилась у стены картина... На диванчике и у стены сидели и стояли люди, тупо и почтительно глаза на картину. «Товарищи по несчастью!» — подумал я, смеясь в душе. Но сейчас же я поспешил задушить в себе смех и с серьёзным, созерцающим видом остановился у стены.

И вдруг незаметно, нечувствительно — всё вокруг как будто стало исчезать. Исчезли люди и стены. Исчез вычурный иконостас. Всё больше затуманивались, словно стыдясь себя и чувствуя свою ненужность на картине, старик Сикст и кокетливая Варвара. И среди этого тумана ярко выделялись два лица — Младенца и Матери. И перед их жизнью всё окружающее было бледным и мёртвым... Он, поджав губы, большими, страшно большими и страшно чёрными глазами пристально смотрел вверх голов вдаль. Эти глаза видели вдали всё: видели вставших на защиту порядка фарисеев, и предателя друга, и умывающего руки чиновника-судью, и народ, кричащий: «Распни его!» Да, он видел этим проникающим взглядом, как будет стоять под терновым венцом, исполосованный плетьюми.

И рядом с ним — она, серьёзная и задумчивая, с круглым девическим лицом, со лбом, отуманенным дымкою предчувствия. Я смотрел, смотрел...

А дымка проносилась и снова надвигалась на чистый девичий лоб. И такая вся она была полная жизни, полная любви к жизни и земле... И всё-таки — она не прижимала сына к себе, не старалась защитить от будущего. Она, напротив, груду поворачивала его навстречу будущему. И серьёзное, сосредоточенное лицо её говорило: «Настали тяжёлые времена, и не видеть нам радости. Но нужно великое дело, и благо ему, что это дело берёт на себя!» И лицо её светилось благоговением и подвигу и величавою гордостью. А когда совершится подвиг... когда он совершится, — её сердце разорвётся от материнской муки и изойдёт кровью. И она знала это...

Вечером я сидел на Брюлёвской террасе. На душе было так, как будто в жизни случилось что-то важное и особенное.

Я сидел, и вдруг светлая, поднимающая душу радость охватила меня, — радость и гордость за человечество, которое сумело воплотить и вознести на высоту *такое* материнство...

(По В. Вересаеву. Мать)

Ростов понимал, какой удар он нанесёт отцу, матери объявлением этого проигрыша. Приехать домой, увидеть сестёр, брата, мать, отца, признаться и просить денег, на которые не имеешь права, было ужасно.

Николай вошёл в залу, его охватила та любовная поэтическая атмосфера, которая царствовала в эту зиму в их доме. Соня сидела за клавирами. Наташа собиралась петь. Денисов восторженными глазами смотрел на неё.

Николай стал ходить взад и вперёд по комнате.

«И вот охота заставлять её петь! Что она может петь? И ничего тут нет весёлого», — думал Николай.

Соня взяла первый аккорд прелюдии.

«Боже мой, я бесчестный, я погибший человек. Пулю в лоб — одно, что остаётся, а не петь, — подумал он. — Уйти? Но куда же? Всё равно, пускай поют!»

Наташа взяла первую ноту, горло её расширилось, глаза приняли серьёзное выражение. Она не думала ни о чём в эту минуту, и из улыбки сложенного рта полились звуки, те звуки, которые тысячу раз оставляют вас холодными, в тысячу первый раз заставляют вас содрогаться и плакать.

В голосе её была та девственность, нетронутость, то незнание своих сил и та необработанная ещё бархатность, которые так

соединялись с недостатками искусства пения, что, казалось, нельзя было ничего изменить в этом голосе, не испортив его.

«Что ж это такое? — подумал Николай, услышав её голос широко раскрывая глаза. — Что с ней сделалось? Как она поёт нынче?» — подумал он. И вдруг весь мир для него сосредоточился в ожидании следующей ноты, следующей фразы, и всё в мире сделалось разделённым на три темпа: «Oh mio signor!... Раз, два, три... раз, два, три... Эх, жизнь наша дурацкая! — думал Николай. — Всё это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, — всё это вздор... а вот оно — настоящее. Ну, Наташа, ну, голубчик! Ну, матушка! Как она это *si* возьмёт... Взяла? Слава Богу! — И он, сам не замечая того, что поёт, чтобы усилить этот *si*, взял вторую в терцию высокую ноты. — Боже мой! Как хорошо! Неужели это я взял? Как счастливо!» — подумал он.

О, как задрожала эта терция и как тронулось что-то лучшее, что было в душе Ростова. И это что-то было независимо от всего в мире и выше всего в мире. Какие тут проигрыши и Долоховы! Всё вздор!

(Л. Толстой. Война и мир)

Вера Николаевна вернулась домой поздно вечером и была рада, что не застала дома ни мужа, ни брата.

Зато её дожидалась пианистка Жени Рейтер, и, взволнованная тем, что она видела и слышала, Вера кинулась к ней:

— Жени, милая, прошу тебя, сыграй для меня что-нибудь, и сейчас же вышла из комнаты в цветник и села на скамейку.

Она почти ни одной секунды не сомневалась в том, что Жени сыграет то самое место из Второй сонаты, о котором просил этот мертвец с смешной фамилией Желтков.

Так оно и было. Она узнала с первых аккордов это исключительное, единственное по глубине произведение. И душа её как будто раздвоилась. Она одновременно думала о том, что мимо неё прошла большая любовь, которая повторяется только один раз в тысячу лет. Вспомнила слова генерала Анисова и спросила себя: почему этот человек заставил её слушать именно это бетховенское произведение, и ещё против её желания? И в уме её слагались слова. Они так совпадали в её мысли с музыкой, что это были как будто куплеты, которые кончались словами: «*Да святится имя Твое*».

«Вот сейчас я вам покажу в нежных звуках жизнь, которая покорно и радостно обрекла себя на мучения, страдания и смерть. Ни жалобы, ни упрёка, ни боли самолюбия я не знал. И перед тобою — одна молитва: «*Да святится имя Твое*».

«Да, я предвижу страдание, кровь и смерть. И думаю, что трудно расстаться телу с душой, но, Прекрасная, хвала тебе, страстная хвала и тихая любовь. *Да святится имя Твое*».

«Вспоминаю каждый твой шаг, улыбку, взгляд, звук твоей походки. Сладкой грустью, тихой, прекрасной грустью овеяны мои последние воспоминания. Но я не причиню тебе горя. Я уйду один, молча, так угодно было Богу и судьбе. *Да святится имя Твое*»...

Княгиня Вера обняла ствол акации, прижалась к нему и плакала. Налетел лёгкий ветер и, точно сочувствуя ей, зашепестел листьями. Острее запахло звёзды табака... И в это время удивительная музыка, будто подчиняясь её горю, продолжала:

«Успокойся, дорогая, успокойся, успокойся. Ты обо мне помнишь? Помнишь? Ты ведь моя единая и последняя любовь. Успокойся, я с тобой. Подумай обо мне, и я буду с тобой, потому что мы с тобой любили друг друга только одно мгновение, но навеки. Ты обо мне помнишь? Помнишь? Помнишь? Вот я чувствую твои слёзы. Успокойся. Мне спать так сладко, сладко, сладко».

Жени Рейтер вышла из комнаты, уже кончив играть, и увидела княгиню Веру, сидевшую на скамейке всю в слезах.

— Что с тобой? — спросила пианистка.

Вера, с глазами, блестящими от слёз, беспокойно, взволнованно стала целовать её лицо и говорила:

— Нет, нет, — он меня простил теперь. Всё хорошо.

(А. Куприн. Гранатовый браслет)

Звяканье ведра. Тихий говор. Это сосед возится в огороде, грядки поливает. Рядом с ним внук в нарядной яркой рубашке. Тоже — цветок живой, человеческий.

Мягкий солнечный свет. Гудение пчёл. Нежный переклик золотистых щуров в далёком небе. Негромкие людские голоса, тихие шаги. Летнее утро на земле, возле старого дома. Тихая музыка жизни.

Прежде, в годы молодые, любя музыку, ходил я на филармонические концерты, в оперный театр. Рояль, нежная

скрипка, могучий орган, симфонический оркестр, романсы, песня, ария, дуэт или опера — всё было по сердцу.

«Гори, гори, моя звезда... — печалась, выводил великий бас Борис Штоколов. — Ты у меня одна заветная...» И отвечала душа моя, соглашаясь: «Да, да...»

Прошло время. А теперь?.. Спасибо музыке! Она помогла мне — не вдруг! — но услышать прежде неведанную музыку жизни.

Поневоле внимаешь грозе, шумному ливню, могучему ледоходу, морскому шторму. Но понемногу, словно отворяется слух. От грома и молний переходишь к простому, будничному, но не менее прекрасному. И оно всегда рядом, возле старого дома, в нашем дворе.

Зелень земная, небесная синь. Час утренний, в небе луна. Она, видно, загляделась, забыла, что ей давно пора уходить из этого прекрасного, но чужого мира. Забылась, под солнцем тает и тает, словно Снегурочка.

Прежде, в молодости, я любил живопись. Сначала это были просто цветные иллюстрации в журнале «Огонёк» или почтовые открытки с репродукциями. «Утро в сосновом бору» Шишкина, таинственный лес, неведанные звери-медведи. Или могучее, тоже неведанное, море Айвазовского, его «Девятый вал».

Потом были музеи: Третьяковка — в Москве, Русский — в Питере. Ходил туда порою изо дня в день. Покупал заранее билеты и поутру, в безлюдье, устремлялся в залы далёкие, чтобы никто не мешал, к Валентину Серову, к Поленову, к Саврасову. Смотрел и думал.

В детстве все мы грезим чем-то далёким, великим: Гималаями, Альпами, Великим Океаном — красой непостижимой. Спасибо художникам. Они мне открыли глаза и помогли увидеть иное. Этюд в Русском музее. Даже не помню чей, кажется, Шишкина. Клочок земли, трава и простые ромашки. Но вдруг, словно стены ушли и большого города нет, а живая земля — вот она, и живая трава, цветок. Разве не чудо? Или портрет Нади Девиз Валентина Серова, неоконченный, написанный даже не на холсте, а на листе кровельного железа. И вовсе ведь не красавица. Но какие глаза... Какое лицо дивное! Вот он — живой человек, мне близкий. А сколько их рядом? Проходят мимо, мною не замеченные. Спасибо художникам. Они помогли мне. Теперь я в музеях бываю редко, но

каждый день вижу красоту земли, людей, жизни. И всё это здесь, возле старого дома.

Обычный августовский вечер. Пора заката. Что-то делал в саду, потом к дому пошёл. Ненароком взлянул в сторону затоптанную и встал. Вроде давно живу, ко всему привык, а вот глянул — и замер, обо всём забыв.

Иссиня-чёрная туча прикрыла заходящее солнце, нависнув мрачной скалой над вечереющим миром. Рваные края её злое ещё багровеют. А рядом светит алостью чистое небо.

Тёмная, фиолетовая синь, багровые тревожные отсветы, алый пламень — и всё это в полнеба.

(По Б. Екимову. Музыка старого дома)

— Кстати, Евгений Петрович, я просила бы вас обратить ваше внимание на Серёжу. Сегодня и третьего дня я заметила, что он курит. Когда я стала его усовещать, то он, по обыкновению, заткнул уши и громко запел, чтобы заглушить мой голос.

Евгений Петрович Быковский, прокурор окружного суда, только что вернувшийся из заседания и снимавший у себя в кабинете перчатки, поглядел на докладывающую ему гувернантку...

— Серёжа курит... — пожал он плечами. — А где он берёт табак?

— У вас в столе.

— Да? В таком случае пришлите его ко мне.

«Что же я ему, однако, скажу?» — подумал Евгений Петрович.

Но прежде, чем успел надумать что-либо, в кабинет уже входил его сын Серёжа, мальчик семи лет.

— Здравствуй, папа! — сказал он мягким голосом, ползая отцу на колени и быстро целуя его в шею. — Ты меня звал?

— ...Я на тебя сердит и больше тебя не люблю. Так и знай, братец: я тебя не люблю и ты мне не сын...

— ...Что же я тебе сделал? — спросил он в недоумении, моргая глазами.

— Сейчас Наталья Семёновна жаловалась мне, что ты куришь... Это правда? Ты куришь?

— Да, я раз курил... Это верно!..

— Вот видишь, ты ещё и лжёшь вдобавок, — сказал прокурор, хмурясь и тем самым маскируя улыбку. — Наталья Се-

мёновна два раза видала, как ты курил. Значит, ты уличён в трёх нехороших поступках: куришь, берёшь из стола чужой табак и лжёшь... Прежде ты был хорошим мальчиком, но теперь, я вижу, испортился и стал плохим.

«Что же ещё сказать ему?»

— Во-первых, ты не имеешь права брать табак, который тебе не принадлежит... У тебя есть лошадки и картинки... Ведь я их не беру!

— Возьми, если хочешь, — сказал Серёжа, подняв брови. — Ты, пожалуйста, папа, не стесняйся, бери!

«Не то! Совсем не то! Не так я ему объясняю!» — подумал прокурор. Лениво цепляя фразу к фразе и подделываясь под детский язык, Быковский стал объяснять сыну, что значит собственность. Серёжа глядел ему в грудь и внимательно слушал (он любил по вечерам беседовать с отцом), потом облокотился о край стола и начал щурить свои близорукие глаза на бумагу и чернильницу.

«Он меня не слушает, — думал Евгений Петрович. — Очевидно, он не считает важными ни свои поступки, ни мои доводы. Как втолковать ему?»

— Сегодня кухарка шинковала капусту и обрезала палец, — сказал Серёжа, рисуя домик и двигая бровями. — Она так крикнула, что мы все перепугались и побежали в кухню.

Дальше он рассказал, что во время обеда во двор заходил шарманщик с девочкой, которая пела и плясала под музыку.

«У него своё течение мыслей! — думал прокурор. — У него в голове свой мирок, и он по-своему знает, что важно и что неважно. Чтобы овладеть его вниманием и сознанием, недостаточно подтасовываться под его язык, нужно также уметь и мыслить на его манер...»

Евгений Петрович сел за стол и потянул к себе один из рисунков Серёжи. На этом рисунке был изображён дом с кривой крышей и с дымом, который как молния, зигзагами шёл по труб до самого края бумаги; возле дома стоял солдат с точками вместо глаз и со штыком, похожим на цифру 4.

— Человек не может быть выше дома, — сказал прокурор. — Погляди: у тебя крыша приходится по плечо солдату.

— Нет, папа! — сказал Серёжа, посмотрев на свой рисунок. — Если ты нарисуешь солдата маленьким, то у него не будет видно глаз.

Нужно ли было оспаривать его?.. Он находил возможным и разумным рисовать людей выше домов, передавать карандашом, кроме предметов, и свои ощущения... В его понятии звук тесно соприкасался с формой и цветом, так что, раскрашивая буквы, он всякий раз неизменно звук Л красил в жёлтый цвет, М — в красный, А — в чёрный и т. д.

Бросив рисунок, Серёжа принял удобную позу и занялся отцовской бородой.

...Прокурор чувствовал на лице его дыхание, то и дело касаясь щекой его волос, и на душе у него становилось тепло и мягко, так мягко, как будто не одни руки, а вся душа его лежала на бархате Серёжиной куртки...

«Вот тут и изволь измышлять наказание», — думал он.

...Пробило десять часов.

— Ну, мальчик, спать пора, — сказал прокурор.

— Нет, папа, — поморщился Серёжа, — я ещё посижу. Расскажи сказку.

— Изволь, только после сказки — сейчас же спать...

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был себе старый-престарый царь. Ну-с, жил он в стеклянном дворце. На деревьях висели стеклянные колокольчики, которые, когда дул ветер, звучали так нежно, что можно было заслушаться. В саду били фонтаны...

Евгений Петрович подумал и продолжал:

— У старого царя был единственный сын и наследник царства — мальчик, такой же маленький, как ты. Это был хороший мальчик. Он никогда не капризничал, рано ложился спать, ничего не трогал на столе и... вообще был умница. Один только был у него недостаток — он курил...

Серёжа напряжённо слушал и не мигая глядел отцу в глаза. Прокурор продолжал и думал: «Что же дальше?» Он долго, как говорится, размазывал да жевал и кончил так:

— От курения царевич заболел чахоткой и умер, когда ему было 20 лет. Дряхлый и болезненный старик остался без всякой помощи. Некому было управлять государством и защищать дворец. Пришли неприятели, убили старика, разрушили дворец, и уж в саду теперь нет ни птиц, ни колокольчиков... Так-то, братец...

Такой конец самому Евгению Петровичу казался смешным и достаточно наивным, но на Серёжу вся сказка произвела

сильное впечатление. Глаза его подёрнулись печалью и чем-то похожим на испуг; минуту он глядел задумчиво на тёмное окно, вздрогнул и сказал упавшим голосом:

— Не буду я больше курить...

Когда он простился и ушёл спать, его отец тихо ходил из угла в угол и улыбался.

(А. Чехов. *Дом*)

Поэт, понявший «трав неясный запах», хочет, чтобы то же стал чувствовать и читатель. Ему надо, чтобы всем «была звёздная книга ясна» и «с ним говорила морская волна».

(Н. Гумилёв)

Проблема псевдокультуры. Проблема отрыва технического прогресса от развития культуры

На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашенные картоны, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно на досках. В середине сцены сидели девицы в красных корсажах и белых юбках... Все они пели что-то. Когда они кончили свою песню, девица в белом подошла к будочке суфлёра, и к ней подошёл мужчина в шёлковых в обтяжку панталонах на толстых ногах, с пером и кинжалом и стал петь и разводить руками.

После деревни и в том серьёзном настроении, в котором находилась Наташа, всё это было дико и удивительно ей. Она не могла следить за ходом оперы... Она видела только крашенные картоны и странно наряженных мужчин и женщин, при ярком свете странно двигавшихся, говоривших и певших; она знала, что это должно было представлять, но всё это было так вычурно-фальшиво и ненатурально, что ей становилось то совестно за актёров, то смешно на них. Она оглядывалась вокруг себя, на лица зрителей, отыскивая в них то же чувство насмешки и недоумения, которое было в ней, но все лица были внимательны к тому, что происходило на сцене, и выражали притворное, как казалось Наташе, восхищение. «Должно быть, это так надобно!» — думала Наташа.

...Но вдруг сделалась буря, в оркестре послышались хроматические гаммы и аккорды уменьшенной септимы, и все побежали и потащили опять одного из присутствующих за кулисы, и занавес опустился. Опять между зрителями поднялся страшный шум и треск, и все с восторженными лицами стали кричать:

— Дюпора! Дюпора! Дюпора!

Наташа уже не находила это странным. Она с удовольствием, радостно улыбаясь, смотрела вокруг себя.

(Л. Толстой. *Война и мир*)

Более неудачное сочетание слов — «фабрика звёзд» — трудно себе представить. Ведь то, что показывает нам телевидение под этим названием, — если и фабрика, то не звёзд, а, скорее, заштампованной метеоритной пыли, которая в доли секунд исчезает в животворящей атмосфере культуры. Бедная наша страна! Кроме прочих невыносимых недугов, она просто заражена «звёздной болезнью». А нам нужны мастера!

Понятно, что воспитание актёра, певца, музыканта требует не только неимоверного труда, способностей и терпения, но и времени. А за полгода неокрепших молодых людей, даже подающих надежды, можно только вымуштровать, обучив немногим актёрским штампам, годным на потребу невзыскательной толпе.

(Л. Мозговой)

Культура таит в себе свою трагедию. До тех, кому она нужна всего, до широких народных масс, она доходит медленно, слишком медленно. Культурой в основном пользуются культурные люди. В этом её трагедия.

Как её преодолеть — вопрос грандиозной сложности, который должно пытаться разрешить общество в целом и государство. Техническое развитие человеческого ума вырвалось вперёд, оторвалось от культуры и грозит человечеству гибелью то ли от рук террористов, то ли от рук безумного диктатора, овладевшего атомным оружием. То ли просто от нового варварства вседозволенности псевдокультуры, которой народничкают глупые книги и средства массовой информации и которую народ активно поглощает и потому, что она примитивная, и потому, что она поощряет низменные человеческие инстинкты. Проявляя нравственную брезгливость, мы должны с этой псевдокультурой бороться беспощадно.

(По Ф. Искандеру)

Проблема отношений природы и человека.
Проблема влияния природы на человека.
Проблема бережного отношения
человека к природе

Князь Андрей отворил окно. Ночь была свежая и непо-
движно-светлая. Перед самым окном был ряд подстриженных
дерев, чёрных с одной и серебристо-освещённых с другой сто-
роны. Под деревьями была какая-то сочная, мокрая, кудрявая
растительность с серебристыми кое-где листьями и стеблями.
Далее за чёрными деревьями была какая-то блестящая росой
крыша, правее большое кудрявое дерево, с ярко-белым ство-
лом и сучьями, и выше его почти полная луна на светлом,
почти беззвёздном весеннем небе. Князь Андрей облокотился
на окно, и глаза его остановились на этом небе.

Комната князя Андрея была в среднем этаже; в комнате над
ним тоже жили и не спали.

Два женских голоса запели какую-то музыкальную фразу,
составлявшую конец чего-то.

— Ах, какая прелесть! Ну, теперь спать, и конец.

— Ты спи, а я не могу, — отвечал голос, который князь Анд-
рей узнал. Всё затихло и окаменело, как и луна и её свет и
тени. Князь Андрей тоже боялся пошевелиться, чтобы не вы-
дать своего присутствия.

— Соня! Соня! — слышался опять первый голос. — Ну,
как можно спать! Да ты посмотри, что за прелесть! Да проснись
же, Соня, — сказала она почти со слезами в голосе. — Ведь эта
кой прелестной ночи никогда, никогда не бывало.

Соня неохотно что-то отвечала.

— Нет, ты посмотри, что за луна!.. Ах, какая прелесть! Ты
пойди сюда. Душенька, голубушка, поди сюда. Ну, видишь?
Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под
коленки — туже, как можно туже, натужиться надо, — и по-
летела бы. Вот так!

(Л. Толстой. Война и мир)

На другой день, простившись только с одним графом, не до-
ждавшись выхода дам, князь Андрей поехал домой.

Уже было начало июня, когда князь Андрей, возвращаясь
домой, въехал опять в ту берёзовую рощу, в которой этот ста-

рый, корявый дуб так странно и памятно поразил его. Бубен-
чики ещё глуше звенели в лесу, чем месяц тому назад; всё
было полно, тенисто и густо; и молодые ели, рассыпанные по
лесу, не нарушали общей красоты и, подделываясь под общий
характер, нежно зеленели пушистыми молодыми побегами.

«Да, здесь, в этом лесу был этот дуб, с которым мы были со-
гласны», — подумал князь Андрей. «Да где он?» — подумал
опять князь Андрей, глядя на левую сторону дороги и, сам
того не зная, не узнавая его, любовался тем дубом, которого он
некал. Старый дуб, весь преобразённый, раскинувшись шат-
ром сочной, тёмной зелени, млея, чуть колыхаясь в лучах ве-
чернего солнца. Ни корявых пальцев, ни болячек, ни старого
недоверия и горя, — ничего не было видно. Сквозь жёсткую,
столетнюю кору пробились без сучков сочные, молодые
листья, так что верить нельзя было, что это старик произвёл
их. «Да, это тот самый дуб», — подумал князь Андрей, и на
него вдруг нашло беспричинное, весеннее чувство радости и
обновления. Все лучшие минуты его жизни вдруг в одно и то
же время вспомнились ему.

«Нет, жизнь не кончена в 31 год, — вдруг окончательно,
бесперерывно решил князь Андрей. — Мало того, что я знаю
всё то, что есть во мне, надо, чтобы и все знали это: и Пьер, и
эта девочка, которая хотела улететь в небо, надо, чтобы не для
одного меня шла моя жизнь, чтобы на всех она отражалась и
чтобы все они жили со мною вместе!»

Возвратившись из своей поездки, князь Андрей решил
осенью ехать в Петербург и придумал разные причины этого
решенья. Целый ряд разумных, логических доводов, почему
ему необходимо ехать в Петербург и даже служить, ежеми-
нутно был готов к его услугам. Он даже теперь не понимал,
как мог он когда-нибудь сомневаться в необходимости при-
нять деятельное участие в жизни, точно так же как месяц тому
назад он не понимал, как могла бы ему прийти мысль уехать
из деревни.

(Л. Толстой. Война и мир)

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховый,
Подорожника твёрдый клинок.

Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появление
На рассвете весеннего дня.

В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поёт,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.

(Н. Заболоцкий)

...Различная сила воздействия пейзажа зависит от степени его родственности нашим ощущениям.

Мы никогда не променяем на самые торжественные красоты тропиков и Запада наши скромные дали. Мы родились и жили «под сереньким ситцем этих северных тихих небес», их красота слилась со всей нашей жизнью, они были её свидетелями, и потому только мы можем с полной силой её ощутить и понять. Исключения бывают редко.

Во время путешествий мы часто бываем восхищены блеском чужеземной природы, но она никогда не сможет затмить природу русскую. Наоборот, чем ярче чужое, тем ближе своё. Ничто — ни лиловый пожар Эгейского моря, ни розовеющий мрамор и алые олеандры Эллады, ни синий сказочный воздух Сицилии, ни золотая тусклая дымка над бессмертным Парижем, — ничто не только не может приглушить нашу память о своей стране, но, наоборот, доводит её до почти болезненной остроты. Я испытал это на себе, когда в туманных предосенних садах Версаля с их почернелой, как старая позолота, листвой, с их геометрической пышностью я — совсем не знаю почему — вспомнил крошечный городок Спас-Клепики, и у меня заныло сердце.

(К. Паустовский)

Я перебираю в памяти места, какие видел. И убеждаюсь, что видел мало. Но это не так уж страшно, если вспомнить увиденные места не по их количеству, а по их свойствам, по их качеству. Можно, даже сидя всю жизнь на одном клочке, увидеть необыкновенно много. Всё зависит от пытливости и остроты глаза. Ведь всем известно, что в самой малой капле

отражается калейдоскоп света и красок, — вплоть до множества оттенков совершенно разного зелёного цвета в листьях бузины или в листьях черёмухи, липы или ольхи. Кстати, листья ольхи похожи на детские ладони — с их нежной прищипкостью между тоненьких жилок.

(К. Паустовский)

Можно ещё много написать о Мещёрском крае. Можно написать, что этот край очень богат лесами и торфом, сеном и картофелем, молоком и ягодами. Но я нарочно не пишу об этом. Неужели мы должны любить свою землю только за то, что она богата, что она даёт обильные урожаи и природные её силы можно использовать для нашего благосостояния!

Не только за это мы любим родные места. Мы любим их ещё за то, что, даже небогатые, они для нас прекрасны.

Я люблю Мещёрский край за то, что он прекрасен, хотя вся прелесть его раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно.

На первый взгляд — это тихая и немудрая земля под небом ярким небом. Но чем больше узнаёшь её, тем всё больше, почти до боли в сердце, начинаешь любить эту обыкновенную землю.

(К. Паустовский. Бескорыстие)

В. Белову

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...
Тихая моя родина,
Я ничего не забыл...

Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

(Н. Рубцов)

Мы привыкли, что мир — зелёный. Ходим, мнём траву, сдираем её гусеницами и колёсами, срезаем лопатами, наглухо захлопываем бетонными плитами, заливаем горячим асфальтом, заваливаем железным, цементным, пластмассовым, кирпичным, бумажным, тряпичным хламом. Льём на траву бензин, мазут, керосин, кислоты и щёлочи. Высыпать машину заводского плака и накрыть и отгородить от солнца траву? Подумаешь!.. Не человека же засыпаем, траву. Вырастет в другом месте.

Однажды, когда кончилась зима и антифриз в машине был уже не нужен, я открыл краник, и вся жидкость из радиатора вылилась на землю, там, где стояла машина — на лужайке под окнами нашего деревенского дома. Антифриз растёкся продолговатой лужей, потом его смыло дождями, но на земле, оказывается, получился сильный ожог. Среди плотной мелкой травки, растущей на лужайке, образовалось зловещее чёрное пятно. Три года земля не могла залечить место ожога, и только потом уже плешина снова затянулась зелёной травой.

Под окном, конечно, заметно. Я жалел, что поступил неосторожно, испортил лужайку. Но ведь это под собственным окном! Каждый день ходишь мимо, видишь и вспоминаешь. Если же где-нибудь подальше от глаз, в овраге, на лесной опушке, в придорожной канаве, да, Господи, мало ли на земле травы? Жалко ли её?.. Она везде. В лесу, в поле, в степи, на горах, даже в пустыне... Разве что в пустыне поменьше. Начинаешь замечать, что, оказывается, может быть так: земля есть, а травы нет. Страшное, жуткое, безнадёжное зрелище! Представляю себе человека в безграничной, бестравной пустыне, какой может оказаться после какой-нибудь космической или не космической катастрофы наша земля, обнаружившего на обугленной поверхности планеты единственный зелёный росточек, пробивающийся из мрака к солнцу...

(По В. Солоухину)

Мы не задумывались и не очень-то берегли жизнь на земле. Она казалась нам безграничной и вездесущей... Верим, что и на Луне живут люди... А уж Африка, Индия представлялись нам чем-то вроде зоопарков без клеток. Везде пальмы, пальмы, пальмы. А на пальмах кокосы, финики и бананы, попугаи и обезьяны. А под пальмами кишат — непременно кишат! — слоны, носороги и бегемоты. Ногу поставить некуда — как раскопанный муравейник!

Но скоро пришло время разочарований... Планеты — соседи Земли — мертвы...

Что, если мы одиноки? И во всей Вселенной лишь на Земле теплится жизнь? Искра жизни в безжизненном океане...

Однако в результате деятельности общества с середины XX века мир потерял почти 1/5 верхнего плодородного слоя почв на обрабатываемых землях. Уничтожена 1/5 площади влажных тропических лесов, исчезли десятки видов растений и животных... В Индии осталось сто львов, в Африке несколько сотен горилл. Шимпанзе и орангутангов приходится на парков выпускать в джунгли. По пальцам можно пересчитать китайских бамбуковых медведей, индийских дымчатых леопардов, африканских белых носорогов. Наших тигров, барсов, гепардов...

Поражённые кислотными осадками, умирающие леса и безжизненные озёра стали обычными для промышленно развитых стран. Человечество всё больше ощущает отрицательные результаты своего неумения беречь мир живой природы.

(Энциклопедия для детей)

До сих пор пользуемся старыми словами: «далеко — близко», «свой — чужие»... Но что значит далеко или близко после Чернобыля, когда уже на четвёртые сутки чернобыльские облака плыли над Африкой и Китаем? Земля вдруг стала такая маленькая. Теперь у нас появилось другое ощущение пространства. Ещё пример... В последние сто лет человек стал жить дольше, но все его сроки ничтожны и крошечны в сравнении с жизнью радионуклидов, поселившихся на нашей земле. Многие из них будут жить тысячами. Появляется другое чувство времени. И это всё — Чернобыль.

Больше всего в Чернобыле запоминается жизнь «после всего»: вещи после человека, пейзажи без человека. Дорога — в никуда, провода — в никуда. Яблоневый сад зарос молодыми берёзами. Или трава ростом с бегущего оленя. Единственное, что напоминает о человеке — железные кровати, стоящие на фундаменте разрушенных крестьянских хат, и почерневшие печи, похожие больше на диковинные птичьи гнёзда, чем на наше жильё. На следы человека. Нет-нет да и подумаешь, что это — прошлое или будущее?

(С. Алексеевич. Чернобыльская молитва)

Идём по лесу со старым охотником. Впереди — просвет.

— Сейчас потише. Речка будет, а на речке плотина бобровая. Может, и самого бобра увидим. Нет, не увидим. Тихо этот бобёр живёт. Хозяин. Всё у него в аккурат.

Да, вот так жизнь устроена. Мы думаем, только среди людей — хозяин, не хозяин. Нет, парень, и звери на разный манер.

Вот за тем мысом бобёр живёт. Дурак дураком. Корму ивняка, берёзы было на десять—одиннадцать лет. Живи припеваючи. А он что сделал? Плотину сразу поднял на два метра — сколько не поел затопленного кустарника — тот обсох за год. А раз обсох — всё: ищи другое место да строй новую нору.

А умный-то бобёр, хозяин-то который, он до десятка лет, а то и больше одной плотинкой пользуется. Как пользуется-то? А по-хозяйски объедает. Сперва маленькую плотинку поставит, чтобы вода залила берег чуть-чуть, чтобы ровно на год еды (кустарника) хватило. Обьел осинку, берёзку, ивняк затопленный, снова приподымал плотину, и так раз десять. Так делает то хозяин-бобёр.

То же и лось. Иной пройдёт мелкий сосняк как хозяин, объест столько, сколько надо. А другой весь поломаёт. Шлёпает, пасть не закрывши, — на всё ему наплевать.

(Ф. Абрамов. Бобёр-хозяин)

Но ещё сумела, всплеснулась жизнь на Матёре — когда начался покос...

Полдеревни вернулось в Матёру, и Матёра ожила пускай не прежней, не текущей по порядку, но всё-таки похожей на неё

жизнью, будто для того она и воротилась, чтобы посмотреть и запомнить, как это было...

И работали с радостью, со страстью, каких давно не испытывали. Махали литовками так, словно хотели показать, кто лучше знает дело, которое здесь же, вместе с этой землёй придётся навеки оставить. Намахавшись, падали на срезанную траву и, опьянённые, взбудораженные работой, подтачиваемые чувством, что никогда больше такое не повторится.

Вечером возвращались с песней. И чванливые раньше к трезвой песне мужики подтягивали тоже. Заслышав песню, выходили и выстраивались вдоль улицы все, кто оставался в деревне, — ребятишки, старухи, а также понаехавшие со стороны...

Матери и отцы, бабушки и дедушки везли с собой ребятишек, зазывали и вовсе посторонних людей, чтобы показать землю, из которой они вышли и которую позже будет уже не увидеть и не сыскать. Казалось, полсвета знает о судьбе Матёры...

К концу дня угорали и от работы, и от солнца, а больше того — от резких и вязких, тучных запахов поспевшего сена. Запахи эти доставали и до деревни, и там народ с удовольствием втягивал их, обмирал: эх, пахнет-то, пахнет-то!.. Где, в каком краю может ещё так пахнуть!..

Но почему так тревожно, так смутно на душе?.. Попробуй-ка разберись. Вот стоит земля, которая казалась вечной, но выходит, что казалось, — не будет земли. Пахнет травами, пахнет лесом, отдельно с листом и отдельно с иголкой, каждый кустик веет своим дыханием; пахнет деревом постройки, пахнет скотиной, жильём, навозной кучей за стайкой, огуречной ботвой, старым углём от кузнецы... Почему, почему при них, кто живёт сейчас, ничего этого не станет на этой земле? Не раньше и не позже. Спроста ли? Хорошо ли? Чем, каким утешением унять душу?

(В. Распутин. Прощание с Матёрой)

1. И. Тургенев. Записки охотника.
2. И. Шмелёв. Лето Господне.
3. К. Паустовский. Мещёрская сторона. Золотая роза.

4. Ю. Казаков. Долгие крики. Охота. Арктур — гончий пёс. Тэдди.
5. В. Солоухин. Владимирские просёлки.
6. А. Фет, Ф. Тютчев, А. Пушкин, С. Есенин, И. Бунин, Н. Заболоцкий.

Проблема красоты человеческого труда. Проблема необходимости относиться с уважением к труду. Проблема мастерства

— Да чего вы скупитесь? — сказал Собакевич. — Право, недорого! Другой мошенник обманет вас, продаст вам дрянь, а не души; а у меня что ядрёный орех. Все на отбор. Вы рассмотрите: вот, например, каретник Михеев! Ведь больше никаких экипажей не делал, как только рессорные. И не то как бывает московская работа, что на один час, — прочность такая, сам и обобьёт, и лаком покроет!.. А в плечищах у него была такая сила, какой нет и у лошади.

А Пробка Степан, плотник?

Милушкин, кирпичник! Мог поставить печь в каком угодно доме. Максим Телятников, сапожник: что шилом кольнёт, то и сапоги, что сапоги, то и спасибо. А Еремей Сорокоплекхин! Да этот мужик один станет за всех, в Москве торговал, одного оброку приносил по пятисот рублей. Ведь вот какой народ!

(Н. Гоголь. Мёртвые души)

Попал он тут к старому мастеру по каменной ягоде. Мода, видишь, была из камней ягоды делать. И на всё установился. Чёрну, скажем, смородину из агату делали, белу — из дурмашков, клубнику — из сургучной яшмы. Одним словом, всякой ягоде свой камень. Для корешков и листочков свой порядок был: кое из офата, кое из малахита либо из орлеца и там ещё из какого-нибудь камня.

Митюнька весь этот устав перенять перенял, а нет-нет и придумает по-своему. Мастер сперва ворчал, потом похваливать стал:

— Пожалуй, так-то живее выходит.

Напоследок прямо объявил:

— Гляжу я, парень, шибко большое твоё дарование к этому делу. Впору мне, старику, у тебя учиться. **Вовсе ты мастером стал, да ещё с выдумкой.**

Так вот и стал Митюха мастером, а ещё совсем молодой: только-только ус пробиваться стал...

Занялся тут Митюха соком да змеевиком. Немало перебрал. Ну выбрал и сделал со смекалкой. Попотел. Ягодки-то крыжовника сперва половинками обточил, потом в нутре-то выемки наладил да ещё где надо желобочки прошёл, где опять увелочки оставил, склеил половинки, да тогда их начисто и обточил. Живая ягодка-то вышла. Листочки тоже тонко из амёвки выточил, а на корешок ухитрился колючки тонёхонькие пристроить. Одним словом, сортовая работа. В каждой ягодке ровно зёрнышки видно и листочки живые, даже маленько с изъёмами: на одном дырки жучком будто проколоты, на другом опять ржавые пятнышки прилились. Ну, как есть настоящие...

(П. Бажов. Хрупкая веточка)

Бабка Ганя жила на околице, в маленькой избе. Единственный её внук Вася работал в Гусь-Хрустальном на стекольном заводе. Каждую осень он приезжал в отпуск к бабке, привозил ей в подарок гранёные синие стаканы, а для украшения — маленькие, выдутые из стекла самовары, туфельки и цветы. Создавал их он сам и мечтал выдуть стеклянный рояль.

Все эти хитрые безделушки стояли в углу на поставце. Бабка Ганя боялась к ним прикасаться.

Вася заходил и к нам. Это был тихий человек с серыми строгими глазами. Говорил он мало, больше слушал.

Я долго не решался расспросить его о стеклянном рояле. Заветная его мечта казалась неосуществимой.

Но как-то в сумерках, когда за окнами густо валил первый снег, а в печах постреливали берёзовые дрова, я наконец спросил его об этом рояле.

— У каждого мастера, — ответил Вася и застенчиво улыбнулся, — лежит на душе мечтанье сделать такую великолепную вещь, какую никто до него не делал. На то он и мастер!

Вася помолчал.

— Разное есть стекло, — сказал он. — Есть грубое, бутылочное и оконное. А есть тонкое, свинцовое стекло. По-нашему оно называется флинтгласе, а по-вашему — хрусталь. У него блеск и звон очень чистые. Он играет радугой, как алмаз. Раньше работать из хрусталя хорошие вещи было обидно — очень он был ломкий, требовал осторожного обращения, а теперь нашли секрет делать такой хрусталь, что не боится ни огня, ни мороза, ни боя. Вот из этого хрусталя я и задумал отлить свой рояль.

— Прозрачный? — спросил я.

— Об этом-то и разговор, — ответил Вася. — Вы внутри рояля, конечно, заглядывали и знаете, что устройство в нём сложное. Но, несмотря на то что рояль прозрачный, это устройство только чуть будет видно.

— Почему?

— А потому, что блеск от полировки и хрустальная игра его затмят. Это и нужно, потому что иной человек не может получить от музыки впечатления, ежели видит, как она происходит. Хрусталу я дам слабый дымчатый цвет с золотизной. Только вторые клавиши сделаю из чёрного хрусталя, а там весь рояль будет как снежный. Светиться должен и звенеть.

С тех пор до самого Васиного отъезда мы часто говорили с ним об этом рояле.

Вася уехал в начале зимы. Дни стояли пасмурные, мягкие. В сумерки мы выходили в сад. На снег падали последние листья. Мы говорили о рояле, о том, что прекраснее всего он будет зимой, — сверкающий, поющий так чисто, как поёт вода, позванивая по первому льду.

Он даже снился мне иногда, этот рояль. Он отражал пламя свечей, старинные портреты композиторов, тяжёлые золотые рамы, снег за окнами, серого кота, — он любил сидеть на крышке рояля, — и, наконец, чёрное платье молодой певицы и её опущенную руку. Мне снился перекликающийся по залам, как эхо, голос хрустального рояля.

Я просыпался и чувствовал то чудесное стеснение в сердце, которое всегда возникает при мысли о талантливости народа, его песнях, его великих музыкантах и скромных стекольных мастерах.

Всё гуще падал снег, всё сильнее зима завладевала лесами, нашим садом, всей нашей жизнью.

И вся эта Рязанская земля казалась мне теперь особенно милой. Земля, где вчерашний деревенский мальчик мечтал о хрустальном рояле и где красные, оставшиеся с осени гроздья рябины пылали среди снежных лесов.

(К. Паустовский. Стекольный мастер)

Много лет работала музейной смотрительницей Михайловского простая крестьянская женщина Александра Фёдоровна Фёдорова; она действительно была настоящим музейным работником, хотя не было у неё никакой специальной подготовки. Она и грамоту-то узнала под старость, когда поступила работать в заповедник. Она тогда поняла, что служить в доме Пушкина и быть неграмотной — нельзя, что хранить пушкинский дом — это значит не только оберегать его, ценить, любить. Но понимать его и тех, кто приходит сюда.

По понедельникам дом Пушкина бывает закрыт для посетителей. И хотя всюду разосланы объявления и во всех справочниках и путеводителях об этом напечатано — всё равно экскурсанты приходят и стучатся в двери. Если приходили люди добрые, вежливые — старуха согрешит и впустит их в музей.

Она обладала чудесным даром останавливать время. Проводя людей по комнатам, давала пояснения. Это не было экскурсией, какие проводят записные экскурсоводы. Это была великолепная народная сказка. Без всякого вступления начинала она рассказывать нараспев:

— Здесь Пушкин мучился за всех ровно два года и месяц. Здесь всё его. И хоть самого его сейчас нетути и он незрим, всё он видит. Он, Пушкин, всё любил, в чём есть жизнь, и обо всём этом писал в своих книгах. Теперь все идут к Пушкину, потому что его творения охраняют людей от дурного, очищают душу. Его дом для теперешних людей стал тем, чем раньше был для тогдашних храм. Ежели тебя, скажем, что волнует и нет у тебя доброго советчика, — иди к Пушкину, он укажет на истинного друга, даст верный совет... Только хорошенько подумай, что тебе нужно, а потом спроси у Пушкина, и получишь все ответы, в его книгах...

(С. Гейченко)

Булочная Филиппова всегда была полна покупателей. В дальнем углу вокруг горячих железных ящиков стояла постоянная толпа, жующая знаменитые филипповские жареные пирожки с мясом, яйцами, рисом, грибами, творогом, изюмом и вареньем. Публика — от учащейся молодёжи до старых чиновников и от расфранчённых дам до бедно одетых рабочих женщин. На хорошем масле, со свежим фаршем пятачковый пирог был так велик, что парой можно было сытно позавтракать. Их завёл ещё Иван Филиппов, основатель булочной, прославившийся далеко за пределами московскими калачами и сайками, а главное, чёрным хлебом прекрасного качества.

— Хлебушко чёрненький труженику первое питание, — говорил Филиппов.

— Почему он только у вас хорош? — спрашивали.

— Потому, что хлебушко заботу любит. Выпечка-то выпечкой, а вся сила в муке. У меня покупной муки нет, вся своя, рожь отборную покупаю на местах, на мельницах свои люди поставлены, чтобы ни соринки, чтобы ни пылинки... А всё таки рожь бывает разная, выбирать надо. И очень просто! — заканчивал всегда он речь своей любимой поговоркой.

Чёрный хлеб, калачи и сайки ежедневно отправляли в Петербург к царскому двору. Пробовали печь на месте, да не выходило, и старик Филиппов доказывал, что и не выйдет.

— Почему же?

— И очень просто! Вода невяская не годится!

Кроме того, по зимам шли обозы с его сухарями и сайками, на соломе испечёнными, даже в Сибирь. Их как-то особым способом, горячими, прямо из печки, замораживали, везли за тысячу вёрст, а уже перед самой едой оттаивали — тоже особым способом, в сырых полотенцах, — и ароматные, горячие калачи где-нибудь в Барнауле или Иркутске подавались на стол с пылу с жару.

(В. Гиляровский. Москва и москвичи)

В 1508 году Микеланджело Буонарроти подписал договор с папой Юлием II.

Итальянский скульптор и художник обязывался расписать плафон (потолок) Сикстинской капеллы. Так называется длинная и высокая зала в папском дворце в Ватикане.

Чтобы расписать потолок (высота зала 18 метров), по указанию художника поставили леса. Работать на них он мог только лёжа. В течение четырёх лет художник, лёжа на спине, расписывал плафон. Краски капали ему на лицо, тело ныло, но, увлечённый работой, он ничего не замечал. Микеланджело работал с неистовством, забывая о сне и еде.

Работая лежа, великий мастер испортил себе зрение. Долгие годы спустя он мог рассматривать предметы, лишь подняв их над головой.

Сколько технических трудностей преодолел Микеланджело! Только что закончил он одну фреску (роспись водяными красками по сырой штукатурке), как эта часть потолка стала покрываться плесенью, испортившей написанное. Пришлось всю работу начинать сначала.

Микеланджело один расписал плафон площадью более 600 квадратных метров. Лишь его ученик Кондиви помогал ему. Это был труд титана, это был подвиг художника.

За что бы ни брался Микеланджело, он всегда работал с горячностью, увлечённо, с головой погружаясь в свои грандиозные замыслы. Когда ему нужен был мрамор для статуй, он вместе с рабочими спускался в каменоломню и там в течение многих месяцев добывал его.

Может быть, ты спросишь: ради чего Микеланджело все дни своей жизни отдавал такой неистовой, такой всепоглощающей работе?

Представь себе, что мы задали бы такой вопрос самому Микеланджело.

Вероятно, он просто не понял бы нас.

Он не мог жить иначе. Смысл всей его жизни был в этом непрерывном творческом труде. Он стремился раскрыть самого себя, свои думы, свои чувства в произведениях искусства, и была ещё в этом истощённом труде огромная радость для мастера — радость созидания, счастье творить.

(Е. Каменева. Твоя палитра)

Жил-был в селе Чебровка некто Сёмка Рысь, непревзойдённый столяр. Длинный, худой, носатый — совсем не богатырь на вид. Но вот Сёмка снимает рубаху, остается в одной майке, выгоревшей на солнце... И тогда-то, когда он, поигрывая топориком, весело лается с бригадиром, тогда-то видна вся

устрашающая сила и мощь Сёмки. Она — в руках. Руки у Сёмки не комкастые, не бугристые, они — ровные от плеча до лапы, словно литые. Красивые руки. Топорик в них — игрушечный. Кажется, не зная таким рукам усталости.

...Он мог такой шкаф изладить, что у людей глаза разбегались. Приезжали издалека, просили сделать...

Стал Сёмка приглядываться к церковке, которая стояла в деревне Талице, что в трёх верстах от Чебровки. Каменная, небольшая, она открывалась взору — вдруг, сразу за откосом, который огибала дорога в Талицу... По каким-то соображениям те давние люди не поставили её на возвышение, как принято, а поставили её вниз, под откосом. Ещё с детства помнил Сёмка, что если идешь в Талицу и задумаешься, то на повороте, у косогора, вздрогнешь, — внезапно увидишь церковь, белую, лёгкую среди тяжкой зелени тополей.

Как-то в выходной день Сёмка пошёл опять к талицкой церкви. Сел на косогор, стал внимательно смотреть на неё. Тишина и покой кругом. Тихо в деревне. И стоит в зелени белая красавица — сколько лет стоит! — молчит. Много-много раз видела она, как восходит и заходит солнце, полоскали её дожди, заносили снега... Но вот — стоит. Кому на радость? Давно уж истлели в земле строители её, давно распалась в прах та умная голова, что задумала её такой, и сердце, которое волновалось и радовалось, давно есть земля, горсть земли. О чём же думал тот неведомый мастер, оставляя после себя эту светлую каменную сказку? Бога ли он величал или себя хотел показать? Но кто хочет себя показать, тот не забирается далеко, тот норовит поближе к большим дорогам или вовсе на людную городскую площадь — там заметят. Этого заботило что-то другое — красота, что ли? Как песню спел человек, и спел хорошо. И ушёл. Зачем надо было? Он сам не знал. Так просила душа. Милый, дорогой человек!.. Не знаешь, что и сказать тебе... Да и что тут скажешь? Ну, хорошо, красиво, волнует, радует... Разве в этом дело? Он и сам радовался, и волновался, и понимал, что — красиво. Что же?.. Ничего. Умеешь радоваться — радуйся, умеешь радовать — радуй...

(В. Шукшин. Мастер)

1. Н. Лесков. Левша.

2. П. Бажов. Каменный цветок. Малахитовая шкатулка.

3. Д. Кедрин. Зодчие.

Проблема бережного отношения к родному языку

Потомки Ноя долгое время жили вместе в одной стране, недалеко от гор Араратских. И говорили они на одном языке. «На всей земле был один язык и одно наречие». Но род человеческий продолжал увеличиваться, и вскоре все люди поняли, что им придётся разойтись по всей земле. Но прежде чем разойтись, задумали построить город, а в нём башню, наподобие столпа, высокую до небес.

И сказали люди друг другу: понаделаем кирпичей, обожжём их огнём, построим башню и сделаем себе имя. Приступили они к работе. И пошёл Господь Бог посмотреть город и башню, которую строили сыны человеческие. Не понравилась Господу эта затея. Слишком возгордились люди. И сказал Господь: «Вот, один народ, и один у всех язык, и что они начали делать? И не оставят они задуманное, пока не доведут его до завершения». И решил он смешать языки людей, чтобы не понимали они друг друга, чтобы не строили башню до небес.

Люди неожиданно заговорили на разных языках и перестали понимать друг друга и прекратили строить башню. «И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город».

И получил построенный ими город название Вавилон, что означало «смешение». В этом городе Господь смешал языки всех людей и вынудил многих людей уехать оттуда в другие земли.

Страна же, где строили Вавилон, стала называться Вавилонской.

(М. Кубеев. 100 великих библейских сказаний.
Вавилонское столпотворение)

Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа. История русского языка, быть может, раскроет перед вами характер народа, говорящего на нём.

(В. Кюхельбекер)

Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!

(И. Тургенев. Русский язык)

Слово — дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей.

(Л. Толстой)

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!

(А. Ахматова. Мужество)

Но скажут ли достаточно в русских школах о красоте своего языка? Скучные правила пусть придут после, а сначала, с первого дня, пусть будет сказано о красоте русской речи, о богатстве, о восточности, о подвижности и выразительности родного языка.

Нужно знать иностранные языки. Чем больше, тем лучше. Познавая их, русский человек ещё больше утвердится в сознании, какой чудесный дар ему доверен.

Прекрасен русский язык. И на нём скажут лучшие мысли о будущем.

(Н. Рерих)

Самая большая ценность народа — его язык — язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально. Эмоции, ощущения — только окрашивают то, что мы думаем... но мысли наши все формулируются языком.

Вернейший способ узнать человека — его умственное развитие, его моральный облик, его характер — прислушаться к тому, как он говорит.

Если мы замечаем манеру человека себя держать, его походку, его поведение и по ним судим о человеке, то язык человека — гораздо более точный показатель его человеческих качеств, его культуры.

Итак, есть язык народа, как показатель его культуры, и язык отдельного человека, как показатель его личных качеств.

Ведь бывает и так, что человек не говорит, а «плюётся словами». Для каждого расхожего понятия у него не обычные слова, а жаргонные выражения. Когда такой человек с его словами-плевами говорит, он выявляет свою циническую сущность.

(По Д. Лихачёву)

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Своё, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

(Н. Гумилёв. Слово)

Многие русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный блеск.

Большинство таких поэтических слов связано с нашей природой.

Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли.

Для всего, что существует в природе: воды, воздуха, неба, облаков, солнца, дождей, лесов, болот, рек и озёр, лугов и полей, цветов и трав, — в русском языке есть великое множество хороших слов и названий.

Особенно ясными для меня стали эти мысли после встречи с одним лесником.

Шли мы с этим лесником по мелколесью. В незапамятные времена здесь было большое болото, потом оно высохло, за-

Сочинения учащихся

Вашему вниманию предлагаются для анализа сочинения учащихся по некоторым текстам данного пособия. Обратите внимание на то, что это не фрагменты работ, а завершённые тексты. Анализ таких сочинений поможет вам понять, как проблема (К1), комментарий (К2), позиция автора (К3) и аргументация собственного мнения (К4) в содержательном плане должны соотноситься друг с другом, а также как части сочинения связываются между собой. При анализе сочинений важно обратить внимание на способы формулировки проблемы и позиции автора, на то, как можно давать комментарий к проблеме текста, на способы включения в текст собственного мнения и способы его обоснования. Советуем проанализировать композиционные особенности сочинений, обратить внимание на нормативность речи. Помните, что это не образцы для подражания, а возможные варианты выполнения задания, материал для размышлений, что, анализируя работы, вы можете отмечать как достоинства, так и недостатки, но своё мнение необходимо обосновать.

Проблема патриотизма как важнейшей черты национального характера

Огромная территория России во все времена привлекала алчных правителей других стран. Множество попыток завоевания совершили недруги, но Россия прошла через сложные испытания и отразила вражеские нападения.

Что же есть то «чудо», которое заставляет русских «воевать до последнего солдата»? Именно эта проблема волнует В. Некрасова, автора прочитанного мною текста.

Любовь к «жирной, как масло», русской земле и песни о Родине придают нашим солдатам силы на войне. Автор подчёркивает, что бойцы готовы выступить в любой момент, ведь уже через минуту после приказа слышен «медленный, тяжёлый» их шаг. По В. Некрасову, ни «организованность» немца, ни «танки с чёрными крестами» не могут сломить русских солдат, ведь пока есть то «чудо» в каждом из них, шанс на победу остаётся.

росло, и сейчас о нём напоминал только глубокий, вековой мох, небольшие окна-колодцы в этом мху. Вода в них казалась неподвижной. Но если приглядеться, то можно было увидеть, как из глубины оконца всё время подымается тихая струя и в ней вертятся сухие листики брусники и жёлтые сосновые иглы.

Мы остановились у одного такого оконца и напились воды.

— Родник! — сказал лесник, глядя, как из оконца всплыл и тотчас пошёл на дно неистово барахтавшийся жук. — Должно, Волга тоже начинается из такого оконца?

— Да, должно быть, — согласился я.

— Я большой любитель разбирать слова, — неожиданно сказал лесник и смущённо усмехнулся. — И вот скажи на милость! Бывает же так, что пристанет к тебе одно слово и не даёт покоя. Идёшь по лесу, перебираешь в голове слово за словом, — и так их прикинешь и этак: откуда они взялись?

— А какое слово к вам привязалось сейчас? — спросил я.

— Да вот этот самый «родник». Я это слово давно приметил. Всё его обхаживаю. Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. Родник родит реку, а река льётся-течёт через всю нашу матушку-землю, через всю родину, кормит народ. Вы глядите, как эти слова как бы родня между собой. Как бы родня! — повторил он и засмеялся.

Простые эти слова открыли мне глубочайшие корни нашего языка.

Весь многовековой опыт народа, вся поэтическая сторона его характера заключались в этих словах.

Я уверен, что для полного овладения русским языком, для того чтобы не потерять чувство этого языка, нужно не только постоянное общение с простыми русскими людьми, но также общение с пажитями и лесами, водами, старыми ивами, с пересвистом птиц и с каждым цветком, что кивает головой из-под куста лещины.

(К. Паустовский. Алмазный язык)

Автор своим повествованием подводит нас к мысли о том, что «скрытая теплота патриотизма» и есть «чудо», в трудную минуту объединяющее весь русский народ, помогающее одержать победу над более сильным противником. И нельзя не разделить с ним его позиции.

Некрасов не случайно, говоря о своих героях, цитирует Л.Н. Толстого, его рассуждения о скрытой теплоте патриотизма. Во время Отечественной войны 1812 года для русского человека не было вопроса о том, хорошо или плохо будет под властью французов, они знали, что под властью французов русскому человеку быть нельзя. Это знание и любовь к родной земле стали основой победы.

Сейчас очень много говорят о том, что современная молодёжь утратила чувство патриотизма. Я думаю, что это не так. Просто истинный патриотизм не выражается в громких лозунгах. Как писала А. Ахматова в стихотворении «Родная земля»: «Хвораю, бедствую, немощствую на ней, о ней не вспоминаю даже...» Патриотизм проявляется в минуты трудных испытаний. А родная земля для нас, как и для наших предков, всегда будет именно родной.

(По тексту В. Некрасова. В окопах Сталинграда, с. 17—18)

Проблема человеческого счастья.

Проблема необходимости стремления к счастью

В жизни мы часто сталкиваемся с ситуацией, когда чужое счастье или чужая радость не приносит нам положительных эмоций, а вызывают безразличие и даже раздражение. В данном тексте И. Новиков поднимает проблему умения радоваться счастьем другого, заставляя читателя ещё раз обратиться к нравственной сущности человека.

Начинает своё повествование автор с описания состояния природы, которое создаёт атмосферу эмоционального напряжения. «Провисшее небо цементного цвета, озябшие осины, обмотанные грязно-серыми бинтами утренней изморози, выбеленные ночным холодом скулы зданий», — такие слова подобрал И. Новиков для того осеннего дня. Неудивительно, что настроение природы передалось и людям, стоявшим на остановке. «Мы все стали неотъемлемой частью тоскливого ненастья», — повествует автор. Появление «весело гомонящей

троицы» производит неоднозначное впечатление на некоторых людей. «Ну, разве так можно?!» — восклицает недовольно женщина, словно отражая мысль всей толпы. Только герой-рассказчик, глядя на «ликующее семейство», тоже хочет радоваться. И в этом желании героя, как мне кажется, и выражается авторская позиция, которая в финале усиливается за счёт контраста между «угрюмыми» людьми, уехавшими на автобусе, и радостной «троицей», оставшейся на остановке.

Безусловно, нельзя не согласиться с И. Новиковым в том, что нужно уметь радоваться чужому счастью, даже если у самого тяжело на душе. Ведь радость другого человека может стать поводом и для твоей радости. Своему счастью радоваться легко, а вот радоваться чужому счастью нужно учиться. «Зачем?» — спросит кто-то. Чтобы в душе была гармония и любовь, а не злость и раздражение.

Вспоминается героиня романа «Война и мир» Л.Н. Толстого Наташа Ростова, которая умела радоваться как своему, так и чужому счастью. Именно эта черта делает героиню такой привлекательной для читателя и самого автора, заставляет нас восхищаться Наташей.

Чтобы жить в мире и согласии не только с окружающим миром, но и со своим внутренним, нужно совершенствоваться нравственно. И в следующий раз, когда кто-то будет счастлив, нужно постараться искренне за него порадоваться, даже если у самого на душе будет хмуро. Ведь это в сто раз приятнее, чем обижаться и злиться. Не случайно В. Шукшин в своём произведении «Мастер» писал: «Умеешь радоваться — радуйся, умеешь радовать — радуй...»

(По тексту И. Новикова, с. 90)

Проблема ответственности родителей перед детьми и детей перед родителями.

Проблема связи поколений

Проблема одиночества была, есть и будет одной из ключевых проблем человечества, особенно проблема одиночества в старости. Именно об этом К.Г. Паустовский говорит в своём произведении, рассказывая читателям печальную историю о «считанных» днях Катерины Ивановны.

К.Г. Паустовский убеждён, что не должен человек ощущать чувство одиночества на закате своей жизни. Эта мысль звучит в словах Катерины Ивановны: «Не дай вам Бог... дожить до такой одинокой старости! Не дай вам Бог!» Экспрессивный повтор усиливает ощущение трагизма и отчаяния главной героини, чьи слова подтверждают позицию автора.

История, изложенная К.Г. Паустовским, вызывает жалость. Остаться совсем одной в глубокой старости, осознавая, что даже родная дочь забыла о тебе, — что может быть хуже? И хотя К.Г. Паустовский пишет, что Настя периодически присылала деньги, мы понимаем, что не деньги нужны были Катерине Ивановне.

Вспомним родителей Базарова, как счастливы они были, когда их сын приехал навестить их. Им ничего не нужно было от него, они были счастливы уже потому, что Евгений не забыл про них.

Действительно, в душе каждый человек боится оказаться одиноким в старости. Мы помним, как изменился Самсон Вырин, герой произведения А.С. Пушкина «Станционный смотритель», когда остался один. Его дочь приехала к отцу слишком поздно. Судьба Катерины Ивановны очень похожа на историю, рассказанную А.С. Пушкиным.

Все мы знаем о необходимости помнить о своих родителях, но почему-то в круговерти жизни часто забываем о тех, дорожке кого никогда у нас никого не будет. И в этом вечная трагедия людей.

(По тексту К. Паустовского. Зарубки на сердце, с. 96—97)

Проблема познания как миссии человека

Всё сказано на свете!
Несказанного нет,
Но вечно людям светит
Несказанного свет,
Н. Матвеева

Эти строки стихотворения поэта Н. Матвеевой необыкновенно точно передают суть проблемы, которая вечно волнует человечество. Проблемы стремления к «несказанному», к познанию. Об этом же говорит и автор предложенного нашему

вниманию текста, Е. Новиков, но он помогает читателю увидеть новую грань знакомой ситуации.

Автор отмечает, что человек не просто стремится к познанию, он обречён на то, чтобы в этом стремлении постоянно преодолевать преграды, которые перед человеком ставит сама природа. По его мнению, не случайно сюжеты многих сказок связаны с мотивом нарушенного запрета. Нарушенный запрет на познание, по мнению Е. Новикова, является очень ярким подтверждением того, что вечна потребность «неуступчивого и неуклонного движения за черту дозволенного». Автор понимает, что человек создан таким, что именно благодаря этому и развивается жизнь. Он восхищается стремлением человека к знаниям, тем, что это стремление сильнее чувства самосохранения.

Трудно не разделить с Е. Новиковым этого восхищения. Не случайно писатели и поэты разных эпох прославляли это удивительное свойство человека. В стихотворении «Фонтан» Ф. Тютчев говорил о непостижимом законе, который заставляет человеческую мысль вечно стремиться ввысь. Б. Пастернак писал: «Во всём мне хочется дойти до самой сути». А. Пушкин с восторгом восклицал: «О сколько нам открытий чудных / Готовит просвещенья дух!»

Думаю, очень актуальна поднимаемая проблема и для нас, чья жизнь и чья способность к познанию будет определять судьбу человечества в XXI веке.

(По тексту Е. Новикова, с. 104—105)

Проблема красоты человеческого труда. Проблема мастерства

Жизнь человека. Как сложна и многообразна она! Но есть одно, что объединяет жизни разных людей. Все люди где-то работают. Вот только работают они по-разному. Одни просто обязанность выполняют, а другие своему делу служат, душу ему отдают.

В чём секрет истинного мастерства? Как сделать так, чтобы твой труд приносил тебе радость? Эти вопросы значимы для каждого человека. Ответ на эти же вопросы ищет и К. Паустовский, рассказывая о «вчерашнем деревенском мальчишке».

Его герой работает на стекольном заводе, он обыкновенный, очень застенчивый человек. Но есть в нём то, что очень привлекает автора. Он любит свой труд. Он, как герои сказов Бажова, мечтает достичь совершенства в своём деле, создать то, чем смогут любоваться все люди. Его мечта — стеклянный рояль. Необыкновенно поэтично описывает герой Паустовского этот рояль. Настолько поэтично и в то же время точно, что рассказчику хрустальный рояль даже снится. И вместе с автором мы верим, что мечта сбудется.

К. Паустовский не случайно называет свой рассказ «Стекольный мастер». Его герой действительно мастер, мастер, мечтающий о совершенстве. Красота мечты сливается с красотой окружающего мира. И всё это вместе помогает автору понять, как прекрасна земля, на которой живут такие талантливые люди.

История о «скромном стекольном мастере» заставляет о многом задуматься. Будет ли моё дело приносить мне радость? Почему не каждому дано стать мастером?

Шукшин в рассказе «Мастер» говорит: «Как песню спел человек, и спел хорошо... Так просила душа». И ещё: «Умеешь радоваться — радуйся, умеешь радовать — радуй...» И эти слова необыкновенно точно объясняют тайну мастерства.

(По тексту К. Паустовского. Стекольный мастер, с. 125—127)

Перечень возможных проблем

1. Проблема самоутверждения личности в коллективе.
2. Проблема взаимоотношения личности и коллектива.
3. Проблема истинной дружбы.
4. Проблема предательства.
5. Проблема доверия людей друг другу (что помогает установить доверие между людьми?).
6. Проблема человеческого общения, необходимости понимания.
7. Проблема жертвы ради спасения.
8. Проблема взаимосвязи нравственных достоинств человека и судьбы народа в целом.
9. Проблема роли личности в истории.
10. Проблема соотношения личного и государственного в человеке.
11. Проблема ответственности гения перед отчизной.
12. Проблема воспитания полноценной личности.
13. Проблема ошибок и возможности их исправить.
14. Проблема человеческой совести.
15. Проблема утраты интереса к приобретению знаний.
16. Проблема взаимоотношений педагога и воспитанника.
17. Проблема профессионального становления человека.
18. Проблема самооценки начинающего писателя.
19. Проблема веры в свои творческие силы.
20. Проблема реализации способностей.
21. Проблема соотношения книжной романтики и реальности.
22. Проблема отношения общества к талантливому человеку.
23. Проблема развития одарённых детей.
24. Проблема нравственного воздействия книги на формирование человека.
25. Проблема благодарности (всем ли доступно понимание того, что достойно благодарности?).
26. Проблема сохранения физического и духовного здоровья.
27. Проблема влияния власти на человека.
28. Проблема одиночества.
29. Проблема влияния любви на человека.
30. Достоин ли любви человек, сам неспособный любить?